

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА И МЕТОДИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ "ВАВИЛОН"

ЛИНГВИСТИКИ

**ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ
ЛИНГВИСТИКИ,
ЛИНГВОДИДАКТИКИ
И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

Сборник научных трудов
по филологии № 3

1 июня 2009 г.

г. Астрахань 2009 г.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА И МЕТОДИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ВАВИЛОН»

**ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИКИ,
ЛИНГВОДИДАКТИКИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Сборник научных трудов по филологии № 3

1 июня 2009 г.

Издательский дом: «Астраханский университет»
2009

УДК 80
ББК 81.00
0753

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом
Астраханского государственного университета

Рецензенты: Е.В. Алымова канд. фил. наук, доцент ЮРГИ,
О.А. Зобнина канд. фил. наук, доцент УРАО

Редакционная коллегия:

Г.В. Рыбачева (гл. редактор), Н.И. Крыных (зам. гл. редактора),
Л.И. Балаганов, Л.Д. Крыных, О.Б. Смирнова

0753 Основные вопросы лингвистики, лингводидактики и
межкультурной коммуникации [Текст] : сборник научных трудов по
филологии №3. 1 июня 2009 г., г. Астрахань / сост. О. Б. Смирнова. –
Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2009. – 125 с.

ISSN 2075-1699

В сборник вошли материалы междуязыковых трудов по филологии
«Основные вопросы лингвистики, лингводидактики и межкультурной
коммуникации», посвященных изучению наиболее актуальных и значимых
проблем лингвистической науки: лингвистики текста и речевого дискурса,
лингвистики в начале XXI века, как одного из перспективных направлений,
обучения иностранным языкам и др.

Может быть полезен лингвистам, педагогам, студентам и аспирантам.

© Смирнова О. Б., составление, 2009
© Издательский дом: «Астраханский университет», 2009

Уважаемые коллеги!

Мы рады приветствовать Вас, участников сборника научных трудов по
филологии «Основные вопросы лингвистики, лингводидактики и
межкультурной коммуникации» в преддверии окончания 2008/2009 учебного
года! От лица всех сотрудников ЦНТИМД «Вавилон», Астраханского
Государственного Университета и от себя лично, выражаю искренние
пожелания крепкого здоровья, счастья, радости, творческих успехов.

Очень хочется надеяться, что новый учебный год принесет только
процветание и успех!

Пользуясь случаем, приглашаем Вас принять участие в наших coming
конференциях.

Директор ЦНТИМД «Вавилон»

Г.В. Рыбачева

Содержание

1. Аникеева Т.Ю. Система образов в стихотворении Эмили Дикинсон « <i>Because I Couldn't Stop for Death</i> ».....	8
2. Бастрыкина О.В. Место операции сравнения в структуре познавательного процесса.....	12
3. Виноградская М.В. Роль родного языка в овладении вторым языком в условиях социолингвистической интеграции (на материале российских немцев).....	15
4. Бокатина Ю.И. Использование субъектного опыта учащихся на уроках русского языка....	20
5. Вохромеева Е.В. Феномен «глоссолалия» в психолингвистике.....	22
6. Воронова Е.М. Взаимосвязь слова и числа в лингвистической концепции П.А.Флоренского (из опыта философии языка).....	25
7. Жданова Е.В. Реализация тактико-стратегического комплекса психолингвистического типа «собственник» в русской и английской лингвокультурах (на материале художественной литературы).....	29
8. Игнатова Е.М. О понятии идеологического дискурса.....	35
9. Ислягулова Г.А. Особые группы междометий в башкирском языке.....	39
10. Крюкова И.В. Интенциональный и конвенциональный аспекты иллокутивного акта.....	41

11. Кривошея И.В. Контролируемость и неконтролируемость речевых актов проклятия.....	43
12. Кузнецова Е.В. Литературно-эстетические воззрения Гайто Газданова.....	46
13. Курсакина Е.Е. Количественная асимметрия поверхностной и глубинной структур предложения (на материале английского языка).....	51
14. Кушова Ю.Т. Лингводидактическая характеристика метода А.Драгунова.....	53
15. Лейбедина Е.А. Вводные элементы как метаязыка в англоязычной прессе.....	57
16. Марченко С.А. К вопросу о разграничении значений паронимии и паронимии в русском и немецком языках.....	60
17. Першина Т.В. Понятийная структура концептов «мир»-«война» в русском и английском языковом сознании.....	63
18. Попова С.В. Анализ понятийной составляющей лингвокультурного типажа «школьная учительница» через тематические противоя.....	65
19. Ротанова Е.В. Некоторые вопросы теории интердискурсивности.....	71
20. Рыбичкина Г.В. Глоссарий азата в книге Р. Хела «The English Rogue».....	74
21. Сергаченко И.В. Антропоцентричность категории детерминация: логико-философское толкование определенности/неопределенности.....	82
22. Сутеева Р.И. Анализ концепта «время суток» в арабском языке в сопоставлении с русским.....	85

23. Ткаченко Т.А. Французский язык в социокультурном контексте XIV-XV веков.....	89
24. Федотова Е.А. Опыт фреймского анализа терминосистемы «обеспеченность производства и технологических процессов».....	92
25. Хорошева И.В. О понятии промежуточного языка в социалингвистической парадигме языка.....	94
26. Чемель Н.И. Транслитерация: сохранение эмоционального колорита или акцентация.....	97
27. Шарафутдинова Л.Р. В поисках Истины.....	103
28. Шестернина В.И. Репрезентация ценностной составляющей концепта «Дисайн» в рекламных текстах.....	105
29. Шилкина О.И. Немецкая паремология в гендерном аспекте.....	108
30. Шустрова Е.В. Сфера «природа» как основа метафорического осмысления мира в современной афроамериканской литературе (на материале дискурса М. Анджело).....	112
31. Ясина Д.И. Человеческие взаимоотношения сквозь призму обратной оценки в современной русской разговорной речи.....	121

**СИСТЕМА ОБРАЗОВ В СТИХОТВОРЕНИИ ЭМИЛИ ДИКНСОН «BECAUSE I
COULDN'T STOP FOR DEATH»**

Аннавета Т.Ю.
Дальневосточный государственный университет, г. Владивосток

Одним из самых популярных произведений Эмили Дикнсон является стихотворение "Because I Couldn't Stop for Death" (1712)¹ [The Complete Poems, 1960]. Следует отметить, что это стихотворение вызывает большой интерес не только со стороны рядовых читателей. Поиск смысла, стоящего за тем или иным образом этого стихотворения, становится предметом несомненного интереса и рассматривается в достаточно большом количестве зарубежных работ [Тато, 1936; Стам, 1939; Уайтс, 1947; Андерсон, 1960; Авиан, 1994 и т.д.].

Это произведение было впервые опубликовано в 1862 году, когда Эмили Дикнсон было чуть больше 30 лет, а опубликовано уже после смерти поэтессы в сборнике "Poems" в 1890 году под названием "The Clavier", которым сменили его первые издания - Т. Хитчинсон и М. Л. Татт. Они же убрали из стихотворения 4-ю строфу.

"The Clavier" - «Клавирин» - предположительно некое транспортное средство, доставляющее грузы упряжкой из волов. Для более глубокого понимания стихотворения мы приведем оригинал вместе с переводом:

*Because I could not stop for Death -
- Как же я не могла остановиться для Смерти -
- He hardly stopped for me -
- Он любезно остановился для меня -
- The Carriage held but just Ourselves -
- Экипаж! Карета вмещала, но только нас -
- And Immortality.*
И Вечности.

*We slowly drove - He knew no haste
- Мы ехали медленно - Он не спешил (не торопился)
- And I had just awoken
- И я оживала
- My labor and my leisure too,
- Мои работы и мой досуг тоже
- For His City -
- Ради (Нас - мы) Его Вечности/Любознания -*

*We passed the School, where Children strove
- Мы проехали Школу, где Дети бороздили/состязались -
- At Recess - in the Ring -
- На Перерыве - в Круге -
- We passed the Fields of Gazing Grain -
- Мы проехали Поля простирая Глазающего Зерна -*

¹ 1712 - Здесь в даное место стихотворений приводится по изданию: *The Complete Poems of Emily Dickinson / Ed. by T. Higginson - 1896, Boston and Company. Boston, New York, London, 1980*, с указанием номера стихотворения после перевода «1».

*We passed the Setting Sun -
- Мы проехали Закатом Солнца -*

*Or rather - He passed Us -
- Или скорее - Он миновал Нас -
- The Days were quickening and still -
- Дни приближались дrows и Xолма -
- For only Glimmering, my Gown -
- Так как Ослаблила науничка/Гли - моя Платье -
- My Turret - only Tulle -
- Мой Каштан - лишь Таль -*

*We passed before a House that seemed
- Мы остановились перед Домом, который вышло
- A Sowing of the Ground -
- Возмужалом на Земле (выпуклостью земли) -
- The Roof was scarcely visible -
- Крыша была едва видна -
- The Cornice - in the Gloom -
- Карниз - а Темле -*

*Since then - 'in Centuries - and yet
- С того времени - (ост) Века - и тем не менее
- Fewer flowers than the Day
- Остатков цветов, чем тот день,
- I first perceived the Heavens' Height
- Я впервые предположила (догадалась) Толщину Неба
- Were toward Eternity -
- Выше направлена к Вечности -*

В основу ритмики поэтических произведений Дикнсон положены ритмические традиции английских стихов. Данное стихотворение, написанное ямбом, не является исключением. Но, как можно видеть, иногда ямб нарушается. Так, в пятой строфе ямб соотносывается ударночленно и ритм сбивается (17 и 18 строчка), как будто задерживается шаг воле: «We passed before a House that seemed». Образует по себе впечатление и тот факт, что в данном произведении практически отсутствуют конечные рифмы, а если они есть (*we - Heavens, Slow - Tulle*), то они своеобразны, что тоже было характерно для поэзии Дикнсон - характер формы определяется тем, как развивается мысль. По количеству изображительных средств стихотворение достаточно богато - в нем имеются (*slowly drove, slowly drove, The Carriage held but just Ourselves*), метафоры (*He (Death) kindly stopped, He knew no haste* и т.д.), эпитеты (*Gazing Grain*). Кроме того, Дикнсон планирует и смерть, и бессмертие.

Образы связанные на семантической основе изученного текста. В оригинале стихотворения 29 существительных. В начале стихотворения мы видим два с двумя абстрактными существительными "Death" и "Immortality", причем оба стихотворение поговаривает с существительного "Death", то дальше, в 3-6 строфах, все существительные - конкретные и почти каждое из них - образ. Заканчивает этот круг «Смерть - Вечность» опять абстрактные существительные - "Eternity". Вокруг этого круга - обычная жизнь со своими заботами и хлопотами.

Смерть - это один из компонентов восприятия потусторонней жизни. И Дикнсон осмысливает Смерть, она как - будто «обоживает» ее, и, принимая ее, она побеждает в этой «одиничке» поскольку ее интересуют не сами Смерть, а то, что после. Как писала она сама, «I killed Me - I'm Eternity / Before Me - Immortality - / Myself - the Term between» (1712) - (*Кilled Me*

«Глубина Вечности / Виредь – бессмертия (Я сама – Прелесть посредства. / пародия - Т. А.)
Она понимает свое существование на земле как отпущенный период между Вечностью и
Бессмертием, который включает в Смерть. Смерть для нее – путь в Бессмертие.

Среди существительных в этом стихотворении много наименований вещей,
предметов, именной природы (*Carriage, Gray, Gown, Turry, Table, House, Roof, Corridor,*
Setting Sun, Day) т.е., с одной стороны, конкретное стихотворение о красоте земного
мира, с другой стороны – о смерти. Через привычные предметы Дикinson приближает
английской обычной вещной мир к читателю.

Что касается глаголов, то из 18 глаголов - 10 глаголов движения, из которых два –
"raised" и "lowered" повторяются. Дикinson подчеркивает выбором глаголов движение,
которым пронизана жизнь (*carriage, moved, drove, raised, drove, lowered*). Интересно, что все
глаголы, кроме одного - «*He Settled*» используются в прошедшем времени.

Примечательно, что сам выбор глагола "to raise" (идти, проехать, проехать) в
стихотворении как будто говорит как о омерзительном действии, предельному и концу, оно
как бы подражает – "to raise one", прямое значение которого омерзеть. Используя
синтаксический параллелизм, поэтесса употребляет глагол "to raise" четыре раза, создавая
каждый раз ощущение возрастания развития действия: *We raised the School; We raised the
Fields; We raised the Setting Sun*. Эти повторы не только поддерживают общую
конструкцию, но и служат своеобразным ориентиром композиции стихотворения в целом,
образуя смысловое единство и логичную систему образов. Кроме того, они символизируют
повторность, цикличность процесса, являющегося местом в природе.

Следует отметить и об использовании тире. Из 25 знаков препинания 22 знака тире, две
запятые и одна точка. Знак тире у Дикinson – это не только задержка в ходе повествования,
это и своего рода, и побуждение к размышлению. Обращает на себя внимание и то, что поэтесса
ставит точку после первой строфы – после слов *and Immortality* - «Бессмертия». Но
закрывается стихотворение не точкой, а знаком тире - (*Here toward Eternity -*) –
«Наравности в сторону Вечности -», символически подчеркивая неуверенность.

Характерной чертой образности поэзии Дикinson является персонализация.
«Смерть» в этом стихотворении Дикinson – образ, который предстает не только сам по
себе, он реализуется еще и через ряд других, и все вместе они образуют систему, комплекс
образов, объединенных основной идеей.

«Смерть» у Дикinson – это «Он», и «Он» призван за личностной героиней в
жизни (герои) – английское "Carriage". Согласно словарю Вебстера, *carriage* – a wheeled
vehicle for people, esp. a horse-drawn vehicle designed for private use and for comfort or elegance
[Webster, 1986: 343] – «карета – колесный экипаж для людей; в частности, элегантный,
удобный экипаж (экипаж), предназначенный для частного пользования». Сам выбор этого слова кажется несчастливым: это транспортное средство
предлагает комфорт, покой, удобство и безопасность – в нем совершалась прогулка.

Дикinson романтизирует смерть, представляя ее как приятное (выделено мной –
Т.А.) занятие, и это особенно, возможно, это можно считать уже
привычными качествами, это – против «Смерти» поэтесса адресует кому-то благородные
человеческие качества. Эпиграф Дикinson ставит перед несовершенными поэткой, и
оказываясь "He (Death) truly merry" – «Он (Смерть) поистине оживил», "for His
City" – «ради Его Любимости» рождает новый смысл – из одно слово в этом
стихотворении не вызывает у нас отрицательных эмоций – нет печали, трагизм стает
приятностью компании, в которой существует героиня.

Еще один из центральных образов стихотворения – Бессмертие (*Immortality*). В своем
письме (июль 1877г.) Т. Хитчинсу она пишет: «Когда я была ребенком, мне однажды
всплыли на похороны, которые, как в те годы, были особенно горестными, и там
сказание похороны: «Неужели рука Господа стала короче и не смогла опустить? Он
поддерживает нас смелым. Я особенно приняла это утешение за сомнение в Бессмертии, и, не
посмея опровергнуть, с тех пор мучаюсь этим, хотя вы и знаете, что дух сердца далеко желт,

даже если его черепная часть и умереть [Дикinson, 2001: 226]. Дикinson оставляет в этом
стихотворении себе и нам наследие из Бессмертия: «The Carriage held but just Ourselves – And
Immortality».

Все в этом произведении не только взаимосвязано, оно говорит о единственности –
начало жизненного пути – это дом, жизнь с ее хлопотами, которая проходит в этом доме, и
который пришлось оставить героине. Жизнь длится, и как образ этого беззаботного детства
– играючи в кругу в школьном дворе детства. Дикinson выделит слово «Круг» - "in the Ring",
за пределами которого находится личностная героиня. Кроме того, она находится за
пределами земного существования – оно позволило и миру и кругу, включающий в себя и
Смерть, замыкается. На наш взгляд "the Ring" - «Круг», это не просто образ – это символ. Не
случайно для автора это определенно круг «the Ring». Здесь направляется атмосфера с
кругом (Circle) у Дикона Дикина: «И как узнал, когда его отпустил от каменных работ,
знает в качестве вознаграждения прелесть нежданная, так и мы, когда утроба отпустил нас,
остались привязанными к ней узлами плоти на такой бечеве, что во мemento не отойти
оттуда, ни остаться, где были. Печаль в криком отрываем мы собственные повторы в
свой час рождения, как если бы сомневался лет жизни нашей уже прошли в трудах
материального труда и круг наш был очерчен на первоначальной точке» [Дикон, 2004].
Кроме того, здесь возникает необходимость и еще одна ассоциация - «the Ring» - только как
символ обручения и возлюбленной свадьбы.

Черты смерти мы видим и в законченном сонете – это закон жизни, признавая смерть
видна и в спелых колосках, которые подлежат быть спелым беззаботным жизнью –
пришло их время. Все в этом стихотворении имеет глубокий символический смысл. Как
замечает А. Весселовский, «мы особенно переносим на природу наше самоощущение жизни,
выражающееся в движении, <...> в тех вневещных или объектах, в которых значимая
движения, подготавливая когда-то приносим жертвы, весь, жизни. Это мироощущение мы
вызываем инстинктивно, в прикосновении и поэтическому стилю <...> вернее будет
говорить о параллелизме» [Весселовский, 1989: 101].

Образ «Смерти», как джентльмена, реализуется и через описание мирада личностной
героини. Неслучайно Эмили Дикinson обращает наше внимание на то, что на ней "Gown",
так называлась и вечернее женское платье, и "the bride's gown" – платье, в котором шла она
жени [Webster, 1986: 983]. В то же время на героине чрезвычайно легкой наряд, для дальних
путешествий совсем непригодный – она вообще не собиралась в это путешествие, так
уже случилось. Ассоциация "labor – desire, Vision – Ring, Gaiting – Gown, Setting – Sun,
Drove – drove, Gossamer – Gown, Turry – Table" вызывает к размышлению, и здесь возникает
еще одна ассоциация. Как нам кажется, звуковой и лексический ряд – «Gossamer – Gown»
(For only Gossamer, my Gown –) неслучайно, слова и звуки как бы перетекают друг в друга,
подготавливая по ассоциации и ассоциативное – «Gown», и тогда образ
личностной героини может быть прочтен как образ невесты Христа.

Ассоциация в организации текста одна за другой не только по звуковому принципу,
но, как нам кажется, и по смыслу. Так, черты смерти мы видим и в последней строке
личностной героини – «возле» - *on House that seemed to Swelling of the Grounds*. Этот образ
лучше закончить «возле» в реализации образ смерти, *of Swelling of the Grounds*
в данном контексте означает «возвышение на земле» и рождает ассоциацию с возвышенным
словом.

Образ "Gossamer" в последней четверостишии, без сомнения, относится к «Вечности»,
где время теряет смысл, и каждый век является короче дня. Законченное четверостишие
как ряд и построено на этом контрасте – жизнь короткая жизнь и бессмертия вечна. Еще
одна образ в последней четверостишии – образ «Gossamer» можно считать ассоциацией
другого - «Carriage» - Кареты, принадлежавшей Кембриг и Вечность.

Таким образом, Смерть в данном произведении – образ неоднозначный. Смерть
представляется как джентльменом, так и, говоря словами М. Ципиной, путешествием «от

длина вневско. Этот центральный образ последовательно расширяется и реализовывается на протяжении всего стихотворения через ряд других, образуя при этом кованый призывок.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Веселовский А.Н. Поэтико-эстетический параллелизм и его формы в творчестве поэтического гения // Историческая поэтика. - М.: Высшая школа, 1989.
2. Диккенсон Эмили. Лирика. - М.: Эксмо - Пресс, 2001.
3. Динс Д. По ком звонит колокол. Обращения к Господу в час нужды и бедствий. Сюжеты. Смерть, или Утешение души, видны смертельной дозой и живой смерти явного уста. Перевод и коммент. Соловьев П. - М.: Либрикс, 2004.
4. The Complete Poems of Emily Dickinson / Ed. by T. Johnson. - Little, Brown and Company, Boston, New York, London, 1965.
5. Anderson C. Emily Dickinson's Poetry: Stairway of Surprise. New York: Holt, Rinehart and Winston, Inc., 1966.
6. Avitton A. Emily Dickinson's "Because I could not stop for Death—": Irony and Sublimity in Theme and Rhythm // Telling Rhythm: Body and Meaning in Poetry. Copyright © 1994 by the University of Michigan.
7. Chase R. Modern Poetry and the Tradition. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1939.
8. Tate A. Reactionary Essays on Poetry and Ideas. - New York: Charles Scribner's Sons, 1936.
9. Webster's Third International Dictionary. - Merriam-Webster Inc., Springfield, Mass., USA, 1986.
10. Winters Y. Emily Dickinson and the Limits of Judgment // In Defense of Reason. - Denver: Alan Swallow, 1947.

МЕСТО ОПЕРАЦИИ СРАВНЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ПОИСКАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Бастракина О.В.
Лингвистический Институт, г. Барнаул

Современная лингвистика уделяет большое внимание изучению языка в когнитивном аспекте. Когнитивная наука как междисциплинарная зародилась в процессе интеграции данных различных наук, изучающих определенные аспекты человеческого сознания, прежде всего тех, которые связаны с процессом мышления и познания мира. Наука стремится, саявываясь с получением, хранением, организацией знания, то есть изучая формирование и функционирование структур языка, когнитивное направление использует лингвистику как вектор, направленный и открывающий нам новые просторы доступа к системе знания – через язык. Как отмечает Е.С. Кубрякова, язык открывает доступ к неизведанному когнитивному миру человека, структурирует его сознание (Кубрякова, 1994). Собственно этим и обусловлено развитие когнитивной лингвистики, открывающей не использованные ранее возможности для изучения языка. Одним из векторов, которое занимает ключевую позицию в процессе познания и находит свое отражение в языке, является **сравнение**. Целью данной работы является изучение когнитивной способности сравнения и определение места сравнения в эксплицировании ментального, то есть в познавательном процессе.

Сравнение – самый древний вид интеллектуальной деятельности, который представлял даже осязу. Без сравнения невозможен процесс познания действительности, основанный на осмыслении новых категорий через уже известные. В данном смысле

сравнение по праву принадлежит области когнитивных исследований. Сравнение как прием отнесения известного мира и сравнение как средство языка – славянцы, но не тождественные явления. Сравнение как универсальная мыслительная операция (Петров, 1974, с. 105), позволяет диагностировать свойства предмета или явления и определяет его место в окружающем мире.

Изучение сравнения как лингвистической категории дает материал, позволяющий сопоставить явления и процессы, связанные между собой на основе одного или нескольких признаков. В языке способы представления сравнения получают материальную форму своего существования. Они актуализируются на трех языковых уровнях – морфологическом, лексическом и синтаксическом, соответственно, способ единич, выделяющих сравнительно двойного значения. Самым распространённым способом выражения сравнительных отношений является союз (синтаксический уровень). Например, союзы «как» и «чем», а английским язык «like» и «than»:

1. In all else she was now so far on the way to recovery that, on her best and brightest days, she sometimes looked and spoke like the Laura of old times (W.Collins "The Woman in White" p.595)

2. "Can you imagine any thing more perfect beauty than Emma altogether – face and figure?" (J. Austen "Emma" p.31)

Согласно с мнением В.М. Огольцова, Е.С. Кубряковой и других когнитивистов, мы считаем, что для многообразных форм языкового сравнения первичной основой является сравнение логическое «как» способ лишания предметов и явлений действительности (Огольцов 1980, с.8), формирующей в сознании человека образ мира или картину мира.

Для более точного определения места и роли сравнения в процессе познания необходимо рассмотреть структуру этого процесса. При этом важно помнить, что любая классификация или система строится с помощью сравнения, которое обуславливает классификацию и систематизацию вещей и явлений окружающего мира (Масловников 1968). Обратимся к следующей схеме.

Схема 1.

Процесс познания представляет собой диалектическую систему, представляющую уровень чувственного познания и уровень мышления. Некоторые ученые – философы, лингвисты, логики (Платонов 1985, Гегельман 2004 и др.) – выделяют третий уровень познания – эмпирический. Он исходит из того, что знания, получаемые человеком о мире, являются не просто результатом регистрации наблюдений или констатации фактов. Познание осуществляется благодаря осмыслению чувственно воспринимаемого и в процессе

активной практической и мыслительной деятельности субъекта. То есть практический уровень отражает переход от конкретного к абстрактному по мере усложнения структуры приобретаемого знания. Следовательно, практический уровень можно справедливо назвать *обобщающим*, в ролевой функции связанным как с уровнем чувственного познания, так и с уровнем мышления. В связи с этим следует заметить, что процесс сравнения имеет непосредственную связь с практической потребностью людей как членов социума, стремившихся глубже познать окружающую действительность и передать друг другу приобретенный опыт.

Итак, живое познание начинается с живого созерцания, чувственного восприятия – предметы воздействуют на наши органы чувств и вызывают в них ощущения, которые воспринимаются нами. Формами чувственного познания являются ощущения, восприятие и представление. В каждой форме чувственного познания прослеживается усложнение (сравни С.В. Чеботарев), или способность сравнивать ранее усвоенное и усвоенное вновь представлением. Так, в ощущениях, или ощущениях, или представлениях свойства предметов окружающего мира, непосредственно воздействующего на органы чувств, сравнения присутствуют в зависимости от целостности их восприятия: интегрируя и последующие ощущения необходимо сравниваются с первичными. Происходит так называемое «чувственное сравнение» (Платонов, 1984, 87). Восприятие, как целостное отражение явлений, воздействующих на органы чувств, непосредственно складывается из ощущений и во многом зависит от уже имеющихся у человека знаний, то есть на данном этапе происходит сопоставление сущностных в данный момент знаний с прошлым опытом.

Представление – это чувственный образ предмета в данный момент или по воспоминанию, но возникающий на базе той информации, которой ондалеко уже располагает, причем его характеристика открывается только при детальном сравнительном анализе предметов или явлений и их отношении друг к другу и к человеку. Таким образом, именно со сравнения объектов начинается процесс осознания и познания окружающей действительности.

Исходя из выделенного можно предположить, что операция сравнения в той или иной мере представлена во всех трех формах чувственного познания, что позволяет сделать вывод о том, что даже на уровне чувственного познания происходит логичный анализ, происходящий в сравнении, а не простое отражение действительности.

Путь чувственного отражения мы назвали *явлениями*, но не его сущность. Сущность предметов и явлений, правила и законы окружающего мира познаются посредством абстрактного мышления – более сложной формы познания. Абстрактное мышление глубже и полнее отражает мир и в процессе познания продолжает собой переход от познания фактов к познанию законов.

Согласно представлений о сущности, основными формами абстрактного мышления являются *понятия, суждения и умозаключения*.

Обратимся к проблеме соотношения этих трех видов мышления с операцией сравнения. Для этого сначала необходимо выявить суть термина *сравнение*, исходя из его происхождения. Мы взяли за основу определение, предложенное Е.И. Калмыковой. Под сравнением понимается во-первых, логическая операция сопоставления, то есть процесс сопоставления; во-вторых, этот же термином называется результат сопоставления. Так, понятие, отражающее существование признака явлений, используют сравнение в качестве одного из основных логических правил своего формирования (на основе обозначения объекта и утверждения каких-либо предметов). В суждении, в отличие от понятия, что-либо утверждается или отрицается о предмете или явлениях. Суждение является результатом мыслительной деятельности сопоставления, приводящей к установлению определенного отношения субъекта к предмету его мысли. Для получения умозаключения необходимо проанализировать суждения по определенным правилам, а именно провести их обоснование.

Таким образом, среди форм абстрактного мышления сравнение является важной формой интеллектуальной деятельности. Можно в целом утверждать, что мышление по существу есть деятельность сравнивающая, так как сравнение принимает участие на всех уровнях развития знаний. Иными словами, любая мысль есть акт сравнения, сопоставления явлений своей мысли.

Итак, на основании проведенного теоретического исследования в рамках детального анализа мы пришли к следующему выводу: сравнение пронизывает весь процесс познания человеком окружающего мира, во его разных формах до мышления, являясь важным, необходимым условием и средством познания.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Готманов А.Д. Логика. Учебник. Изд. Омск-С, М., 2004, 415 с.
2. Калмыкова Е.И. Лингвистические средства реализации в функции сравнения в современной научной научно-популярной прозе. // Вопросы романо-германской филологии. Сб. научных трудов МГПИЯ им. М. Торфа. Вып. 71. Москва, 1979.
3. Кубрикова Е.С. Начальные этапы становления когнитивных лингвистических – лексикологии – определение языка. // Вопросы языкознания, 1994, № 4, с. 34-48.
4. Мухоманов М.М. Методологическое значение сравнения в научном познании. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1968. – 58 с.
5. Огульскии В.И. Модели сравнительного словообразования. Учебное пособие по лексикологии. – Пермский ун-т, 1989.
6. Платонов А.М. Роль языка в становлении основных логических форм. // Логика и язык. Сб. научн. тр. – М., 1983 – с.69-73.
7. Чеботарев С.В. К вопросу о метаязыкологических параметрах языковых явлений: Категории сравнения. // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. № 3. Воронеж, 2006. с. 346-355.

Словари:

1. Петров Е.М. Краткий этимологический словарь-орфоэпический. Москва, Высшая Школа, 1974.
2. Платонов К.К. Краткий словарь системы психолингвистических понятий. Москва, Высшая Школа, 1984.
3. Философский энциклопедический словарь. Москва, Советская Энциклопедия, 1989.

Список использованного иллюстративного материала:

1. Collier W. The Woman in White. Penguin Books, 1994.
2. Aiken J. Eliza. Penguin Books, 1994.

РОЛЬ РОДНОГО ЯЗЫКА В ОВЛАДЕНИИ ВТОРЫМ ЯЗЫКОМ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ НЕМЦЕВ)

Виноградова М.В.
Адыгейский государственный университет, г. Майкоп

В современной лингвистической и психологической науке существуют две диаметрально противоположные концепции по вопросу о роли родного языка в овладении вторым языком. Одни считают, что родной язык мешает в овладении вторым языком (J.A. Гривинский, А.А. Любарский). Другие же считают, что родной язык, напротив, способствует лучшему усвоению второго языка (Л.В. Щерба, Л.С. Выготский, Ф.Ф. Сосновский).

Родной язык, языковое сознание, развиваясь на базе родного языка, в целом, оказывает в овладении вторым языком. Точно также изучение второго языка способствует расширению кругозора, развитию языкового сознания, а также мышления. Это

подвергается прямой передаче двумя языками с детства" [Депарна, Протченко 1972: 39-41]. Стоит заметить, что если бы родной язык только передавал, а не влиял на процесс овладения вторым языком, то не было бы смысла говорить о языке акцента, как интерференции. Согласно с авторами высказанная точка зрения, что одностороннее овладение двумя языками с детства, добровольным расхождением кругозора детей, способствует развитию их мышления.

Эмпирические исследования показали, что взаимодействие родного и второго языка в ранние периоды, а также в различных условиях развития двуязычия неоднородно. Также взаимодействие двух языков имеет когнитивные и негативные моменты. Поэтому односторонний подход при использовании формулы "родной язык можно передать" или "родной язык можно вытеснить", не имеет смысла, научно обоснован.

Наибольшие трудности представляют особенности акцента из контактирующих языков. Ю.Д. Депарна и И.Ф. Протченко полагают, что по мере увеличения в них структурно-типологических расхождений, особенно приставочной линии в развитии созвучного фонда в обоих языках, возрастает и трудность, связанные с изданием в сознании обоих языков. А структурно-типологические сходства и большой общий лексический фонд в обоих языках способствуют быстрому овладению вторым языком [Депарна, Протченко 1972: 41]. Частично можно согласиться с этой точкой зрения. Но мы придерживаемся мнения М.М. Михайлова, который считает, что влияние интерференции проявляется наиболее ярко и односторонне при контакте неродственных языков, но более устойчива и долговечна при контактировании близкородственных языков. Автор объясняет это тем, что в начальный период изучения первого языка контактирование родственных языков вызывает в речи близость больше отклонений, чем контактирование родственных языков, что связано с большим количеством случаев расхождения между неродственными языками, чем между родственными. Следовательно, исключая языка, родственности второму, обнаруживая много "сходств" в обоих языках, не образует впечатления на "незначительных" расхождении и чаще ориентируется на родной язык, что приводит к устойчивому проявлению интерференции. Ношение языка другой системы зачастую не находит опоры в родном языке и констатируется в сфере чуждого языка. Также образом, по мнению Михайлова, можно свести до минимума влияние интерференции [Михайлов 1996: 98-99].

В литературе встречается утверждение, что человек не может одновременно хорошо (до степени родного) владеть двумя или более языками (В.Г. Чума, Ю.О. Желтухов, В.И. Абрам и др.).

Известно, что в начальный период изучения интерференция в речи близка к минимуму. Более того, отдельные явления интерференции могут периодически появляться у билингва и в поздний период, когда говорящий совершенно свободно владеет обоими языками. Но все это не исключает возможности сознательно освободиться от интерференции и максимально приблизить свою речь к нормам и стандартам родного языка. По мнению исследователей лингвистов, интерференция как дефект речи может быть сознательно устранена. Об этом свидетельствуют многочисленные и конкретные исследования речи билингвов. Например, О.С. Аманжолов пишет: "Смешение вторым языком всегда требует преодоления интерференции. Тем не менее, известны примеры чистого двуязычия, когда говорящий на одном из языков в соответствующей ситуации языка не отличается от моноязычного. Вообще же чем говорящий ближе чем на одном языке можно рассуждать по интерференции линии от чистого билингвального до чистого сопереженного языка" [Аманжолов 2007: 99].

Эмпирической базой для исследования речи родного языка, а овладение вторым языком в немецкой речи родных языков в условиях коммуникативной ситуации послужил корпус интервью российских немцев-переселенцев, предоставленных исследователями Эссенского университета в виде видеозаписей и их транскриптов. Одним из основных методов исследования стал сравнительно-типологический метод. В качестве методического приема наблюдения использовались не только (аудитивный анализ) исследуемая интервью с российскими немцами-переселенцами, но и языков векторизации, проведенной

язык с языком интервью путем российских эссеистов виде извещений на немском языке информанта. Целью исследования было получение максимально подробной и точной информации о процессе социальной адаптации российских немцев в Германии, о роли родного языка в овладении иностранным и взаимодействии социальных и лингвистических факторов на процесс овладения вторым языком.

Материалом для исследования были интервью и заметки 100 российских немцев. В них они рассказывают о своем 500 транскриптов и 150 заметок. Интервью проводилось по три раза с целью из информативности и перспективности о немцах. Промежуток между первым и вторым интервью составил один год. Исследование интерференции языков в двуязычии способствовало наблюдению за процессом прогресса или регресса в овладении немецким языком и темные этого времени. В общей сложности материал собран на протяжении 3-4 лет.

Результаты проведенного нами социолингвистического исследования показали, что при изучении процесса социализационной интеграции и адаптации российских немцев в условиях адекватного билингвизма следует учитывать не только возраст, степень их социализации и социальной активности, а коммуникативное общество. Для этого мы определили следующие различия respondents на 5 групп:

1) К первой группе следует отнести детей в возрасте 3-10 лет, родившихся в Германии или приехавших сюда в раннем возрасте. Они не испытывают никаких трудностей при овладении вторым языком. Ходят в детский сад или посещают начальную школу, быстро овладевают немецким языком и хорошо чувствуют себя в социальной среде, активно адаптируются к ней. Многие в совершенстве владеют немецким языком (употребляя его чаще, чем язык их родителей), понимают русский, но не могут на нем говорить, читать и писать. Эти дети, скорее, немцы, а не российские немцы. Родители старались поддерживать у своих детей интерес к русскому языку, обучая их дома. Они даже пытаются овладеть способностью смешения языков, т.е. в разговоре на немецком языке вставляют русские слова. Например: "Нах ди буахман фашин?" "Das Essen ist schon fertig, gibstest du?" "Ich danke, es ist kalt". "Mach Tee, bitte, das ist ein sehr gutes Getränk". Некоторые дети в совершенстве владеют немецким и русским языком, легко переключаясь с одного языка на другой, в зависимости от ситуации общения. Следует отметить, что преимущественно дети принадлежат к второй мере немцев язык, язык того общества, в котором они живут и функционируют, а коммуникативное общество чаще времени, чем в семье. Для детей этого возраста характерно когнитивной или деловой, так как контактирование языков осуществляется автономно.

2) *Подростки (11-18 лет)*. С изучением немецкого языка у них все происходит довольно быстро, хотя и не так легко как у детей. Подростки, приехав в Германию, владеют родным русским языком. Немецкий является для них иностранным, который необходимо учить. Знание русского языка, усвоенного в детстве, доставляет собой устойчивую систему в познании подростком, опираясь на него, и язык слабых научных знаний о языковой структуре, в связи с определенностью ассоциативных связей и открытостью и ассоциативного языка, происходит в меньшей степени. Поскольку немецкий язык, обладая со сверхинформационными, подростки без проблем осваивают изучение второго языка. Они могут общаться одинаково хорошо на обоих языках, легко переключаясь с одного на другой в зависимости от ситуации общения и социальной функции используемого языка. Другими подростки следуют считать *социолингвистическим*, так как изучение второго языка происходит на фоне родного (русского), а во степени владения немецким языком его стоит отнести к нормативному (обобщаются все языковые нормы иностранного языка. Хотя в редких случаях может нести быть и односторонне-архаичным двуязычием).

3) *Молодежь (19-30 лет)*. Представитель этой возрастной группы считается адекватным различия на две подгруппы соответственно их социальной активности и степени владения немецким языком. Следует учитывать то, что влияние родного языка

(принимая во внимание, что представители обеих подгрупп одинаково, что проявляется в большом количестве интерферентных явлений в их речи на немецком языке. Отличие в том, что сильное влияние русского языка на немецкий продолжается по-прежнему. Представители этой группы интегрируются совсем несложно. После окончания немецкого языка они могут продолжить обучение в университете, профессиональном училище и т.д. Получив хорошее образование, тем как они участвуют в процессе получения высшего или профессионального образования.

Многие люди второй подгруппы по разным причинам не могут или не хотят продолжить свое образование в Германии. Либо они получили высшее или среднее образование в России, которое не признается в Германии, либо не справляются с овладением вторым языком в силу каких-либо обстоятельств или личных качеств и способностей. Но в итоге, такие люди не стремятся адаптироваться в новых условиях.

Независимо от разницы степени владения немецким языком у данных подгрупп, тип двуязычия всей группы можно определить как *соосемантический и односторонне-корректирующий* (так как овладение вторым языком происходит на фоне родного языка, система которого, безусловно, является устойчивой, и соблюдением, прежде всего, его ядра, что приводит к количественно-качественным (первая подгруппа) или множественным (вторая подгруппа) интерферентным ошибкам).

4) *Взрослые (30-50 лет)*. Нельзя утверждать, что данная возрастная группа подвержена большому негативному влиянию родного языка на изучаемый, чем младшая. Застывшие посредством уже имеющихся знаний, происходит постоянное сравнение двух языков, поиск ассоциаций, которые чаще всего являются избыточными, что приводит к избыточности в речи на немецком языке индивидов данной интерферентной группы.

Особенности интеграции данной возрастной группы можно охарактеризовать следующим образом. Многие женщины сознательно отказываются от своего дальнейшего обучения и предпочитают посвятить свое время воспитанию детей и их биологической адаптации.

Большинство мужчин из данной группы находят работу, изучают немецкий язык на языковых курсах и самостоятельно решают бытовые вопросы, касающиеся их семьи, детей, так как женщины из-за отсутствия знаний немецкого языка не могут сделать этого.

Среди женщин 30-50 лет чаще встречается безработица. Те кому удалось найти работу, работают в большинстве случаев, в сфере обслуживания (универсалки, сиделки, продавцы и т.д.). Но есть и такие женщины, которые стремятся к самореализации, успешной интеграции активной жизни в немецком обществе. Они изучают язык, продолжают свое образование и находят работу по приобретенной в Германии специальности. Мужчины этой же категории, имеющие техническую специальность, работают электромонтажниками, механиками и т.д.

Эмпирическое исследование показало, что работоспособность российских женщин немецкого языка лучше владеть немецким языком, чем безработица, о чем свидетельствуют значительно меньшее количество ошибок, возникающих в результате интерференции.

Билингвизм данной группы также является *соосемантическим и односторонне-корректирующим*. Хотя представители данной группы владеют немецким языком даже в минимальной степени.

5) *Пенсионеры (от 65 лет)*. Эта возрастная группа чувствует себя в Германии достаточно хорошо, если не учитывать тот факт, что женщины не смогли до конца адаптироваться к новой жизни. Следует отметить, что пенсионеры, действительно имеющие немецкие корни, владели немецким языком еще до их переезда в Германию (точнее, одним из его диалектов, сильно отличающимся от литературного немецкого языка ввиду отсутствия связей с исторической родиной – Германией, прерванных после Второй Мировой войны). Немецкий язык был усвоен ими параллельно с русским еще в детстве. Переехав в

Германию, они понимают немецкую речь, и могут быть понятны. Многие полагают, что представители говорят на "своем" немецком языке.

Билингвизм данной группы также является *соосемантическим и односторонне-корректирующим*. Необходимо подчеркнуть, что даже владение одним из немецких диалектов (существовавших среди российских немцев, живших в России) не говорит о порочном билингвизме данной группы. Это связано с тем, что диалекты российских немцев сильно отличаются от современных немецких диалектов.

Результаты проведенного нами исследования, касающегося роли родного языка в интеграции российских немцев вторым языком в условиях социаллингвистической интеграции, кратко представлены в таблице № 1:

Таблица № 1

Наименование группы	Тип двуязычия			
	Коэффициент интерференции, %	Соотношение нормативное, %	Соотношение адносторонне-корректирующее, %	Соотношение интерферентное, %
1. Дети (3-10 лет)	75,2	30,3	4,3	-
2. Подростки (11-18 лет)	-	39,4	60,2	0,4
3. Молодежь (19-30 лет)	-	5,2	93,1	1,7
4. Взрослые (30-50 лет)	-	8,7	85,2	6,1
5. Пенсионеры (от 65 лет)	-	10,3	79,5	10,2

Таким образом, исследование показало, что изучение второго языка происходит быстрее у детей, у которых овладение двумя языками происходит параллельно. Подростки усваивают иностранный язык немного дальше и slower, чем дети, так как система их родного языка уже достаточно оформилась и закреплена в их сознании. Промедление овладения второго языка на первый, причем влияние родного языка не очень велико. Промедление обусловлено сильным интерферентным влиянием, что связано, прежде всего, с устойчивостью системы родного языка, записать которую системой изучаемого языка невозможно. Хотя можно уменьшить негативное влияние родного языка на изучаемый, четко разделив структуры контактирующих языков и сферы их применения, избегая идентификации и переноса элементов языковых систем в обоих языках. Проникновение ассоциаций и межязычного языкового контакта родного языка часто становится языковой и терминологической фактором в овладении иностранным языком.

Итак, основательно оценены влияние языковой среды на интеграцию российских немцев, их самореализацию, социальную активность. В процессе адаптации людей к новой социальной, языковой и культурной среде в числе высших факторов, позволяющих ускорить этот процесс, оказываются: языковой уровень культуры мигранта, его образование и профессия, языковая мотивация, высокий коммуникативный потенциал и, наконец, возраст. Младшие люди быстрее "адаптируются" в новые социальные условия.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Афанасьев В.И. Статьи по теории и истории языковедения. - М.: Наука, 2006. - 150 с.
2. Ахмедова С.С. Словарь лингвистических терминов. - 4-е изд. - М.: КомКнига, - 2007. - 576 с.

3. Выготский Л.С. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т.4. Детская психология / под ред. Д.И. Экалукена. - М.: Педагогика, 1984. - 432 с.: ил.
4. Грушинская И.А. Краткая жизнь Эпштейна "Мысль и многоязычие" // Иллюстрации языков в советской школе. М., 1929.
5. Духовник Ю.Д., Проточенко И.Ф. Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия // Проблемы двуязычия и многоязычия. - М.: Наука, 1972. - С.24-36.
6. Жуковский Ю.А. Лингвистические аспекты двуязычия. - Киев: Вища школа, 1974.
7. Любомирский А.А. Опыт анализа двуязычия в связи с работой Эпштейна "Мысль и многоязычие" // Иллюстрации языков в советской школе. М., 1929.
8. Михайлов М.М. Двуязычие и многоязычие языков. - Чебоксары: 1990. - 107с.
9. Советкин Ф.Ф. Роль родного языка учащихся - основа триязычия в языковой школе // Научная сессия ИППИ АПН РСФСР и МП Башк. АССР по вопросам преподавания русского и родного языков в национальной школе. Уфа, 1959.
10. Щурба Л.В. Преподавание иностранных языков в школе // Общед. вопросы методики. - М., 2003. - С.54.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СУБЪЕКТИВНОГО ОПЫТА УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Косачкин Ю.И.

Институт Самарского государственного университета путей сообщения, г. Рузавки, Республика Мордовия

Актуальность концепции личностно-ориентированного образования обусловлена не только ее значимостью для современной информационно-технологической цивилизации, но и признанием в качестве абсолютной ценности личности ребенка - самостоятельного, уникального человека, способного выстроить собственную систему знаний. Личностно-ориентированный подход предполагает гуманное отношение к развивающейся личности, становление ее индивидуальности и обеспечение возможности самореализации в культурно-образовательном пространстве.

В рамках многих концепций (см. труды И.С. Якимович, В.В. Серикова, Е.В. Бондаренко, А.В. Хуторского, Н.Г. Савиной и др.) личностно-ориентированное образование строится с опорой на субъективный опыт ученика, который является неотъемлемой принадлежностью каждой индивидуальности. Цель статьи - выявить специфику личностно-ориентированного опыта преподавания, раскрыть специфику особенностей его использования на уроках русского языка.

Как отмечает В.В. Сериков, опыт - это психологически реконструированный пережитый, личностно-ориентированный элемент сознания, который может возникнуть только вместе с собой лично. По мере своего развития опыт становится все более эффективным инструментом деятельности, представляет собой обобщенную форму существования опыта, пройдя его высший уровень - это умение обобщать достигшие результаты в любых переменных условиях [Сериков 2008: 165-168].

Охарактеризуем содержательную сущность понятия «субъективный опыт» и его роль в контексте личностно-ориентированной парадигмы педагогики.

На основе анализа психолого-педагогической литературы, посвященной проблемам личностно-ориентированного образования, можно утверждать, что обобщается понятие классификация опыта личности. Убедились в существовании следующих видов опыта: субъективный, индивидуальный, личностный, авторский, познавательный, личный, деятельный, субъективный, интуитивный.

И.С. Якимович использует в своей концепции понятие субъективный опыт и

рассматривает его как «опыт индивидуальности, приобретенный ребенком до школы и определяемый условиями семьи, социокультурного окружения, в процессе восприятия и понимания им мира людей и вещей» [Якимович 1996: 9]. Содержанием термина «субъективный» фиксируется принадлежность опыта конкретному человеку без оценки его истинности, научности, актуальности с позиций общественно-исторического развития. Данный опыт определяет специфику восприятия действительности через своеобразную избирательность, обеспечивающую индивидуальное видение бытия. По мнению И.С. Якимович, содержание субъективного опыта включает в себя следующие элементы: 1) ценности, представления, понятия; 2) операции, приемы, правила мышления и действия; 3) эмоциональные моменты (личностные смыслы, установки, стереотипы) [Якимович 1996: 65].

Выявление субъективного опыта ученика в условиях учебного материала соответствует психологической природе детского сознания. Были разработаны различные технологии его использования в процессе обучения и воспитания школьников. Так, в рамках традиционного классического подхода к обучению субъективный опыт детей становится альтернативой для взрослых и их создание научных понятий, реализация принципа доступности и связи с жизнью. В технологии развивающего обучения жизненный опыт выступает источником содержательных абстракций, способ их построения и освоения интеллектуальных средств (И.С. Выготский) - мышления, воображения, памяти [Савина 2001: 28-29]. В рамках концепции личностно-ориентированного образования большое внимание уделяется работе с «семантическими кодами» школьников. По мнению И.С. Якимович, семантические коды - это те мыслительные операции, которыми пользуется ученик, работая с учебным материалом [Якимович 1996: 35].

Личностно-ориентированный подход широко внедряется на уроках русского языка, поскольку русский язык как учебный предмет занимает особое место в решении задач гуманистич. образования. Язык формирует и объединяет нацию, сохраняет традиции, обеспечивает преемственность и обогащение национальной культуры (см. работы Н.Ю. Шурбо).

На основе обобщения теоретических положений, содержащихся в концепциях И.С. Якимович, Е.В. Бондаренко, А.В. Хуторского, В.В. Серикова, А.А. Платина и др., можно было бы выделить, что использование субъективного опыта ученика в процессе обучения русскому языку предполагает: 1) разработку дидактического материала, обеспечивающего развитие индивидуальной избирательности ученика в типич. виде, форме материала; 2) учет особенностей типа научной информации при конструировании учебного текста; 3) работу над рефлексивной деятельностью школьников, направленной на выявление результатов его деятельности; 4) предоставление ученику свободы выбора материала при усвоении знаний; 5) знакомство учащихся с различными способами и стратегиями познания; 6) создание условий для разнообразных способов переработки и дальнейшего предоставления научной информации; 7) осуществление образовательного процесса на основе особенностей восприятия школьников.

В настоящее время широко разрабатываются различные приемы использования субъективного опыта учащихся при формировании у них основанных орфографических знаний и навыков. Так, на уроке русского языка при написании слов под диктовку учителя каждый ученик использует свой семантический код: запоминание слов на слух, запоминание при помощи многократного повторения слова, создание зрительного образа предмета, абстрактного слова и т.д. В рамках развития стратегии эффективного запоминания орфографических слов А.А. Платина были разработаны и апробированы следующие способы учета личностной семантики школьников: 1) использование семантических образов; 2) использование семантически-когнитивных карт; 3) использование семантических обучающих метафор и семантических обучающих схем [Платина 2003].

На наш взгляд, большую роль в построении семантических образов на уроках русского языка играет лингвистическая дислексия. Обращение к истории языка

проектированию реализации культурообразовательной функции личностно-ориентированного образования (Е.В. Бондаревская), предостерегающей организацию образования на истинности человека (Бондаревская 1997: 13). История языка позволяет школьникам переосмыслить значение слова. При этом в сознании учащихся слово получает дополнительные ассоциации с определенным образом, действием и основой его семантики, который хорошо знаком им (см. работы А.И. Васильева, С.И. Львовой, Н.М. Шахового). Тем самым происходит актуализация субъектного опыта ребенка.

Например, слово *ельничка* было образовано путем сложения двух основ: корень *ель* означает тем же, что и в слове *ельный*, а приставочное слово *ничка* означало *ничка, бичок*. Следовательно, слово *булавочка* получило «большой бичок» или «большой шпатель». Слово *оно* было образовано от *оно* «глаз» и приставочного образования *ничка* интереса в слове *для* «облажение». Неслучайно во многих русских говорах *оно* до сих пор называют *глазками* дома. Ещё одним образованием от *оно* является слово *оноса* это как бы дополнительная, маленькая глазка. Слово *домашь*, немецкая дразнилка происходит, образовано от общеславянского *дом* «дверь» корня.

Следует отметить, что выделение семантического образа слова при описании образования в истории языка способствует не только формированию у учащихся осознанных орфографических умений, но и развитию лексического, морфемного и словообразовательного анализа слова, умения определить в современной грамматической системе результаты действия исторических процессов.

Таким образом, настаиваясь на многоплановости особой задачи и пониманию субъектной истинности школьника предполагает, что учащийся изначально является субъектом обучения как носитель индивидуального опыта. К субъектному опыту учащегося учитель обращается, побуждая его осмыслить новое знание. При этом задачей педагога становится раскрытие потенциала ребенка, выявление его индивидуально-личностных особенностей, включение их в контекст изучаемых лингвистических понятий.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бондаревская, Е.В. Гуманистические парадигмы личностно-ориентированного образования [Текст] / Е.В. Бондаревская // Педагогика. – 1997. – № 4. – С. 11-17.
2. Плещин, А.А. Личностно-ориентированное образование: история и практика [Текст] / А.А. Плещин. – М.: КСП, 2003. – 432 с.
3. Свинина, Н.Г. Жизненный опыт учащегося в контексте личностно-ориентированного образования [Текст] / Н.Г. Свинина // Педагогика. – 2001. – № 7. – С. 27-31.
4. Сериков, В.В. Обучение как акт педагогической деятельности [Текст] / В.В. Сериков. – М.: ИП «Академик», 2003. – 236 с.
5. Якиманская, И.С. Личностно-ориентированное обучение в современной школе [Текст] / И.С. Якиманская. – М.: ИР «Сентябрь», 1996. – 96 с.

ФЕНОМЕН «ГЛОССОЛАЛИЯ» В ПСИХОЛИНГВИСТИКЕ

Воронцова Е.В.
Астраханский Государственный Университет

В последние годы феномену глоссолалии уделяется значительное внимание со стороны специалистов различных областей, вследствие появления разных религиозных движений, основной характеристикой которых является языко-говоряние на языках или глоссолалия (от греч. *glossa* — язык, и *lalao* — говорить). Языко-говоряние является популярной частью психоделицистического XX в. и зарождалось в начале 60-х годов, которое развивалось вне пределов традиционных психоделицистических церквей. Богослужение

у латиславянских проходил почти всегда с глоссолалией. Наиболее распространенной формой «говоряния на языках» является крик: так, в июне 1974 г. на конференции в Нотр-Дам в течение нескольких минут 2000 человек повторили оди и ту же фразу. Происходит это обычно одним из двух способов: либо один из участников собрания начинает спонтанно и незаметно бормотать слова, складывающиеся в ритмичные строки, окружающие начинают подхватывать, либо крик начинается «срабатыванием» — лидер congregation вводит кудрявую и состояние экстаза. Затем его прерывает и начинается прерываться спонтанным выражением мысли, происходит анализ глоссы, обмен с ритмическим припевом, спонтанно складывается припевом и так далее. Затем следует провозгласить молитва о ниспослании Святого Духа, в зале возникает острое чувство, сопровождающееся выкриками психоделицистических конструкций [Goodman 1972:80]. Практически все свидетели латиславянских собраний описывают сны местных глоссолалии. [Laurénis 1977:162; Nefc, [Frascó 1987:90].

С точки зрения психоделицистических боссов, подобная экзотическая практика является центральным событием религиозной жизни и свидетельством личного вхождения. Важно отметить, что феномен глоссолалии проявляется не только в христианстве, но и во время церемоний и религиозных образам у ирландских кельтов, индейцев, шаманов, последователей буддизма религиозных культов. Феномен глоссолалии привлекает собой интерес ввиду того что в течение долгого периода времени многие ученые пытались определить ее природу, и существует множество взглядов по данному вопросу — один определяет ее как продукт измененного состояния сознания, другие — как приобретенный язык.

Следует отметить, что глоссолалия изучалась лингвистами и антропологами, которые пытались выяснить связь обсуждаемого феномена с современными или древними языками и языковыми структурами. Глоссолалия изучалась психологами и психиатрами, которые хотели понять, является ли это явление аберрацией или фазой нормальной психологической деятельности. Глоссолалия также была объектом изучения социологов и биологов, которые пытались определить ее место в различных областях социобиологических форм человеческого поведения. Другая группа исследователей провела экспериментальное изучение христианской глоссолалии с помощью феномена, встречающегося по всему миру в ирландских кельтах. Известно, что во время церемоний и религиозных обрядов у ирландских кельтов, ирландцев, индейцев, шаманов и последователей буддизма религиозных культов возникает глоссолалия, по своим характеристикам практически идентичная христианской. Как было сказано выше, многие исследователи работали над данной проблемой, можно найти огромное количество определений, характеризующих глоссолалию с разных сторон.

В «Энциклопедии религий» под редакцией Ф.Р. Гудена глоссолалия определяется как явление «особенного речевого поведения, которое в многочисленных западных и восточных религиозных обществах возмущается как ритуально-религиозное» [Goodman 1987:57]. Профессор отделения лингвистики университета Торонто Уильям Самарин после более чем десяти лет тщательных исследований опубликовал труд, посвященный исследованию глоссолалии с точки зрения лингвистики. В этой работе 1972 г. Самарин совместно с другим лингвистом опровергает мнение, что глоссолалия есть «кодектесса», т. е. некий «интерпретированный язык, который может быть назван другим человеком, с этим языком языком. Самарин пришел к выводу, что глоссолалия есть поведение. Он полагал, что «человек глоссолалию начинают изучать с помощью всего научного аппарата лингвистической науки, выясняется, что это лишь видимость языка, хотя поначалу в весьма убедительной. Когда мы задумываемся о сущности языка, не только приходим к выводу, что глоссы, как бы трудно она ни была организована, не есть образ человеческого языка, ибо она не производится внутренне, не имеет отношения к воспроизводимому личностью миру» [Samarin 1972:124]. Он определил глоссолалию как «ощущение логичности, поумоделочное. Короче говоря, языко-говоряние искусственное сложение с языком. Глоссолалия —

бессмысленная, но фонетически структурированная человеческая речь, являющаяся с точки зрения самого говорящего настоящим языком. Систематического сходства с нормальным языком, живым или мертвым, нет» [Samarin 1972:124].

Евангельский богослов Д. Пикер высказывает такую точку зрения: «Глоссолалия – это скорее желанное речевое событие, при котором в определенных религиозных обстоятельствах язык движется душой в отрыве от рассудка. Это приблизительно то же, что и языковые детские фантазии, джазовое «скетч» – пение Луи Армстронга, состоящее из бессмысленных слов, ругательства афроамериканцев или ныряние под воду» [Ермова 1995:546].

В 1985 г. два социолингвиста Х. Нютон Мелони и А. Азама Ловекин (Malony, Lovelick 1985:149) исследовали вопрос, является ли глоссолалия разумной человеческой коммуникацией. В результате данного исследования они пришли к выводу, что глоссолалия действительно язык, но в особом смысле этого слова (а именно, в смысле некоей формы коммуникации)». Но эти ученые признают, что «осознанность сведений, однако, подводит к выводу, что хотя есть форма и схема, глоссолалия, видимо, язык неизвестный, и даже язык нечеловеческий, в современном значении этого слова». Это заключение важно для разрешения спора о том, является ли глоссолалия человеческим языком. Важно отметить, что это их собственное осмысленное заключение: «видимо, язык неизвестный, и даже язык нечеловеческий, в современном значении этого слова». Это заключение, как считает Герхард Хазел, – ошеломительный удар по тем, кто по-прежнему хотел бы видеть в глоссолалии хоть какую-нибудь форму осмысленного человеческого языка [http://bin.boom.ru/tongues/index.htm]. В 1975 г. был опубликован результат исследования глоссолалии Уильяма и Уэлдотгела. Он представляет собой следующее: глоссолалия «охватывает весь круг эзотастических аудио-речевых феноменов... (включая) вербальные эффекты, которые, несомненно, есть духовно-психологические проекции внутренней речи, а не какой-либо аутентичный язык» [http://bin.boom.ru/tongues/index.htm]. Отправясь на результаты, полученные различными исследователями, которые изучали глоссолалию со всех возможных углов зрения и с использованием различных методов, Герхард Хазел делает вывод, что феномен глоссолалии, есть нечто иное, чем говорение на каком-либо из известных древних или современных языков. [http://bin.boom.ru/tongues/index.htm]. С этим выводом согласуются и исследования Смарина, и других более ранних и последующих исследователей. Еще одним исследователем глоссолалии был доктор Ларсон, профессор лингвистики и антропологии в Бетельской семинарии в США и консультант Американского Общества по переводу Библии. В своей статье «О говорении на незнакомых языках» он приводит два текста записи глоссолалии, которые, по мнению говорящего на ней были разными языками от Святого Духа.

№1. *Кеела мастико лабокати, хоримаси лемасиндо, хоримаси лемасиндо хандира лемосини бабикатиндо, лабаси лемасин дорика, лабо-андорикато .Ломосиндорикато, Лабозика, Ламосиндо, Ладакандорика, мазивиа лемасин дороко дамобабат, Ладосиндо, Лемасин кандорика, Ламасинмаси лабосиндо.*

№2. *Маболандо, Котандо, Хаканбаси, Дамаландаданко, Лахинбахахамаси Махондотатахандо, Кэхомбаси, Масатиньо, Катанбаси, Масиханто, Кэхомба, Масатиньо, Кэхомбаси, Масиханто, Кэхомба, Кэхомбаси, Яхамати, Молахсиндо, Котихиндо, Лемати, Патихиндо, Ламалия, Лохсиндо, Котамба, Бемаси, Намисинотиньо, Талбазиньо, Масивиндо, Котандорика.*

После анализа данных записей, Ларсон дал следующее заключение: «После транскрипции текстов я проанализировал их стандартной лингвистической методикой и техническими средствами. Оба текста являются почти идентичными в звуковом отношении и образцах. Кроме заглавных самого глоссолалика, анализ не дает никаких доказательств и предположек, что тексты представляют собой два различных языка» [http://ehs.ru/urology/glossolali]. Психолог-антрополог и лингвист, о которой уже шла речь выше, Фелиситас Д. Гудман, также принимала участие в изучении англо-, испано- и

идий – говорящих пятидесятнических общин в Соединенных Штатах и Мексике. Как и другие исследователи до нее, она сравнила магнитофонные записи пятидесятнических ритуалов в Африке, Борнео, Индонезии и Японии. Гудман приходит к выводу, что если принять во внимание все черты глоссолалии, т. е. сегментальную структуру (звуки, слоги, фразы) и их супrasegmentальные элементы (а именно: ритм, ударения и в особенности общую интонацию), они надлингвистически и надкультурно идентичны (Goodman 1972:78). Гудман в своей работе пришла еще к двум выводам. Она заявила, что корни глоссолалии не уходят в глоссологическое состояние, как полагали некоторые исследователи прежде. Она говорит, что глоссолалия – это порядок вокализации, патоматизм речи, который производится в подлинном состоянии транса и прямым образом отражается в ее частых и сверхчастых структурах, в неврофизиологической перемене, всем известным как трансе. Она утверждает, что состояние транса является причиной навязчивой интонации в глоссолалии, а так же то, что нечто, происходящее в нервной системе во время транса, заставляет речь расплываться на фразы одинаковой длины, принимаем во внимание паузы. «Связь транса и глоссолалии в настоящее время принижается многими исследователями как верное допущение», – пишет Гудман в издании «Энциклопедия религии» [Goodman 1987:58]. Другой важный вывод, полученный Гудман, касается того мнения, будто глоссолалия есть просто неизмеренный спонтанный выбор слов или что-нибудь в этом роде. Например, Гудман утверждает, что «глоссолалия есть в действительности приобретенное поведение, ненамеренное или, в некоторых случаях, осознанное. Другое, более раннее исследование, специально акцентировало внимание на том, что субъектам феномена предельительно давались инструкции, как говорить на «иных языках», т. е. участвовать в глоссолалии [Goodman 1987:58]. Данный вывод подтверждают и другие исследования. «Тем, кто хочет получить этот дар, рекомендуется упражнять язык и голос, чтобы выдать харизму. Тем или иным способом говорящие овладевают этим явлением...», – сообщает Лорентен [Laurentin 1977:65]. Девушка – харизматичка вспоминает, что во время «вращения Духом» ей в голову пришло всего одно, короткое и простое, звукоочувствие. «Я вышла домой и стала притрагиваться и произнесении их (данных звуков) – это новый опыт, и хочется его повторять». Однако она была не совсем уверена, что пришедшее ей «слово» и есть знак получения харизмы. Ее сестра, уже имевшая некоторый опыт молитвенных собраний, убедилась в том, что ее «слово» прекратило, что оно, вне всякого сомнения, – от Бога, и что ей следует тренироваться, произносить его или любые другие звуки. [Neitz 1987: 86]. Таким образом, вслед за Ф.Ф. Гудман, мы считаем, что глоссолалия это приобретенный навык речевого поведения, который возникает в результате спонтанного давления группы и своих собственных ожиданий.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1.Ермова И. Современное харизматическое движение сектантства. – М., 1995.
- 2.Goodman F.D. Speaking in Tongues. A Cross – Cultural Study of Glossolalia. – University of Chicago Press, 1972.
- 3.Goodman F.D. Encyclopedia of Religion. – University of Chicago Press, 1987.
- 4.Laurentin R. Catholic Pentecostalism. – NY, 1977.
- 5.Malony H.N., Lovelick A.A. Glossolalia. – Oxford University Press, NY, 1985.
- 6.Neitz M.J. Charisma and Community. – New Brunswick, 1987.
- 7.Samarin W.J. Tongues of Men and Angels. The Religious Language of Pentecostalism. – McMillan, NY, 1972.

ВЗАИМОСВЯЗЬ СЛОВА И ЧИСЛА В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ П.А.ФЛОРЕНСИИ (ВЗ ОПАТА ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА)

Воронова Е.М.

Государственный Санкт-Петербургский Политехнический университет

В рамках символической лингвистической концепции П.А. Флоренский продемонстрировал взаимосвязь и взаимозависимость между числом и словом. Два древних символа одновременно характеризуют человека с самых древних времен. У этих символов много общего. Архаичность культурные традиции сохраняли структуру мира через число. Древний человек определял окружающий его мир словом. Сколько в слове от числа и сколько в числе от слова?

На формирование образа современных чисел во многом повлияло развитие письменности. По мере того, как письменность развивалась, слово и число стали иметь более отвлеченную символическую форму, другим словам, иной абстрактный смысл, который должен был обобщать, представлять конкретный смысл. Древние славяне, как и многие другие народы, записывали числа с помощью букв, так как не имели собственных цифр. Каждое число сначала было только определенным числом предметов или лиц и только постепенно число стало основываться само по себе. Кроме того, слова, буквы и числа обрели некой магической силой, работая совместно. Ученые этого мира заимовали расшифровку особых тайных кодовых формул и записей, например, текст Библии. Рукописи Средних веков почти всегда содержат в себе какой-либо словесно-числовой код. Этот алфавитный феномен, который еще у Платона имел название «мелос универсалис», не перестает быть для нас актуальным. Восприятие человеком действительности не происходит за много слов: число и слово продолжают выполнять свои функции. «Всегда ведь, любое событие, поступок человека или отвлеченное понятие могут быть зашифрованы, можно зашифровать, а не сказать, что само собою разумеется, с помощью языка превращается и иррациональную любовь». [А. Панченко 1973: 181]. Шаблоны реальности являются и число, и слово, потому что человек представляет мир символически.

Русская культура и Серебряного века, искавшая новые пути возрождения и освобождения от интеллектуального преступника ожидания катастрофы, широко используют знаковый смысл и символические возможности числа и слова. Поэты, философы, художники, исследователи символизма, хотели как бы заглянуть надвигающийся хаос. В это время Флоренский создал свою философию имени-слова.

Несколько интеллигентной средой созданием философской теории для Флоренского стала философско-математическая школа Московского университета, в котором он учился на математическом факультете. Научная деятельность там была направлена на исследование объединения философских, метрологическим, культурологическим идей. Лидером этой группы был проф. Н.В. Булгаев (отец Андрея Белого - Булгаева), занимавшийся основным направлениями критическими, то есть в широком смысле критик прерывности, которые он разделял под влиянием новых парадигм для того времени математических исследований Г.Кантора. Это учение и его философское аспекты онтологические, так как является учением и бытия как Платонизма или числовом учении о бытии, которое представляет равноправным меритумом, познанием. Число и мера являются в основе всего математического структурного учения, объединяющего математику и философию. Арифметика является в себе и мифологией, где монада – это своеобразный организм, являющийся живой единицей и характеризующийся гармоничным единством внутреннего и внешнего.

Работа в этой группе позволила Флоренскому глубже посмотреть на цифровую учение числа. Нужно отметить, что цифровый анализ слова числа структуры, фигурно. Они получили их путем очерчивания вещей, путем численного связывания по их границам. Число есть некоторые мысленные, умственные фигурные вещи. Число рассматривалось как принцип формирования вещей и начал осознания эти в человеческой сознании. Число есть то, что дает возможность отделить одну вещь от другой. И вообще осознать вещь [А. Лосев 1968: 276]. С другой стороны, пифагорейцы воспринимали число как синтез беспрерывного и прерывного. Античные ученые не рассматривали беспрерывность как нечто отличное. Это была всегда становившаяся субстанция, постоянная

уменьшающаяся или увеличивающаяся. Анализируя вещи, связанные с прерывностью, Флоренский отмечает, что там, где есть прерывность, там существует и форма, индивидуальность, своеобразное отклонение от окружающей среды, символический мир.

Флоренский предлагает посмотреть еще на слово с этой структурной точки зрения, и мы видим, что оно читается на буквы, звуки, морфолого-грамматические части: префиксы, морфы, суффиксы, окончания. Анализируя слово структурно, Флоренский показывает морфологию и внутреннюю форму слова и как структурные, кроме того, слово в концепции ученого имеет три оболочки: семому – морфему – фонему. Таким образом, слово – это некоторый набор составных его элементов, которые последовательно сменяют друг друга при произнесении его, представляя непрерывную смену прерывности и непрерывности, как и цифровое число. «Каждое множество вполне отличное друг от друга вещей можно рассматривать как некоторую единую вещь для себя, в которой рассредоточенные вещи представляют основные части или конструктивные элементы» [П.Флоренский 1971: 507].

Эту закономерность чередования прерывности и непрерывности мы можем наблюдать и в своем языке рождения слова у первобытного человека, которое складывалось из крика и вздоха, рождая бессознательный ритм, который потом, складываясь в слово, приобретает форму. «Для Флоренского суть языка иррациональности сконцентрирована в двух понятиях: прерывности и форме. Объяснение прерывности является осознание индивидуальной расчлененности мира, дискретности, то есть его монадности, но вместе с тем провозглашает поиск числа как формообразующего начала. В этой ситуации, подчеркивает Флоренский, мы имеем число, которое преждат своих частей и другим передается сложение его элементов» [Г. Давгаров 2005: 48].

Пифагор считал, что все соотнобит с числом и, что в числе первичная упорядоченность. В античной философии число было типичным первоэлементом, то есть бытия, а вот в XX веке таким первоэлементом становится слово или язык, который теперь рассматривается как «новый принцип формирования вещей в плане осознания им и человеческого сознания». И Флоренский был одним из первых в мире ученых, который понял, как дальше будет развиваться наука.

А.Ф. Лосев в воспоминаниях о Павле Александровиче Флоренский, что он «имел самую современную, модную, самую тонкую математику, с одной стороны, а, с другой стороны, из этой математики делал выводы философские и даже религиозного характера» [П.Флоренский 2001: 189].

В философской концепции слова-имени о Павла слово выступает не в качестве числа, так это чаще всего принято в платонизме, а как символ. Бесконечная реальность, но Флоренскому, символическа. Понимание реальности, бытия словом представляется как осознание. И понимать означает словесно выразить, говорить словом мир, как говорил Павел Александрович. Реальность предстает в виде слов-имен, из которых складывается картина мира. Однако слово-символ в концепции ученого монархично. С одной стороны, слово – это первое понятие реальности, с другой стороны, слово – это и есть сама реальность, само бытие. Слово предстает и как непосредственное бытие и является основой познания.

Основными характеристиками символа являются его многогранность и неопределенность. «Неоднозначный символ, включенный ряд слов или серии концентрических сфер, каждая из которых характеризуется своей собственной степенью бытийности, бытийной напряженности» [С. Хоружий 1999: 35].

Флоренский определяет слово еще и как организм, и организм в древнегреческой философии есть всегда некоторый оочеловечность. В слове как организм есть клетка – это фонемы и прочие ткани – это морфемы, семема. Каждый элемент этой структуры обладает своей индивидуальностью и функциями. Он оживает и отделенной своей жизнью и единственной жизнью всего организма.

Рациональная связь числа и слова являя в форме образования обоих символов и в их взаимодействии. В своей статье «Пифагорейцы числом» ученый рассматривает историю числа у

древней греки. Например, число - «арифмос» может пониматься как «число», «содержательность», «вещь», «сущая», что говорит об обозначении некоторого количественного качества. Кроме того, «число» есть некоторый прототип, идеальная схема, парадигма, стандартный эталон от других типов не-организованных чисел (П.Флоренский 1971: 507). Это определение числа может быть применено и к описанию слова - символа.

Итак, древний принцип числа перешел эстафету слову. Пифагорейцы говорили, что мир есть число, в обиход же вошло, что мир есть слово и число.

Понимание путей, которые обозначили бы философия и математика, представляло собой очень актуальную тему начала XX века для русской культуры и науки. Андрей Белый пишет: «образы слова становились с философией. Физические проблемы стали вновь превращаться в метафизические. Гносеологические вопросы с одинаковой настойчивостью вставали и перед вторым спекулятивным мыслителем, и перед вторым ученым! Вопрос об описании обыкновенного языка стал вопросом о научно-философском смысле» [А.Белый 1910: 481].

Исучая язык естественных наук и гуманитарных наук, Флоренский приходит к выводу, что художественное описание как речь состоит из слов, которое является изобретением образа, хотя эти образы имеют малый размер. Следовательно, каждому слову как возмущению из соответствующий конкретный образ и эта возмущенность, по сути дела, ничем не отличается от образности математического символа. Но для Флоренского, конечно, очень важно было при этом соотнести идеи непрерывности (столь существенной для математики XIX века) и прерывности, но выдвигавшейся как основной принцип науки XX века. Отсюда Флоренский выстраивал на развитии дискретной математики [В.Иванов 1980: 221].

Кроме того, существенным для этой концепции слова является то, что слово - это слово и символ человека, так как только человек обладает речью. Слово, речь представляет собой зеркало человека, так как они его индивидуальные характеристики. Философия должна заниматься словом, поскольку ее интересует человек, а человек - это язык. Немецкий философ М. Хайдеггер в середине XX века пишет, что язык - обозначение человека. Потому что в этом случае, пишет Флоренский, речь необходимо поднимать к высшей точности моей мысли, моей личности... так чтобы каждый элемент моей речи способен был принять отклик именно моего способа пользования речью, именно моей духовной потребностью, и притом не вообще моей, а в этот, единственный в мировой истории раз» [П.Флоренский 1990: 232].

Число и слово - это символы бытия. В обоих случаях мы видим, что бытие зерцалом, многообразием, многомерно. Слово переходит в число и число в слово. Философия и наука пришло вернуться к самому началу своего развития, в дремлетическому времени, чтобы начать создавать новые интерпретации XX века.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белый Андрей. Символизм. М. 1910 с. 481.
2. Г. Давгард. Истоки мысли во имя истины: тема жизни в творчестве П.Флоренского М. 2005. с. 48.
3. Вяч. Вс. Иванов. П. Флоренский и проблема языка? Мезантиния культуры М. 1990 с. 221.
4. А. Лосев. История античной эстетики. Ранняя классика. М. 1969 г. 1 с. 270.
5. А. Лосев. Павел Флоренский по воспоминаниям Алексея Лосева. // П.Флоренский: про et contra. СПб, 2001 с. 189.
6. А. Панченко. Русская символическая культура XVII Л. 1973 с. 181.
7. П.Флоренский Пифагорейцы числа. // Труды по знаковым системам. Тарту. гос. ун-т. Тарту. 1971 с. 501.
8. П.Флоренский там же с. 507.
9. П.Флоренский Строение слова. //П.Флоренский. Собрание сочинений в 2-х т. т. 2 с. 232.
10. С.Хорошев. Мирозеркалени П. Флоренского. Томск. 1989. с. 35.

РЕАЛИЗАЦИЯ ТАКТИКО-СТРАТЕГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ТИПА «СОБСТВЕННИК» В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Жанков Е.В.
Пятигорский государственный лингвистический университет

Психодинамический тип «собственник» характеризуется сепарационными тенденциями: в нем сильно развиты собственные, присутствует объектно-ориентированное мышление; в социальном взаимодействии занимает позицию хозяина; «осознанный» выбор языковых средств, среди которых преобладает аргументативное доказательство и стремление к правоте; готов бороться за то, что принадлежит ему; в диалогическом взаимодействии не учитывает мнение и желание собеседника, оказывает одностороннее воздействие, считает, что вправе заставить другого действовать согласно его «приказам»; считает, что все, будь то материальные предметы или даже люди, принадлежащие ему, не может быть никому другим; способность к кооперации невысокая.

Тактико-стратегический комплекс данного психодинамического типа может быть представлен в виде таблицы.

Тактико-стратегический комплекс психодинамического типа «собственник» в русской лингвокультуре Таблица 1

Речевые стратегии и тактики	Примеры
1. Легитимизация требования ответа	1. - Скажи, дружок, - не обманывай Верочку. - Я ведь тебе голову не выколочу? Он молча взглянул на нее, молча кинул пощечину: - Да, не обмань. - Ты посчитал меня бездарной дуридой? - Ну, зачем ты так? - Скажи, - настаивала Верочка, блеснув еще от жаркого крема лицом ее обострилось, напружилось, глаза потемнели, сузились, только вырезанные ноздри дрожали [Уваров, 1987: 152]. 2. - Тогда можешь быть тебе вообще никакой заботы со своей жизнью? Можешь быть для меня бродячей собакой, если я буду, сядушь, слово моешь? Не ходишь в школу... [Уваров, 1987: 154]. 3. - Папа, - сказал, поглядывая на Мирона, уже уставло жующего чернойшей парочкой, - мы вот с ним... - Мирок его слышит? - строго спросил отца. - Ты строго достигай, что в долгу? - Показалась невольница: - Сбыл ты меня [Саргатов, 1981: 10].
2. Стратегия психодинамической саморепрезентации	1. - Это сам о себе думаю теория не твоями с остатком. Как, поэтому, Андрей, не твоя твой старший брат? Скажи - скажи! А ты бы скажи так? - Скажи бы, - ответил Андрей. - Братишка ты. Не делай бы. Делай своей жизнью, свободной. Ах вот ты какой человек в себя всю жизнь вложил, много вложил. Не по судьбе. И не по правде. Я понимаю, как не обманывай. Скажи, ты скажи.

объяснение	<p>"I told you the real reason." "No, you did not. You said it was because there was too much of yourself in it. Was that childish?" "Herry," said Basil Hallward, looking him straight in the face, "every portrait that is painted with feeling is a portrait of the artist, not of the sitter. The sitter is merely the accident, the occasion. [Wilde, 1979: 84].</p>
2. стратегия обвинения	<p>1. "All you think of is your public image." "No. I'm thinking of the baby", she said. "I shouldn't have trouble at a time like this." "About the baby", he said, "the baby's only in aid of your public image" [Spark, 1976: 43]. 2. "Yes," he continued, "I am less to you than your ivory Heron or your other Faun. You will like them about. How long will you like me? Tell me my first mistake, I suppose. I know, now, that when one looks one's good looks, whatever they may be, one loses everything. Your picture has taught me that. Lord Henry Winton is perfectly right. Youth is the only thing worth having. When I find that I am growing old, I shall kill myself." [Wilde, 1979: 109].</p>
3. стратегия положительной самопрезентации	<p>1. "I'm not a rebel, dear boy. Ignorance of things you probably know as well as your mother's (it would amuse you. Never mind. Put up with me, what? [Fowles, 1980: 48]. 2. "She's gone out?" "Well it looks like it, doesn't it?" He said nothing, he waited. <i>So what happened?</i> He hesitated, "we had a sort of misunderstanding." "Oh, so what about?" "I'd rather she told you" [Fowles, 1980: 120]. 3. "Is it really finished?" he murmured, stepping down from the platform. "Quite finished," said the painter. "And you have sat splendidly to-day. I am awfully obliged to you." "That is entirely due to me," broke in Lord Henry. "Do you, Mr. Gray?" [Wilde, 1979: 107].</p>
4. стратегия требования отчета	<p>1. "Making it speaking." "Can't write without words, Lies?" The girl stared down the room. She spoke very quietly. "Let it be a form of speech. Speech must be based on human needs, not abstract theories of grammar. Or anything but the spoken word. The real word." "Other thing. Ideas. Can't care" [Fowles, 1980: 71]. 2. "Mother, I have something to ask you," he said. Her room was closed tightly about the room. She made no answer. "Tell me the truth. I have a right to know. Were you married to my father?" "No," she answered, wondering at the harsh simplicity of life. "My father was a scoundrel then?" cried the lad, clenching his fists. She shook her head. "I knew he was not free. We loved each other very much. If he had lived, he would have made provision for us. Don't speak against him, my son. He was your father, and a gentleman. Indeed, he was highly connected." [Wilde, 1979: 163].</p>

5. стратегия аргументации	<p>3. "But how have you managed to avoid the rebuffs of the world?" I demanded. "Oh," said he languidly, "I never attend any rehearsals of my plays. Mademoiselle Lemaistre sees to all that." [Bennett, 1983 in the book: English Short Stories: 54].</p>
	<p>1. "You are glad you have met me, Mr. Gray," said Lord Henry, looking at him. "Yes. I am glad now. I wonder shall I always be glad?" "Always! That is a dreadful boast. It makes me shudder when I hear it. Women are so fond of saying it. They spoil every romance by trying to make it last for ever. It is a meaningless word, too. The only difference between a coquette and a high-caste woman is that the coquette lends a little longer." [Wilde, 1979: 100]. 2. "I think it's much deeper than that." Ashurst felt again that wish to dominate. "You think so," he said. "You mention the 'said you' it about the dearest thing in all of us! It's well hard to get to the bottom of it!" She wrinkled her brows in a puzzled frown. "I don't think I understand." "Well, think, and see if the most religious people aren't those who feel that this life doesn't give them all they want. I believe in being good because to be good is good in itself." [Galsworthy, 1948 in the book: English Short Stories: 90]. 3. "What are the pateries of the Rich, the splendours of the Powerful, what is the pride of the Great, what are the gaudy pleasures of High Society?" The voice, which had risen in turn, questioningly, from sermone to sermone, dropped suddenly and boomed reply. "They are nothing. Empty, that's all, and when you look at the world, this vapour of foam. The things that matter happen in the heart. Seven things are empty, but those seven are a thousand times more significant. It is the Lesson that counts in Life." [Huxley, 2001: 8].</p>
5. стратегия обвинения	<p>1. "What have you been doing all this time?" she asked. "Well," said Denis, and he hesitated, almost voluptuously. He had a tremendously amusing account of London and its doings all rise and ready in his mind. It would be a pleasure to give it utterance. "To begin with," he said... "You find my list of my baronets," she said without even being aware that she had interrupted him. [Huxley, 2001: 2]. 2. "What's there to be depressed about?" "I said depressions, not depressions!" "Oh, depressions, I see," said Aene. "But depressions of what?" Mary had to explain. "The natural instincts of sin," she began distinctly, "the same old her story." "Yes, yes, Marybeth. I understand depressions: old maid and all the rest." [Huxley, 2001: 52]. 1. "Herry sat motionless. I never succeed to eat. The food's he made poor," he barked at her [Pinker, 1978: 26]. 2. "I left my bags at El Rancho."</p>

7. настоятельные требования	<p>"Oh, but you must stay here, my dear, El Bando — it wouldn't do — to interrupt the law", she used the American expression. "After all — it was what I had to tell you — this hotel will be yours one day. Only I wanted to explain — the law is so complicated, you must take professional advice — that it's in the form of shares, and I have left to Marco a third interest. He will be very useful if you must buy shares, and I had to do something for the law, had I?" He has been rather more than a mere manager. You understand? You are my son, so of course you understand. "I understand." [Greene, 2004: 80].</p> <p>3. "Safe, will you get out!" said Magdalen. "Oh dear," I said. "You aren't going to live here, with Gerard? You are you?"</p> <p>"We shall mind this flat," said Magdalen, "and I want you out of it now." [Murdock, 1979: 14].</p> <p>4. "Now look, Abbie," she said, "you understand how it is, I want you to put your stuff out of your or pass, today if you can. I've put all your things in your room."</p> <p>"I don't understand how it is," I said, "and I shall be interested to hear."</p> <p>"For you must take everything," said Magdalen. "I'll pay for the taxi if you like." "Now she was at good at a letter."</p> <p>"Have a heart, Madge," I said. "I was beginning to worry about myself again, and felt a lot better. Can't I go on living upstairs? I'm not in the way." But I knew this was a bad idea.</p> <p>"Oh, Jake!" said Madge. "You are an imbecile!" This was the stupidest remark she had made yet. We both relapsed. (Murdock, 1979: 12-13).</p>
-----------------------------	--

Таким образом, представители данного типа озабочены выбором в речи те или иные стратегические и тактические приемы. Речь их может быть как пространна, так и лаконична, но в любом случае, это – некие ответы или целенаправленные вопросы, свидетельствующие о рациональном подходе к анализу, в которой озабочен не так человек как получатель определенной выгоды. Каждый шаг таких людей просчитан и аргументирован-обоснован.

Для коммуникативистического типа «обстоятельства» в англоязычной лингвокультуре характерно обладание доминантным коммуникативным стилем, который проявляется в использовании, прежде всего, стратегий последовательной аргументации.

В целом, использование стратегий и тактик в речи позволяет судить о коммуникативистическом особенностях коммуниканта. Таким образом, между двумя типами коммуникативистической тип – динамическое образование, и под воздействием разных факторов он может меняться, а соответственно будет изменяться стратегический комплекс коммуниканта.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бунин И.А. Роль Вертера. Избранные произведения [Текст] / И.А. Бунин; [сост., предисл., введ. О. Михайлова]. – М.: Панорама, 1994. – 512 с. – (Серия «Русская литература. XX век»).
2. Кожевников В.И. Тепло сердец [Текст] / В.И. Кожевников. – Ставрополь: Кавказское издательство, 1986. – 317 с.
3. Уайтман Л.Э. Концерт по заказу: повесть и рассказы [Текст] / Л.Э. Уайтман. – М.: Моск. Работы, 1987. – 253с.
4. Сарджан С. В. Стихийный момент: роман [Текст] / С.В. Сарджан. – М.: Москва-Гарлем, 1981. – 315 с.
5. Чехов А.П. Повести [Текст] / А.П. Чехов. – Волгоград: Ниж-Волж. Книж. Изд-во, 1976. – 102с.

6. Fowles J. The Ebony Tower, Ellice. The Enigma: сборник на англ. яз. [Текст] / John Fowles. – M.: Progress Publishers, 1980. – 246 с.
7. Greene G. Cornelia: роман на англ. яз. [Текст] / Graham Greene; [Комментарий М.В. Давыдова]. – М.: Издательство «Миндвор», 2004. – 336 с.
8. Buckley Aldous Huxley: на англ. яз. [Текст] / Aldous Huxley. – М.: «Азбука», 2001. – 204 с.
9. Murdoch I. Under the Net: на англ. яз. [Текст] / Iris Murdoch. – Triad Canada, 1979. – 256 p.
10. Parker G. The Duchess of the Morning: на англ. яз. [Текст] / Gordon Parker. – Moscow: Progress Publishers, 1978. – 238 p.
11. Spark M. The public Image: stories: на англ. яз. [Текст] / Mariel Spark. – M.: Progress Publishers, 1976. – 292 с.
12. Wilde O. Selections: роман на англ. яз. [Текст] / Oscar Wilde. – M.: Progress Publishers, 1979. – 392 с.

О ПОНЯТИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Виноградова Е.М.

Московский государственный институт международных отношений (Университет)

В настоящее время нарастают идеологический дискурс употребляется многими исследователями, в том числе и за пределами лингвистики, например, в рамках социологии и политологии, где он связан, в первую очередь, с понятием идеологии, ср. [Шабурова 2007; Прусица, Солонко 2007]. Идеология также в последние годы становится объектом междисциплинарных исследований, и здесь не последнее роль играет то, какой смысл исследователи вкладывают в это понятие. Однако, как отмечает Р.М.Фрумкина, «при всем разнообразии понятий слова идеология современная наука видит в ней неустрашимую и безусловную компоненту культуры. Поэтому ни лингвистика и ее современная школа, ни тем более изучение литературы и языка культурных практик не могут обойтись без учета той первой трудноуловимой, но оттого не менее неустранимой компоненты — называемой мы ее с точки зрения, так сказать, «метарасположенности» — умонастроением или объективатором как идеологии <...> Идеология всегда закрепляется в языковом укладе и составляет часть привычки текста» [Фрумкина 2002]. К.Гарн в главе «Идеология как культурная система» писал: «По крайней мере в современной истории, понятие "идеология" само стало совершенно идеологическим» [Гарн 2004, 205]. Поэтому в гуманитарных науках принято говорить об идеологии в нейтральном смысле и в особом смысле, т.е. тоталитарном. В нейтральном смысле идеология представляет собой систему идей, взглядов и оценочных критериев, которые позволяют социальным общностям (в настоящее время как их представителями) определять их собственную социальную реальность — и в этом, само, политическую — деятельность и оценивать деятельность в социальном феномене, относящаяся к другим [Шайтан 1996, 15]. Негативный смысл идеологии, противопоставляет свое рассуждение хорватский лингвист Д.Шейдан, вытекающий из омарской интерпретации (зависающей от анализа «феминной идеологии», согласно которой идеология — это форма идеологического сознания, сфера бытия, в которой реальные социальные отношения интерпретируются в зависимости от классовых интересов, при этом они вкладывают абсолютной истинностью [там же]).

Разные смыслы слова идеология обуславливают и разные значения выражения идеологический дискурс. Рассмотрен выше эти значения, а также близкое понятие коммуникативный дискурс, который в настоящее время является самостоятельным предметом исследования. Предварительно необходимо остановиться на самом понятии дискурса, хотя об этом написано очень много. Дискурс в языке дискурса детально обсуждается и

специальных работ, ср. [Макаров 2003; Карвонк 2004: 226-264], поэтому рассмотрим из множества существующих определений только те, на базе которых возникли понятия *академический дискурс* и *политический дискурс*. Для этого обратимся к определению А.А.Кибрика и П.Б.Парина.

«ДИСКУРС (фр. *discours*, англ. *discourse*, от лат. *discursus* *Учение* или *исследование*, движение, круговорот; *беседа*, *разговор*), речь, процесс языковой деятельности, способ говорения. Многозначный термин ряда гуманитарных наук, предмет которых проза или очеркованию предшествует изучение. Функционирование языка, – лингвистика, литературоведение, семиотика, социология, философия, этнология и антропология [Кибрик, Парин 2001]. Следует отметить, что несамостоятельность языка дискурса является одним из существенных его признаков, обуславливающих и междисциплинарность изучения дискурса. При этом в социальных науках актуализируется понятие дискурса как речи, типичной в коммуникативную ситуацию, поэтому дискурсу приобретает социальное содержание».

Далее А.А.Кибрик и П.Б.Парин выделяют несколько классов употребления термина дискурс, один из которых, в последние годы вышедший за рамки науки и ставший популярным в публицистике, по определению этих авторов, «восходит к французским структуралистам и постструктуралистам, в первую очередь к М.Фуко, хотя в обосновании этого употреблений важную роль сыграли также А.Грибас, Ж.Деррида, Ю.Кристева; подобное понимание было отмечено мифологом М.Пайэ и др. За тем употреблением просматривается стремление к уточнению традиционных понятий стиля (это тем самым заведомо широкое значение, которое вклад в виду, говоря о стиле – это человек) и индивидуального языка (ср. традиционные выражения *стиль Достоевского*, *язык Пушкина* или *язык Бальзака*) с таким более современным научным выражением, как *современный русский политический дискурс* или *дискурс Романа Реубова*). Подобный таинственный образ дискурса (в также производный в часто упоминаемый его термин *академический дискурс*, также использованный Фуко) отменяет способ говорения и обязательно имеет определение – КАКОЙ или ЧЕЙ дискурс, ибо исследователи интересуют не дискурсом вообще, а его конкретные разновидности, задаваемые широким набором параметров <...> (можно было бы сказать, что дискурс в данном понимании – это стилистическая специфика языка стоящая за ней идеология). Более того, предполагается, что способ говорения во многом предопределяет и создает саму предметную сферу дискурса, а также соответствующие ей социальные институты. Подобного рода понимание, безусловно, также является в сильнейшей степени *оппозиционным*. По сути дела, определение КАКОЙ или ЧЕЙ дискурс имеет рассматриваться как указание на коммуникативные способности субъекта социального действия, причем этот субъект может быть конкретным, групповым или даже абстрактным» [Кибрик, Парин 2001].

Мы считаем, что приведенное выше понимание дискурса является походящим как основой для уточнения его определениями *академический* и *политический*.

Связь языка и культуры отмечалась лингвистами уже достаточно давно: об этом, в частности, писал известный языковед С.И. Карповский в вышедшей в 1923 г. в Берлине книге «Язык, культура и революция». Однако не только лингвисты фиксировали существование языковых механизмов воздействия на сознание. На протяжении длительного времени это замечали философы, политологи и писатели. Как пишет А.Н. Баранов, одним из первых вопросов о языке язык на восприятии действительности и, соответственно, о ее альтернативных интерпретациях, затронул Ф. Бэкон в «Новом Органоне», обсуждая процесс человеческого познания и сопутствующее ему заблуждение – «идолы» или «призраки». В их числе он упоминал «идолов площади» (*idoli fori*), порожденные в процессе речевого общения и, в частности, приводящих к отождествлению слова и вещи [Баранов 2000: 215].

Взаимодействие языка и культуры становится специальным объектом исследования лингвистов в 70-е гг. XX в. Сейчас уже много не оспаривает наличие такого направления или, как минимум политическая лингвистика (*political linguistics*) [Парин 2001; Булак, Чуденко

2000; 2006 в библиографии]; журнал «Политическая лингвистика», издаваемый в г. Баден-Вюльдерте, является основным источником материалов и идей этого направления. Напомним, что в качестве другого термина предлагался «эпидемиологическая филология» [Давыдова 2002]. В рамках политической лингвистики (эпидемиологической филологии) язык исследуется прежде всего как инструмент социальной власти, а политический дискурс – как набор особых стратегий и тактик, связанных с различными способами речевого воздействия в политической сфере.

Остановимся здесь на определении политического дискурса и на взаимоотношении академического и идеологического дискурсов. Как справедливо отмечает М.В.Гаврилова, в лингвистической литературе существует широкое и узкое понимание политического дискурса [Гаврилова 2004: 127]. К определению политического дискурса, которые могут идентифицироваться как широкие, относятся следующие: совокупность дискурсивных практик, идентифицирующая участников политического дискурса как таковых или функционирующая как предметная тематика политической коммуникации [Баранов 2001: 246]; любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики [Шейгал 2000: 23]; русский дискурс в русской политической сфере [Баженов 1998: 7]. Обобщая разные определения, М.В.Гаврилова предлагает следующее: политический дискурс – это активное использование языка в социально-политической сфере общения и, чаще, в публичной сфере общения. Принадлежность текста к числу политических определяется как его тематикой, так и его местом в системе политической коммуникации [Гаврилова 2004: 127].

Политический дискурс в узком смысле – это язык власти, ограниченный социальными сферами, а именно политической (речь политиков, парламентские дебаты, партийные программы и т.п.), т.е. это также высказывания, которые передаются говорящим в речи политика и действительной обстановке. Такого понимания политического дискурса придерживается Т. ван Дейк [Dijk 1998; 1998a].

После определения политического дискурса вернемся к рассмотрению дискурса академического. Первый вопрос, который возникает при сопоставлении этих понятий, связан с их взаимоотношением. Исход из нейтрального определения идеологии как системы убеждений, способных оказать на восприятие и интерпретацию субъектом утверждений и фактов о данной предметной области [Парин 2001: 201], идеологический дискурс представляется как генерация к дискурсу политическому. Такого взгляда придерживаются ряд исследователей, например, В.Н. Баженов, определяющий первый как метадискурс по отношению ко второму, выполняющему субдискурсом [Баженов 1998].

Другая точка зрения отражена в лингвистическом обзоре О.Ф. Русаковой «Основные разновидности современных теорий политического дискурса: опыт классификации», в котором идеологический дискурс вместе с институциональным приводится в классификации «каждого вида, т.е. типология политического дискурса» [Русакова 2003].

В целом следует сказать, что в исследованиях одно понятие часто заменяет другое, особенно при обсуждении тоталитарного дискурса и выделении в нем идеологии. Так, дискурс о лингво-идеологическом анализе политического дискурса [Гаврилова 2004: 132], в основе которого лежит тезис о том, что политический дискурс контролируется основными идеологиями (демократия, либерализм, тоталитаризм). Поэтому некоторые исследователи, например, П.Б. Парин, говорят не об идеологическом, а об идеологизированном дискурсе [Парин 2001: 201-206]. Об идеологизации дискурса как полноточности доктрина писал в свое время М. Фуко: «Доктрина означает подлинное с некоторыми идеями определенными типами высказываний в том смысле, как будто запрет на все остальные; но, с другой стороны, она излучается некоторыми типами высказываний, чтобы связывать индивиду между собой и тем самым отличать их от всех остальных. Доктрина означает двойное исключение: говорящих субъектов – определенных дискурсов и дискурсов – определенных тематик, по крайней мере, виртуальных, говорящих индивидов» [Фуко 1996: 73]. Это

интердисциплинарное дадо основании Ю.С.Сорокину говорить о метадискурсивном характере идеологического дискурса [Сорокин 1997: 57].

Как показали наши наблюдения, определение идеологического дискурса часто бывает обусловлено спецификой рассматриваемого материала. Идеология, как отмечает П.Б.Паркин, «способна проявиться в дискурсе в различной степени; соответственно, можно говорить о высокоидеологизированных и низкоидеологизированных дискурсах» [Паркин 2001: 203]. Так, когда мы рассматривали дискурс Третьего рейха, который является высокоидеологизированным [Илларио 2008], то имели в виду следующие отличительные от обычного языка черты, о которых писал В.З. Демьянков [2002] и которые упоминали и другие авторы.

Прежде всего, то, что обычное, т.е. истериколингвистическое и по сути лингвистическое слово употребляется не всегда так же, как в обычном языке. Далее, политический дискурс характеризуется специфичной структурой, которая является результатом иногда очень своеобразных речевых приемов. Кроме того, специфичной является и реализация дискурса – звуковое или письменное его оформление.

Существенной является и выбор точек зрения исследователя при анализе политического дискурса. По Ю.З. Демьянкову [2002], политический дискурс анализируется как минимум с трех точек зрения:

- 1) с точки зрения филологической – как любой другой текст; однако, «объемные текстовые исследования смотрят на факт – политическая и идеологическая концепция, политологические и марки интерпретации»;
- 2) с сопоставительнолингвистической – при измерении эффективности для достижения открытой или явной, – во, несомненно, политическо – целей говорящего;
- 3) с индивидуально-герменевтической – при выявлении личностных смыслов автора или интерпретатора дискурса в определенных обстоятельствах [Демьянков 2002: 33].

Последнее из них. На существующих определениях идеологического дискурса оптимальным нам представляется следующее. Под идеологическим дискурсом понимается способность высказываний и текстов социально-политической сферы, которая обладает способностью и призвана посредством актуализации определенных когнитивных и эмоциональных структур повлиять на восприятие субъектом действительности и суждений об этой действительности.

В этом определении, которое является некоторой модифицированной определением, приведенного в работе [Паркин 2001], содержится все необходимое, на наш взгляд, признаки, характеризующие как сферу действия этого типа дискурса, так и коммуникативно-когнитивное своеобразие субъектов сознательного действия и их коммуникативные интенции.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Буланов В.И. К изучению политического дискурса в России и российского политического дискурса // Политический дискурс в России-2. Материалы рабочего совещания 29 марта 1998 г. М.: Институт языковедения РАН, 1998. – С. 7-13.
2. Баранов А.Н. Речевое воздействие и аргументация // Речевый текст. Семантика и лингвистика. М., 2000. – С. 109-163.
3. Буланов В.И., Чудинова А.П. Метафора в политическом дискурсе. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006. – 213 с.
4. Буланов В.И., Чудинова А.П. Современная политическая лингвистика. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009а. – 267 с.
5. Гаврилова М.В. Лингвистический анализ политического дискурса. // Политическое исследование, 2004, № 3. – С. 127-139.
6. Гирш К. Идеология как культурная система // Гирш К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 204. – С. 225-267.
7. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет лингвистической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. № 3. М., 2002. – С.32-43.

8. Игудатов Е.М. Концепт РОДВНА в идеологическом дискурсе (на материале немецкой идеологической пропаганды 20-40 гг. XX в.). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008. – 21 с.
9. Карасин В.И. Языковой кризис: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
10. Кибрик А., Паркин П. Дискурс // Энциклопедия «Языковедение», 2001. <http://www.ruslang.ru/articles/37/1003-54.html>
11. Мазуров М.Л. Основы теории дискурса – М.: Гнозис, 2003. – 277 с.
12. Паркин П.Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики // Scripta Linguisticae arabicae. Проблемы прикладной лингвистики - 2001. Сб. статей / Отв. ред. А.И.Нешков. – М.: Абухаимик, 2001. – С. 181-208.
13. Пузачик В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. Учебник для вузов - 4 изд. М.: Аспект Пресс, 2007. – 480 с.
14. Рудикова О.Ф. Дискурс, политический дискурс, политическая дискурсология // Многообразие политического дискурса. – Екатеринбург: ИФЯЛ УрО РАН, 2004. – С. 54 - 67.
15. Сорокин Ю.А. Политический дискурс: понятие истоскованной повести // Политический дискурс в России: Материалы рабочего совещания 30 марта 1997 г. – М.: Институт языковедия РАН, 1997 – С. 57-62.
16. Фрунзин Р.М. Любовь отчаянию и, во страстно любовью... Идеологический дискурс как объект научного исследования // Новый мир, 2002, № 3. С. 139-145.
17. Фуко М. Парadox дискурса // Воля и истина: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с франц. М., 1996.
18. Чудинова А.П. Политическая лингвистика. 2-е изд., испр. – М.: Филолит, 2007. – 256 с.
19. Шабуров А.Г. «Справедливое» и «несправедливое» в современном идеологическом дискурсе / А. Г. Шабуров // Без темы. – 2007. – № 2(4). – С. 21-27.
20. Шабуров А.Г. Семантическое пространство политического дискурса // Политический дискурс в России-3. Материалы рабочего совещания 27-28 марта 1999 г. Ч. 1. – М.: Институт языковедия РАН, 1999. – С. 114-123.
21. Dijk T.A. van. What is political discourse analysis? // Belgian Journal of Linguistics / Benjamins J., Dolsen Ch. (eds), Vol. 11, 1997. – P. 11-52.
22. Dijk T.A. van. Ideology. A multidisciplinary study. – London: Sage, 1998a. – 384 p.
23. Schifano D. The process of ideologization in language //Along the margins of Humanities. Beyond its epistemology of humanities. – Ljubljana: SH, 1996. – P.13-65.

ОСОБЫЕ ГРУППЫ МЕЖДОМЕТИЙ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Иванюлова Г.А.
БашГУ, г. Уфа

Человек излагает от эмоций, которые непосредственно проявляются в его движениях, мимике, голосе. Эмоции – это одна из форм отражения мира, обозначающая душевные переживания, волнения, чувства. Одной из форм выражения эмоций является междометие.

В особую группу выделяются башкирские междометия, выражающие испуганность, отрицательное отношение говорящего к собеседнику или к другим людям. Эти междометия-фрагменты, как правило, произносятся с повышенной интонацией, изготованью, сена, лаба: шайтан айгыры, кайлар хукары, улут кайдырмы, сансагыры, апламы кайры ташым, ар йотан и т.д. Например: - Кайлар! Америстар бит сылар, - тыям, тыям артып-тыуаклы булар? - Простите! Это ведь неправда! - сылар и, мен бросило те в жар, ты в ялдо? (А.Хаким) - Кайлар хукары, оман бапты! Апламы кайры тоштыр - ты

картанды ут, асылман кырырай булып - Буак проклет, мылканок отрокл! Буак проклет! - проклетна отк яте себе от проктн" (З.Биншева).

Так же в отдельную группу междометий составляют формулы речевого этикета, включающие своеобразные экспрессивные жесты, которыми обмениваются люди в повседневном быту: *мекет* "как дела?", *ир-мемелетте* "приветствие", *дауимеделетте* "здоровствуй(те)", *мем булбелте* "бул(те) здоров(те)", *хушбелте* "по свиданию", *гафу итбелте* "здравствуйте", *домм итбелте* "добро пожаловать" и т.д. Дашку группу междометий по семантико-функциональным признакам можно подразделить на следующие группы:

1. Междометия, выражающие приветствие. Например: - *Итбелте* Фабура! Хасанов! - тип хыскафы "Здравствуйте, Фабура Хасанов! - здоровы вы" (Д.Булкин). *Салем* ир-ураим-дирга! "Привет, мужчина!" (Д.Булкин). *Тавелорте* кут болгат салыман: - *Хелле!* "Приветствуюте, помазан рукой: - Хелле!" (Д.Булкин). *Хайропа итте*, Насир! "Доброе утро, Насир!" (Д.Булкин). - *Хайропа тич*, Ишмыра аяй! - тугайне са, тегеле андырай утте итте "Добрый вечер, дада Насир! - приветствуюте вы, но тот промолчал" (И.Мусин). *Ир-мем* Гафура! Артистан итс нем тугейне, тип карап уттырык... "Здравствуй, Гафура! Ничуть не хуже артиста вытупает, подумай вы" (Д.Булкин). *Нисан* харп! Итте ауыте нитте тугейнепэр утте, нисан утте тугейнепэр? "Как дела, старик! Скажи, что ты в деревню уехал, почему так быстро вернулся?" (А.Хаким). *Ассаламгалле*, мекетлим. *Итбелте?* "Здравствуй, привет. Как здоровье?" (З.Биншева).

2. Прозвание. Например: *Мин* итте бар-ике мекен керермен... *Хушбелте!* "Я в поле через день-два зайду... До свидания" (Д.Булкин). - *Хуш бул*, туган, - тизар утте, - *Безде* оетма "До свидания, брат, не забывай яте, - говорит он" (М.Карим). - *Хуш*, Гап! - *Мин* итте хуер оопт кайты етасман, - *Козан* утте кулан тондо "Пока, Гап... Я сейчас на крыльях долечу - Козан прощай руку" (И.Мусин).

3. Извещение. Например: *Кайбеге* ботам *Гафу*, уттеме. *Хушбелте!* "Если в испортю вам настроение, извините. До свидания!" (Д.Булкин). *Гафу* итте, мин йезуи палкытырма кут алмам "Извините, я вас какого не задрачу" (Д.Булкин). Э мин... *Гафу* ит, хушым, ашпалайм... Мекен итте мин корреспондент булмай упайай? "А ты... извини, брат, не беспокою... Как ты тогда стал корреспондентом?" (А.Хаким).

4. Благодарность. Например: - *Рахмет*, аяй! - тине оопте пз алты-арты "Спасибо, дади! - сказали все трое друг за дружкой" (М.Карим). *Ишарал* Суфия, байтактан аяй кустыраме хобор юк тип, кайтканай дорей итте... "Слава Богу! А то Суфия переживала, что нет пестей от брата..." (И.Абултеп). *Иш-хармет* бар. *Аллага* *Шариф* "Угощение много. Слава Богу!" (З.Биншева). *Шариф* доням теуэл, фатимебет иркен "Слава Богу! Все в порядке, квартира просторная" (М.Карим).

5. Возжелание, хвала. Например: *Биссе!* *Ват*, аетте, исмаган "Биссе! Вот это, парент!" (Д.Булкин). *Ай*, *афарин*, аетте! Утте палкыты нитдеге! "Молодец, парни! Возвратитесь!" (М.Карим). *Моголлы* Гапна, тегте пз биромейден, аяйне пз "Молодец, Гапна, и как у тебя успехи, и работа у тебя в руках оспретел" (И.Мусин). *Ват*, *малыме*, мырмат! *Гафу* аетте исмемел "Вот молодец, брат! Ты хестим парент овалла" (М.Карим). *Собаналла*, *собоалла!* *Итте* арзуренди мин хыл, хорайым", - тип тур башында мулла уттыра "Слава аллаху, слава аллаху! Господь, да не успеет рука злодего" (А.Хаким).

6. Просьба. Например: *Арслан*, *аюнд* уюндө йаклай нур инди! "Арслан, пожалуйста, береги себя" (Д.Булкин). - *Аюнд*, *война*, - тип станов йайседа "Пожалуйста, расскажи, - она приселась к стене" (А.Хаким).

7. Благодарствование. Например: *Туган*, *Вох* итте, *Ийбелте* Дауер! "Спасибо тебе ночь, дороги Дауер!" (З.Биншева). *Рахмет* итте куд, *Ишарал* ишарал! "Добро пожаловать, Жалгыз!" (Д.Булкин).

Таким образом, особый статус междометий в системе частой речи сказан, в первую очередь, с тем, что они являются характерным фактором разговорной речи парнас с жестами, мимикой и другими экстралингвистическими средствами. Их связь с коммуникативной прагмой проявляется уже в самом термине «междометие» (от латинского прилагательного *interjectum*). Междометия, то есть в известной мере осознано прагматические жесты, восклицания, выражающие душевное волнение, раздражение, чувства и волеизъявления говорящего - часто оказываются важным моментом в оформлении речи.

ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЙ И КОНВЕНЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ ИЛЛОКУТИВНОГО АКТА

Крюкова И.В.
Саратовский институт экономики и управления
им. О.В. Козловского ФЭГУ

Для Д.С. Серя, продолжившей идеи Ю.Лина, теория речевых актов была в первую очередь теорией значения. Серя сосредоточила основное внимание на одном из трех уровней речевого акта — «иллокутивный акт». Иллокутивный акт — это действие, которое мы совершаем посредством произнесения некоторой фразы, можем убодать кого-то, проклять, обвинить, настаивать, его следует отличать от локутивного акта (самоса по себе произнесения некоторых звуков или знаков некоторых значений на бумаге), и перилокутивного акта (воздействие нашего высказывания на действия, мысли или эмоции слушающего). Серя считала, что основное значение имеет не в описании областей действительности, а в осуществлении целенаправленных действий, поэтому в описании этикета на вопрос о значении, он перешел к уровню отдельного слова или уровня единичного иллокутивного акта. Это стало важным шагом в рамках функционального подхода к анализу языковых феноменов и позволило рассмотреть высказывания не в терминах истинности или лжи, а в терминах интенции и коммуции.

Если иллокутивный акт является интенциональным действием, то для понимания коммуникативного высказывания необходимо привлечь понятие намерения говорящего.

Для совершения интенционального действия посредством произнесения некоторых звуков недостаточно одного только намерения осуществить это действие. Серя привлекает к интенциональному аспекту значения также и конвенциональный аспект: необходимо воспользоваться именно теми словами и выражениями, которые обычно используются для осуществления таких действий.

Таким образом, возможность осуществления действий при помощи слов — вопрос не только интенции, но и конвенции. Значение произнесенного высказывания и характер грамматического построения этого действия определяется, во-первых, тем, какими намерениями употреблен говорящий это высказывание, а, во-вторых, тем, какими конвенциями употреблен язык для осуществления именно этого типа намерений. Коммуникативный аспект иллокутивного акта имеет еще один измерение. Значение высказывания — функция многих «конвенциональных переменных», а их число исходит не только языковые средства, используемые для его построения, но и тот контекст, в котором оно употребляется. Только в соответствующей ситуации, в соответствующих условиях

пронесимыми или фразы могут быть восприняты в том смысле, который ими подразумевается, и быть эффективными для совершения задуманных нами действий. Например, для того, чтобы выйти из комнаты фраза "Обязательно вас ждут в женой", необходимо, чтобы она как минимум была произнесена в ситуации бракосвадения; мы не осуществляем никакого действия с помощью слов "Позвоните на завтра вып отчет", если адресуем их своему начальнику; бессмысленно просить кондуктора проверить билеты, если очевидно, что он и так это делает. Иными словами, для того чтобы целесообразность некоего высказывания рассматривалась как предупреждение, обещание, совет, просьба, необходимо существование в этом обществе некоторых конвенций употребления, или правил. Серд называет их "конститутивными правилами" и придает им столь большое значение, что выделяет иллокутивные акты как акты, осуществляемые в соответствии с конститутивными правилами. Он считает, что для каждой из разновидностей речевого акта обещания, совета, предостережения — может быть составлен свой перечень таких правил. В случае если все правила из данного перечня выполняются для некоторого конкретного словопользования, у нас есть все основания для отнесения высказывания к иллокутивному акту именно этого типа. Так, например, для иллокутивного акта просьбы можно перечислить следующие правила:

1. Правдоподобное содержание. Содержание высказывания Р должно относиться к действию X, которое должно быть совершено слушающим.
2. Подготовительные правила: (а) слушатель способен выполнить действие X, и говорящий убежден в этом; (б) для обоих участников интеракции очевидно, что слушающий не осознал бы действие X, если бы об этом не попросил.
3. Правдоподобность. Говорящий надеется, чтобы действие X было совершено слушающим.
4. Существенное правило. Произнесение высказывания Р является попыткой побудить слушающего совершить действие X.

На первый взгляд, данный перечень достаточно полно представляет условия, которые должны быть выполнены, чтобы произнесение некоторой фразы было совершением акта просьбы. Однако, исходя из него, можно показать, что вопрос "Не могли ли бы вы задержаться на минуту?" во всем деле является просьбой. Действительно, (1) содержание данного предложения презентует некоторый акт слушающему, и этот акт не относится к процессу; (2) не вызывает сомнений подготовительные условия, то есть характерна ситуация, при которой осуществление данной иллокуции имеет смысл; (3) произнесение указанного предложения на самом деле может рассматриваться как намеренная попытка побудить слушающего нечто сделать. Однако практика эмпирически исследованной сферы показывает, что набор конститутивных правил Серда часто оказывается недостаточным для того, чтобы точно распознать тип иллокутивного акта, они не обеспечивают все многообразие связей между значением и контекстом. Так, на основании приведенного списка правил невозможно объяснить, почему упомянутый вопрос "Не могли ли бы вы задержаться на минуту?" может служить не просьбой, а приказом, будучи употребленным по отношению к подчиненному. В таком случае для понимания значения высказывания требуется привлечение более широких сведений о контексте.

Интенциональный аспект значения высказывания, употребленного для совершения речевого действия, имеет выражение в предложении Серда о намерении иллокутивной цели. По Серду, главное, чем один иллокутивный акт отличается от другого, это намерение, с которым говорящий произносит соответствующее высказывание. Например, при совершении акта обещания говорящий берет на себя обязательство совершить некоторый действие. Данный параметр был положен Сердом в основу предложения об иллокутивной цели. Иллокутивная цель — это установка на определенную ответную реакцию адресата, которая сообщается ему в высказывании.

Серд показал, что иллокутивные акты с одним и тем же содержанием могут иметь совершенно различные иллокутивные цели. Так произнесение следующих выражений:

1. Джек выйдет из комнаты?
2. Джек, выйди из комнаты!
3. Если Джек выйдет из комнаты, я тоже выйду

являются в первом случае вопросом, во втором — просьбой или приказом, в третьем — гипотетическим высказыванием. Это позволило ввести различие между общим содержанием предложения (упомянутым им также как суждение, или пропозиция) и его иллокутивной целью (функцией). "О" большим классом предложений, используемых для совершения иллокутивных актов, можно считать в целом именно анализ, что предложение имеет две (не обязательно отдельные) части — элемент, служащий показателем суждения, и элемент, служащий показателем функции". Этот тезис имеет большую практическую ценность для анализа речевых актов.

Показательная функция, то есть намерением, интенционально оценить, какой иллокутивный акт совершается при произнесении данного предложения, могут быть, по Серду, намерение сказать, интенциональный контур, пунктуация, ударение. К ним относятся также множество так называемых перформативных глаголов: я могу указать на то, что означено мной иллокутивным действием, начав предложение с "я обещаю", "я предупреждаю", "я одобряю", "я соболезную".

Данный ряд содержит, безусловно, только самые элементарные разновидности функций иллокутивного акта. Некоторые выводы, сделанные Дж. Остинем в работе "Как совершать действия при помощи слов", позволяют к ним добавить также намерение и заречение обещания ("возможно", "безусловно"); сопроводительную функцию, жестикуляцию, архаичные невербальные действия; частицу "потому" (во употреблении эмоционально выражению "я думаю, что"), "все-таки" (рано по силе "я настаиваю"), "иногда" (в некоторых случаях можно перевести с "я допускаю, что").

Необходимо отметить, что в Остин, и Серд признавали, что в ряде случаев понятие, с какой целью употребится высказывание, можно только на основании контекста. Например, как показывает Остин, слов "Однажды я умру" или "Я надеюсь Вы сви чезы" по-разному понимаются нами в зависимости от состояния здоровья говорящего.

КОНТРОЛИРУЕМОСТЬ И НЕКОНТРОЛИРУЕМОСТЬ РЕЧЕВЫХ АКТОВ ПРОКЛЯТИЯ

Брюкова И.В.

Саратовский институт экономики и управления им. О.В. Казанцева ФПГУ

Проклятия представляют собой систему словесных формул, являющихся формой образного организации текста в соответствии с прагматикой высказывания. Еще Е.Г. Карпов обращал внимание на различие двух видов проклятий: «уммыленного» (нем. Verfluchen) и неуммыленного (нем. Verfluchen), некое проклятие неуммыленным, несовершенного произнесения имени. Особенность второго типа проклятий заключается в том, что последствием их произнесения — пароксизмальный эффект — входит в противоречие с иллокутивной силой высказывания (его коммуникативной направленностью). В выражении адресата (проклинаемого) на самом деле не входит подобное изменение реальности, как и проклятие в результате совершения им речевого акта. Единственная функция этого высказывания — выражение негативных эмоций: раздражения, досады. Позже, в связи с рассмотрением классификации семантических типов предикатов был в научный обиход введен термин «экспрессия». По мнению Т.В. Бузыгиной и А.А. Завягина этот термин имеет особый

статус по сравнению с признаками «активности», «агентности» и «намеренности». Первые два признака связаны со свойствами субъекта, намеренность — со свойствами действия; контролируемость связана со свойствами ситуации (Н.В. Шатуновский и А.А. Зализnjа); контролируемость и неконтролируемость рассматриваются также Т.В. Булыгина и Т.И. Стекловой, как сферы семантической категории, которая имеет объем, структуру и средства выражения. Оба подхода дополняют друг друга и представляют собой основу для дальнейшего изучения контроля как свойства ситуации.

Для речевых актов проклятия характерны следующие черты: побудительность, экспрессивность, оптативность, а также повешение негативных последствий речевого воздействия на объект. Анализируя языковой материал можно сказать, что в интересующих нас речевых актах, проявляется признак, как контролируемости, так и неконтролируемости ситуации.

Говоря о признаках контролируемости речевого повешения, известен тот факт, что в побудительных высказываниях выражается возжелание, направление на осуществление чего-либо. По мнению В.С. Храковского, «высказывая свое возжелание, говорящий выступает как контролер ситуации, т. е. он полагает, что исполнитель может выполнить то действие, о котором идет речь». Эти пожелания в полной мере могут быть отнесены к «категорическому требованию». Чтоб ты ужас ты ужас на птеродактиль, представляющему в качестве примера побудительной конструкции в Русской грамматике. Для категоричности требования или другого побуждения характерно, во-первых, высказывание повелительной (категоричной) контролируемости действия, во-вторых, результат действия исполнителем не должен причинить ущерб ни исполнителю, ни говорящему, ни какому-либо третьему лицу. Однако если брать в качестве примера высказывание «Чтоб ты полизался!», которое является побудительным, не может рассматриваться как «категорическое требование», так как действие, выраженное глаголом нежелательного осуждения не совершается исполнителем намеренно, за исключением случаев ожидания контроля. Неконтролируемость в этих высказываниях связана с тем, что произносимое действие приносит ущерб исполнителю. Ситуацию контроля можно представить следующей схемой:

$(\text{Высказывание}) + \text{Высказание} + \text{действие} + \text{Исти} \Rightarrow \text{потенциальная ситуация}$, где, субъект высказывания (он же является субъектом речи), субъект действия (исполнитель), само действие, в котором побуждает говорящий, инструмент (побуждение или другие меры воздействия) в потенциальной ситуации, выраженная целью высказывания и частной целью.

Однако необходимо отметить, что субъект высказывания может стать субъектом контроля при соблюдении следующих условий:

- 1) субъект контроля должен обладать более высоким статусом, чем субъект действия (например, в отношении родителей — дети);
- 2) субъект контроля должен владеть средствами контроля над ситуацией (осуществлять целенаправленные действия, в том числе и речевые, а также накладывать запрет на осуществление действия);
- 3) взаимосвязи субъекта контроля и субъекта действия посредством инструмента контроля должно приводить к реализации потенциальной ситуации, желательной для контролера.

В следующем примере показано, что участник потенциальной ситуации (он же объект речевого воздействия, слушающий) не может контролировать производство с ним экспрессивно окрашенной глагола переломаться и значением отнесения, речевательно обозначает неконтролируемое действие.

— Чтоб вы переломались, дьявольское племя! — закричал дед, заплясав пляшущие себе уши (Н.В. Гоголь «Преподанная грамота»).

Субъект речи / высказывания преимущественно не является субъектом контроля, хотя, возможно, у говорящего складывается иллюзия о способности воздействовать на ситуацию посредством речевого действия, которое можно назвать «высказанным инструментом».

Говорящий претендует на статус контролера, но не обладает этим статусом, так как не владеет средствами контроля и не может привести потенциальную ситуацию к осуществлению. Более того, субъект речи, или субъект высказывания, соотносится из потенциальной ситуации, привлекая «на собеседника» новую «неожиданную силу», что особенно ярко проявляется в безличных конструкциях и в конструкциях с квазисубъектным действием, например:

— ...Чтоб ему на том свете черт борозу облом! (Н.В. Гоголь «Сорочьи гонимые»).

Таким образом, высказывания, отражающие неконтролируемую ситуацию речевого воздействия, включают в себе противоречие между побудительностью, для которой характерна контролируемость, и семантически типом высказывания, характеризующим ситуацию как неконтролируемую. Определяемую неконтролируемую ситуацию речевого воздействия можно представить в виде следующей формулы:

$(\text{Высказывание}) + \text{участник ситуации} + \text{неконтролируемое действие} / \text{состояние} + \text{Исти} \Rightarrow \text{нереализованная ситуация}$.

Участник потенциальной ситуации является объектом речевого воздействия говорящего. Однако нечто должно произойти с объектом воздействия независимо от конкретных действий субъекта речи, «само собой», посредством отсылки к силе; при этом объект воздействия, по мысли говорящего, не может предотвратить наступление негативной неконтролируемой ситуации.

Признаки неконтролируемости окружающей субъектом речи потенциальной ситуации проявляются, как уже было сказано, в средствах их выражения.

Безличные конструкции в русском языке выражают «речевую интенциональность и невозможность какому-то явлению, из-за причины, и поэтому безличных конструкций составляют грамматическое ядро выразительных средств категории неконтролируемости:

— Эй-боя, не плачь! Что мне мать! Я готов обмануть это хитр своему солдату. Что мне лавочка! ... Чтоб его, одноклассника черта, котом горюхало!.. (Н.В. Гоголь «Майская ночь, или Утопленница»).

Эти акт заклинания-проклятия является своего рода обращением к «информальному миру» с тем, чтобы воздействовать на ситуацию с его помощью. В актах негативного речевого воздействия представляется все многообразие безличных конструкций: с личными глаголами в безличном употреблении (Чтоб ему набавало, дьявольскому племю, под обоями плахи на трущобы и коню вилочника! — Н.В. Гоголь «Поча перед Рождеством»), конструкциями со связками категории состояния (Чтоб тебе пусто было!), а также инфинитивные конструкции:

Главное было не дать ему с утра вылезаться, рынку выкатиться, а он лопка в этом деле — упробет посуду у американца с выпивкой, режь заклет с тем, что у нас в России такой обычай, да и опорожнит сосуд до дна, чтоб ему на том свете коша являти, этому развратному выводу! (И. Астафьев «Заклет»).

Итак, для речевых актов заклинания, проклятия, боязнь типичны безличные конструкции (собственно безличные, инфинитивные, конструкции с обращением, со словами категории состояния), а также конструкции с глаголами изъявительного осуществления. Хотя эти средства выражения относятся к разным синтаксическим моделям, их объединяет семантический признак неконтролируемости. Высказывания, функционирующие в речевых актах проклятия, отражают специфику языкового сознания русских: в них совмещается наличие и отсутствие контроля над ситуацией. Неконтролируемость явлений — это предостерегающий Hinweis «истинной причины» происходящего в мире и одновременно попытка обрести некоторую стабильную силу.

ЛИТЕРАТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ГАЙТО ГАЗДАНОВА

Кузнецов Е.В.
Астраханский государственный университет

Периодичность выхода творчестве Гайто Газданова заключается не только в единстве персоналий (Тришлянская война, годы эмиграции, оторванность от России), но и в единстве его творчества и его мироощущения, его философской позиции, что нашло свое отражение в статьях и эссе.

Писатель выступил против биографического метода Сент-Бева вслед за М. Прустом, но иногда в этом он противоречит сам себе. Мысли Газданова о возможности творчества в черт жизни писателя это как продолжение романовской и «биографическим методом», о котором в своей книге «Против Сент-Бева» М. Пруст писал: «...Суть его знаменитого метода в том, чтобы судить о произведении без открытия от человека, создавшего его, чтобы при оценке автора книги, если это только не отражает по геометрии, считать невозможным стремиться отвлечься от вопроса, казавшего бы, не зависящее никакого отношения к творчеству (как критиковать видел себя в жизни...), обогатиться всеми возможными сведениями о писателе, слышать его писем, расспрашивать знакомых его людей, беседуя с ними или читая, что они писали о нем, если их уже нет в жизни. Этот метод идет в разрез с тем, чему как учил более услабленное понимание самих себя: книга – порождение иного духа, нежели то, которое производится в наших повседневных привычках, общении, разговорах...» [Пруст: 1999, 39]. Но в своих более поздних критических публикациях Гайто Газданов не исключает факта «биографии» и связывает с ними некоторые черты творчества писателей.

В критическом эссе о В.В. Розанов Газданов попытка разглянуть по-своему противоречиво личность философа и не смог удержаться от слитного субъективного писателя. Разгадку этой фигуры он находит в том, что Розанов, по его мнению, вкладывает собой «перенос эмиграции» [Газданов: 1994]. Гайто Газданов характеризует его жестом: это «интерьер», не исключено, что смертный гримас в кошмар, это – человек, писатель, мыслитель, в котором неприменимы обычные критерии морально-правовых оценок.

Поэтому, что Розанов испробовал Газданову. В Розанов Газданов искал рождившего сознание, под знаком смерти, для него Розанов олицетворяет все мерное и печальное. Можно понять, что Розанов, в экзистенциальном размещении Газданова в жизни и смерти является своеобразным воплощением того, чего категорически не приемлет писатель. Газданов через жизнь Розанова пытается осознать его творчество. Название статьи и содержание вступают в противоречие, т.е. Газданов пострадал рождать мне) о В.В. Розанов, не скрывая своего испорченного этого философа-человека. Газданов не различил его мысли и Герцена и Толстого и говорил о неспособности Розанова понять до конца и оценить этих мыслителей. Напротив же, Достоевский Розанов отнял оригинальным и самым нужным писателем (у Газданова мнение другое).

Как пишет Газданов: «Ничего алиания Розанов не мог иметь и не может иметь на литературу, потому что алиания предполагает, прежде всего, существование какой-то личности, каки-то алиания, каки-то алиания, объединенных одним субъективным началом. Индивидуальности Розанов, о котором писал он сам, и повторил другие, – фантазия. < > Проведения Розанов существует сам по себе, настолько они религии. Розанов – литератор? Розанов – мыслитель?» [Газданов: 1994]. Естественно, его творчество Розанова предельно субъективна. Такой религий той статьи, конечно, жмет бурю эволюции и эмиграции литературную среду.

Для понимания философии творчества писателя статьи «Заметки об Эдгаре По, Гоголе и Достоевском» используют особый язык. Статья действительно написана в форме эссе, но есть не имеет стройной структуры, и представляет собой несистематизированный фрагмент. Этим Газданов явно подчеркивает свободу писателя встраивать текст в соответствии со своим внутренним порядком и своим эмоциям, следуя своей интуиции и

личности субъективна. Об этом он прямо говорит в последнем фрагменте статьи: «В этих случайных и безгласных заметках я хотел только указать на значительность иррационального языка в искусстве: на критический, не интеллектуальный язык в себе не ставил и сознательно избегал систематизации, преследуя лишь одну цель» [Газданов: 1929, 171].

В статье «Заметки об Эдгаре По, Гоголе и Достоевском» Газданов высказался о возможности принадлежать какой-то одной литературной школе и вообще подверг сомнению само существование «литературной школы»: «Нет ничего спорного, чем утверждать о существовании «школы» в литературе. Спорность понятия «школы» применительно к литературе становится особенно очевидной, если мы поставим вопрос, – в какой школе можно отнести Шекспира или Сервантеса, Толстого или Бальзака, Достоевского или Пруста?» [Газданов: 1929, 171]. Мы понимаем, что Газданов пытается обогатить свое отношение к языку критиком именовать яркими и отнести его своего к какой-то одной литературной школе. Следующая его фраза откровенно дает понять его субъективное мнение по поводу вымышленной критики в его адрес: «Он (критик, Е.К.) написал множество трудов – но достаточно иметь любовь – или почти любовь – книгу по истории русской литературы, чтобы убедиться в том, что он автор чаще всего – просто плохо разбирается в том, что он читает» [Газданов: 1929, 172].

О Гоголе Газданов писал неоднократно и в разные периоды своей жизни. Газданов часто ограничивает Гоголя – творца и Гоголя – человека. В статье «О Гоголе» Газданов подробно повествует вымышленную и даже мысль о том, что он один великий художник не может быть временами к какой-либо школе или «направлению». Гайто Газданов воспринимает халямом Н.Гоголя, отнимая до конца его литературному гению и в то же время критикует и даже в некотором роде осуждает Гоголя – человека, обвиняя его в лицемерии, искажении работы, в другом человеческом грехе. Возмущаясь его образом жизни, низкая его исключенности и мысли просто «бредовых», Газданов выражает такое личностную позицию на поведение творца, каки бы Гоголь. Также Газданов в этой статье, отнимая до конца «интерьерному» воображаемому миру Гоголя, останавливается на противоречиях к творчеству этого писателя. Как пишет Газданов: «Эта одна школа – критик, работящий на пользу России, – никогда не понимал Гоголя, Валд, однако, сказать, что это предложение о том, как именно и в какой области он может прийти пользу России, возмущаясь не соответствующим действительности» [Газданов: 1969]. В том Газданов чувствует внутренне личностную качества писателя. Он осуждает и жалет Гоголя – человека: «Все в нем странно, необычно и необычайно; его личный язык, его литературное творчество, его манера ведения, его постоянные утверждения, что он стремится сделать добро людям и его ласковое пренебрежение к этим людям. <...> Какая жуткая жуть была у автора «Мертвых душ!» Не жаны, ни детей, ни собственного отца, ни дома, ни друзей, ни родственников, ни крестьян, ни собак, ни даже Россию, из которой его все время тонуло в чужие земли, светские, университетские, не помышлял им самим литературный гений, пренебрежение к тем, кого он хотел любить и кому, по его словам, он стремился принести пользу. Личностное одиночество, бешеность и знания величия и смертельной религиозный бред. И кроме того, конечно, страшный, нечеловеческий мир, который создало его чудовищное, личностное воображение, выходящий на видение того расклеванного ада, в котором горел Гоголь, оставил нам в наследство то, что было создано его неповторимым литературным гением, и неразрешимую загадку его кратковременного пребывания на земле; и его смерти, – мысль же непостижимой, как его жизнь» [Газданов: 1960, 181-183].

Несмотря на неприятие Гоголя как человека, Газданов отдавал должное его писательскому гению. Гоголевская традиция в русской литературе – вопрос сложный и далеко неоднозначный. Газданов выражает противоречивые оценки и суждения о Гоголе. Вступая статью отличается большой резкостью суждений. Но мир Н.Гоголя, описанный Газдановым был близок и его прозе (сознательная, особый дар, интуиция Газдановами объективно срединного понимания).

В назидательной статье «О Гоголе» Галданов определяет задачу писателя, выражает свое представление о писательском ремесле: «... отменить еще одну, совершенно поучительную истину: ни один настоящий писатель никогда не воспроизводит действительность. Каждый писатель создает свой собственный мир, а не воспроизводит действительность, и это залог подлинного творчества литературы, настоящей литературы, не существующей» [Галданов: 1960]. Это как программа к действию, так писал сам Галданов. Можно усматривать упрям Галданова, в очередной раз, обращенный к критикам-современникам, не понимавшим до конца и не оценившим по достоинству его произведения. Писателя, по мнению Галданова, должен быть способен создать собственный художественный мир. Эта же мысль более детально развернута в эссе «Мир писателя»: «Задача писателя - показать читателю созданный им мир, дать ему, читателю, возможность сравнить этот мир со своим собственным миром, представить, сделать из этого соответствующие выводы и понять, почувствовать что-то, чего, не прочтя этой книги, он бы, может быть, не почувствовал. <...> Но для того, чтобы создать свой собственный мир, для этого творческого усилия необходима полная свобода» [Галданов: 1999, 178-180].

Г. Галданов, в отличие от В.Набокова, не склонен скрывать свое отношение к творцу или новому писателю; напротив, он неоднократно признает основателя творческой школы Д.Толстого, других русских и европейских классиков. Набоков же хотел оставаться стерильно-чуждым, неизменным, не допускающим мысли о влиянии на его творчество какого-либо из русских писателей. В интервью Нью-Йорк - сити он заявил: «Ни одна вера, ни одна школа не могла на меня повлиять» [Шкловские: 1991, 78].

Так, например, в рассказе Г.Галданова «Письма Иванова» устным главным героем Николая Франциана Иванова роль и место Некрасова в русской литературе сведены к функции непрофессиональной канцелярии, а роль ее заключается в том, чтобы делить людей, которые не умеют соответствующим образом выражать свои чувства, в данном случае горе - оттого что умер близкий им человек, которые покойного и в глаза не видели и не имеют о нем представления, за соответствующее вознаграждение рыдают над ним так, как этого не могут делать ни сыновья, ни жены. И есть целая категория писателей, которая выполняет такие же функции по отношению к читателям. Таким, например, в русской литературе был Некрасов. Это, конечно, только часть литературы, но часть довольно важная» [Галданов: 1996, 632-633]. В свою очередь нельзя не почувствовать другую сторону В.Набокова по отношению к Н.Г.Чернышевскому в романе «Дар». Конечно, за определенным произведением Галданова и Набокова стоит воззрение самих авторов с их симпатиями и антипатиями к тому или иному писателю.

В своих суждениях о Ф.Достоевском Гайто Галданов во многом сходится с Л.Толстым и И.Бунина. В.Набоков также не приемлет Ф.Достоевского, причем подчеркивает свое неприятие к нему отношение, отрицает вообще его литературную значимость.

В романе Г.Галданова «Полет» реплика одного из героев гласит о том, что «отзывы Достоевского портят вкус». В рассказе «Черные дебри», его герой Павел, человек, обладавший «независимостью» суждений, называет Достоевского «глупым» и характеризует на худой вкус [Галданов: 1999, 138].

Однако, в отличие от В.Набокова, который стремился нанести автору «Братьев Карамазовых» до уровня среднего писателя, Г.Галданов признает «генциальность» Ф.Достоевского, хотя для него опять, как и у Н.Гоголя, не все стороны его личности и творчества привлекательны. В письме Г.Галданова к Г.Адамовичу в связи с выходом его книги «Комментарии» он пишет: «... Все это не мешает тому, что Достоевский - один из немногих гениев в литературе и что он поныл то, что не поныли и не увидели другие. Но для меня лично он как-то органически неприемлем, - с этой постоянной истеричкой, с этой фальшивой, с этим невыносимым мне себе вланием, страданием человеческому вланию, с этим позорным «Дневником писателя». Нет, это, конечно, не опечаленный Панкратов - в одной из глав Достоевского больше ума и понимания, чем во всех архаических Набокова, вместе взятых. <...> Есть в Достоевском что-то непоправимо плохое - одностороннее с

необходимыми вланиями. А самое лучшее у него, мне кажется, это «Мертвый дом...», Душа, однако, <...> что «Смерть Павла Ильича» страшнее и глубже, чем весь Достоевский. Но это, конечно, мое *opinion* репортёра, на котором нельзя настаивать» [Галданов: 1967, 297-298]. В этом высказывании Галданова прослеживается его отношение к Набокову.

В статье «Литературные призывы» Галданов еще положительнее отзывается о творчестве Сирин, отмечая его талант и уникальность, поднимая мнение его современника. Нам хотелось бы привлечь внимание к тому факту, что Набоков на ряду напрямую не высказал своего мнения о прозе Галданова, но, как и предполагать, что он его не читал, будучи недоуздочником, в одном номере. Это лишь определенным образом характеризует личность Набокова, призывая во внимание их несогласие. В этом обзоре они объединяются по тематике, стилю, свободной умеренности, с которой воспроизводятся русская и европейская жизнь.

Гайто Галданов раскрыл трагедию целого поколения писателей, попавших в империю молодости. В статье «О Поплавском» он писал: «В последние годы он (Поплавский К. Е.К.) писал лучше, чем раньше, как-то менее уверенно: он чувствовал, как сползает вокруг него воздух. Это был результат той медленной катастрофы, которая привела к молчанию его ровни и лучших товарищей. Их имена известны всем в литературном кругу и известны почти никому в широкой публике. Все они перестали писать - и вместе с тем каждому из них было бы сказать. Но в диких и глухом пространстве, которое их окружало, но слова не были бы услышаны. И они замолчали» [Галданов: 1994, 251]. Он и сам был из их числа. На фоне этих несчастных судеб рельефно и значимо человеческий подвиг Галданова. Искра Бабель говорила в начале 30-х Ю.Антонову: «Останется ли здесь и стиль изобретения, как героический Гайто Галданов» [Галданов: 1994, 248-252] (курсив наш, Е.К.). В чем же, по-вашему, его подвиг? Галданов, совмещая тяжелый физический труд и писательскую деятельность, был способен противостоять всем этим невыносимым условиям и писать рассказы, благодаря которым вошел в мировую литературу.

Галданов оценивая роль художника в современном мире, не принимал добрых писателей писательство как профессию. Для самого Галданова литература никогда не была профессией и материальным источником существования. На жизнь он зарабатывал тяжелым трудом. Материально он не зависел от редакторов и т.п. В одном из писем М.Горькому Г.Галданов писал о том, что вынужден работать по 10-15 часов, и оговаривает в том, что сможет продолжать заниматься литературой. Но он смог, он продолжал вести достойную жизнь, честно работая и зарабатывая тяжелым трудом свой кусок хлеба, сохраняя свою честь и достоинство. В этом и есть простой человеческий подвиг в данных условиях. И эти строки не писаны не только о Поплавском, но и о себе и о своем поколении: «... мысль о его смерти есть напоминание о нашей собственной судьбе, - нас, его товарищей и соратников, всех тех, когда несовершенных людей, которые падают беспомощные стихи и романы и не умеют ни заниматься коммерцией, ни устроить собственное дело; ассоциация почитателей и фанатов, которым почти не остается места на земле» [Галданов: 1994, 252].

В статье «О Чехове» Галданов опять возвращается к вопросу о разграничении творчества писателя от его жизни, который он уже затрагивал в статье «О Гоголе». Таким ярким примером для него является Чехов. Он вспоминает его одним из самых замечательных и самых необычайных писателей [Галданов: 1964, 76].

Необходимость его для Галданова состоит в несоответствии его биографии, среды, из которой Чехов вышел и тех надтеор, которые он создал. Основная высота рассказы Чехова, Галданов не очень лестного мнения о рассказе Чехова, так как полагает в них провозглашение идеологии, претвращения Галданову. И опять мы слышим выказывание в адрес критиков: «... как известно, суждения критиков далеко не всегда бывают правдивы. После же когда-то Добролюбова, что если бы у автора был какой-нибудь артистический дар, то это произведение было бы архаично. Но так как артистического дара у него нет...» «Это произведение, - это «Преступление и наказание», а автор, у которого, по мнению Добролюбова, нет артистического дара. - Достоевский» [Галданов: 1964, 76]. Эти Галданов

приводит для предложения, что он не может критиковать своим современникам, то будет оценен на достоинство поэтами. Он показывает, что отдает себе отчет в своем таланте и своеобразии своей прозы.

Творца о замечательности Чехова, Гайданов не может поставить его в один ряд ни с Толстым, ни с Достоевским, так как, по его мнению, в Чехове нет ничего титанического. Такая оценка Чехова все же неслыхана, что Гайданов ошибался. Как и в его случае, последующие поколения по-новому взглянули на творчество Чехова и его оценили по достоинству во всем мире. По мнению Гайданова, сплотив уже писатели Чехова, постыдился мир его произведений слишком грустными. Он приводит слова Д.Шестова, который сказал, что все к чему прикасается Чехов, увядает.

Но Гайданов правильно определил то место в литературе, которое по праву занял этот писатель: «Говоря о том, как писал Чехов, следует, может быть, заметить, что он был одним из очень немногих русских авторов, которого можно назвать словом *maître*, – не знаю русского слова, которое соответствовало этому понятию. Его язык – необыкновенно точный, выразительный, каждое слово стоит именно там, где нужно, у Чехова беззащитной ртуть повествования, изобретательный в своем совершенстве» [Гайданов: 1964: 137]. Статьи признава ощущение глубокого внутреннего родства двух художников.

На одном из научных собраний Гайданов выступил с докладом, который был посвящен роли писателя в современном обществе (прочитан после 1965 года). Прежде всего, он говорил о несвободе литературы и писателя. По убеждению Гайданова писатель должен оставаться свободным и не поддаваться никакому политическому давлению и давлению. Но при этом Гайданов обобщает и ряд принципиально важных обязанностей писателя перед обществом: «Долг писателя по отношению к обществу? Только один: не лгать. И быть свободным от всех остальных-нибудь обязательных понятий, от всякой внешней цензуры» [Гайданов: 1999: 181]. Гайданов разграничил понятие «творчество писателя» от понятия «коммерсанта, ремесленника или так называемые серии тиражированной литературы» [Гайданов: 1999: 180], которые, как это ни парадоксально, пользуются большей популярностью.

Через всю свою прозу Гайданов стремился выразить jednu мысль. В выстраивании одного из персонажей рассказа «Водонасос» он наиболее ясно формулирует авторское кредо: «Как вы хотите, чтобы я писал?» – говорил мне один из моих товарищей. – Вы оживлялись перед водонасосом странной силой, превосходящей человеческое воображение; дается вода, смешанная с солнечным лучами, и в воздухе стоит сверхъестественно обаяние. И вы держите в руках обыкновенный чайный стакан. Конечно, вода, которую вы наберете, будет той же водой из водопровода; но разве человек, которому вы потом принесете и поставите этот стакан, – разве он поймет, что такое водонасос? Литература – это такая же беззащитная попытка» [Гайданов: 1996: 332].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Пруст М. Проза Сен-Бенз. Статьи и эссе – М., 1999
2. Гайданов Г. Мир о Романове // Литературное обозрение. М. – 1994. – № 9 – 10
3. Гайданов Г. Заметки об Эдгаре По, Гоголе и Мопассане // Воля России, 1929. 5/6
4. Гайданов Г. О Гоголе // Мосты, 1960. №5
5. Масловски доклад Г.И. Гайданов. Публикации А.И. Серова // Новое литературное обозрение. – 1999. – №39
6. Шаховский Э. В поисках Nabokov. Отрывки: – М., 1991
7. Гайданов Г. Собр. соч. Т. III. М. Советские. 1996. с. 632 – 633.
8. Лисьяно Г. Гайданов – Г. Адамовичу от 28 сентября 1967 г., Москва // Возвращение Гайто Гайданова. С.297 – 298
9. Гайданов Г.Я всегда жил в эмиграции // Время и мы. 1994. № 123. Российско-американский литературный журнал. М.-Нью-Йорк. С. 248-272
10. Гайданов Г. О Чехове // Новый журнал, 1964
11. Масловски доклад Г.И. Гайданов. Публикации А.И. Серова // Новое литературное обозрение. – 1999. – №39

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ АСИММЕТРИЯ ПОВЕРХНОСТНОЙ И ГЛУБИНОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ (на материале английского языка)

Курсанова Е.Е.

Пермский государственный педагогический университет

Семантика предложения как единица языка может изучаться в аспекте грамматической и лексической семантики. Грамматическая семантика связана с синтаксическими позициями, которые слова занимают в предложении, и образует количественную структуру предложения. Лексическая семантика может быть представлена как соотношение предложения и ситуации действительности и образует глубинную структуру предложения. Элементами поверхностной структуры являются члены предложения, а элементами глубинной структуры – глубинные падежи (семантически ролевые значения).

В исследовании по падежной грамматике неоднократно отмечалось отсутствие корреляции между поверхностной и глубинной структурами, т.е. отсутствие прямо – обратного соответствия между их компонентами: на один из глубинных падежей всегда интерпретируется как прямое соответствие поверхностно-синтаксическим отношениям «подлежащее» и «второе дополнение» в каком-либо конкретном классе (Ч.Филдмор). Эту же асимметрию получил выявление количественных асимметрий.

Тем не менее, отношения между данными структурами предложения могут характеризоваться не только качественной, но и количественной асимметрией, т.е. количественным преобладанием компонентов одной структуры над другой.

Рассмотрим факторы, приводящие к количественной асимметрии компонентов поверхностной и глубинной структур пропозиции монопропозиционного предложения на материале английского языка. За основу анализа глубинной структуры нами взята система падежей глубинных падежей, предложенная И.С. Шарогатовой: Агента, Бенефициара, Адресата, Эксперимента, Пациента, Значения, Объекта, Инструмента и Локация [Шарогатова 2006:344].

1. К количественному преобладанию компонентов поверхностной структуры над соответствующими глубинной структуры приводит:

1) явление расширения валентности. Под расширением валентности понимается увеличение одной валентности слова А с помощью двух соподчиненных А словосформ (*founder* – *founder and developer*) [Агросин 1973:318-319]. В исходной работе по падежной грамматике Ч.Филдмора это явление рассматривается как категория «неотвечающей привлекательности», т.е. участвие ситуации представляется в виде целого и его неотвечающей части [Филдмор 1981:459].

В ходе исследования было выявлено пять глубинных падежей, олицетворяющих расширение:

- 1) **Агента**: *She nipped her fingers* [Сис 1995:66]. Глубинный падеж Агента соответствует двум компонентам поверхностной структуры – подлежащему *she* и дополнению *fingers*.
- 2) **Пациента**: *Windy rowled on her knees* [Rowling 2000:50]. Глубинный падеж Пациента соотносится с двумя компонентами поверхностной структуры – подлежащим *Windy* и дополнением *knees* (Компонент предложения *Windy* выполняет синтаксическую функцию подлежащего, т.е. он здесь задает валентность глагола *rowled*).
- 3) **Локация**: *I went to the Alps, to Arona* [Fried 2006:94]. Локация подвергается расширению и соотносится с двумя компонентами поверхностной структуры – дополнением *Arns* и *Arona*.
- 4) **Бенефициар**: *He had lost all his bones from his right arm once* [Rowling 2000:22]. Бенефициар подвергается расширению и реализуется тремя компонентами поверхностной структуры – *he*, *bones* и *arm*.

5) Эксперимент: *Rita Skeeter did a lot for everyone* [Rowling 2000:391]. На поверхности уровня Эксперимент соответствует подлежащему *Rita Skeeter* и дополнению *everyone*.

Явление расширения валентности также имеет место в предложениях, содержащих возвратные местоимения. В предложениях с возвратным действием участник ситуации только производит действие, выраженное на себя самого, но в отличие от примеров расширения валентности, рассмотренных выше, возвратное местоимение указывает на весь предмет в целом, а не на его часть. Таким образом, этот участник является одновременно Агентами (реже Экспериментом) и инвентивным предметом возбудителя – Пациентом.

В английском языке присутствуют лексический и аналитический способы выражения возвратного действия. Однако только аналитический способ приводит к количественной асимметрии: *Myother hated himself for it* [Coe 1995:11]. Подобные примеры следует отличать от случаев, когда возвратное местоимение обозначает не собственно возвратное действие, а выполняет функцию и не приводит к асимметрии.

К реализации валентности можно отнести и так называемые реципрокальные (взаимные) конструкции (reciprocal). Под реципрокальными конструкциями понимаются конструкции, в которых участники выполняют идентичные пары ролей по отношению друг к другу [Lichtenbeck 1998:315].

Как и в случае с возвратным действием, английский язык обладает лексическим и аналитическим способами выражения взаимного действия. К количественной асимметрии также приводит только аналитический тип: *People were rubbing each other...* [Rowling 2000:152]. Компонент ситуации *people* следует, на наш взгляд, рассматривать как обоюдо-участника действительности, выполняющего две роли – Агента и Пациента, и соответствующего двум компонентам поверхностной структуры.

Следует также подчеркнуть, что присутствие в предложении взаимных местоимений не обязательно. При их отсутствии количественной асимметрии не наблюдается, хотя на лексическом уровне сохраняется идея взаимности действия: *Pat ran met on holiday* [Rowling 2000:17].

2. Внутренняя валентность (содержит объект).

При данном типе асимметрии инвентивный компонент (дополнение) образован от того же корня, что и глагол. Это явление можно наблюдать при употреблении ряда переходных глаголов.

Дополнение *probe* в *John probe* [Rowling 2000:153]. В глубинной структуре данного предложения *probe* и *probe* является одним единым целым, выражающим единое значение «испытать». Дополнение *probe* семантически избыточно, и основную смысловую нагрузку берет на себя определение *John*.

К количественному преобладанию компонентов глубинной структуры над компонентами поверхностной структуры приводит минимизация семантической роли. При этом тип количественной асимметрии происходит исключение глубинного падежа в семантику глагола. Такое явление образовано от имен существительных путем конверсии, продуктивного способа словообразования в английском языке.

Минимизация может наблюдаться при следующих падежах:

- 1) Инструментный: *Max frowned in his mouthful* [Freud 2006:31]. В семантике предиката *frowned* включено значение действия *frown* и семантическая роль Инструмента *mouthful*.
  - 2) Локация: *They frowned at* [Freud 2006:138]. Предикат *frowned* включает значение действия *frown* и семантическую роль места (Локация) *at*.
  - 3) Объект: *I frowned the poem* [Coe 1995:50]. Семантика предиката *frowned* содержит значение *frown* и семантическую роль предмета возбудителя *poem*.
- Таким образом, в английском языке к количественному типу конверсионной поверхностной и глубинной структур простого предложения приводит явление расширения

валентности, которое может быть представлено расширением объекта на часть и целое или инверсией указанием на весь объект в целом (при использовании возвратных местоимений и реципрокальных конструкций), а также доминанте, являясь доминирующей тематической ролью.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Амосов, Ю.Д. К построению класса для отбора систематических свойств слов / Ю.Д. Амосов // Проблемы структурной лингвистики. – 1972. – М.: Наука, 1972.
2. Фолькмар, Ч. Дело о падеже / Ч. Фолькмар // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М., 1981. С. 369-495.
3. Шаролагова, Н.С. Семантические модели простого предложения / Н.С. Шаролагова // Вопросы лингвистики, педагогики и методики преподавания иностранных языков. Иванов, 2009. С. 338-350.
4. Coe, J. What a carve up! / J. Coe. London, 1995.
5. Freud, E. The Sea House / E. Freud. London, 2006.
6. Leacock, F. Reflexives and Reciprocals / F. Leacock // Concise Encyclopedia of Grammatical Categories. Oxford, 1999. – P. 313-318.
7. Rowling, J. K. Harry Potter and the Goblet of Fire / J.K. Rowling. London, 2000.

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕТОДА А. ДРАГУНКИНА

Кучева Ю.Т.

Патриархальной государственной лингвистической университет

За последние годы наблюдается повышенный интерес к проблеме методов, чему в высокой степени способствовало появление новых лингвистических методов и технологий обучения языку.

В.М. Ковина и В.В. Кравецкий полагают, что интензивность в обучении – это не просто эффективное обучение, а такое, при котором достигается максимум эффективности за минимальное возможное учебное время при минимальных затратах усилий учащихся и учителя [Ковина, Кравецкий 1965: 96].

Важная роль отводится активизации потенциального в личности посредством личностной деятельности учителя и учащихся, что, в свою очередь, порождает развитие мышления.

Л.А. Котайгородская, разработавшая методические основы интензивного обучения иностранным языкам, выделила ряд принципов, используемых для эффективного достижения поставленных целей в практике преподавания [Котайгородская 1980]:

- 1) принцип сознательности (стимулирует деятельность учащихся в речевой коммуникации);
- 2) принцип личностного общения предполагает активное общение в двух аспектах: учитель – учащиеся и учащиеся – учащиеся. Реализация его способствует развитию коммуникативной функции;
- 3) относительно-концентрический принцип, суть которого сводится к тому, что обучение иностранному языку складывается из нескольких этапов, организованных не линейно, а по спирали и в результате имеет следующую формулу: синтез – анализ – обобщение;
- 4) значимость-ролевой принцип, способствующий повышению уровня коммуникативной мотивации и совершенному мотивированному речевому поступку;
- 5) принцип коллективного взаимодействия, основанный на обучении учащихся обобщать и достигать цели с помощью работы в группах, интрогруппах, диалог, триадах.

Таким образом, принципы интенсивного обучения иностранному языку являются неотъемлемой частью общей коммуникативной методики преподавания, направленной, прежде всего, на развитие языковой коммуникативной компетенции.

При этом идеи интенсификации преподавания, в соответствии с которыми в центре учебного процесса находится не личность, а средства обучения, утратили свое значение.

Реальный учебный процесс рассматривается в настоящее время как особый вид организации общения или особая разновидность общения. Результатом такого взаимодействия является освоение учащимися речевого опыта в иностранном языке, а также приобретение с его помощью в этнокультурном отношении в их сопоставлении со своим национальным речевым опытом в родном языке» [Гальскова 2003: 93].

Развитие в методике идей интенсификации обусловило появление методов обучения иностранному языку, основными характеристиками которых являются: 1) кратчайшие сроки обучения, 2) комфортность и овладение базовыми элементами иностранного языка, примером которых может служить метод обучения иностранному языку А. Драгунина.

Целью настоящей статьи является лингводидактический анализ сущности метода обучения иностранному языку А. Драгунина.

Сам автор А. Драгунин считает, что его метод отличается от всех существующих как своей целью преподавания, так и сутью процесса обучения, который, по мнению автора, заключается в обучении человека очень правильному английскому языку, при этом, расширяя умения, давая ему возможность поверить в свои собственные силы [Драгунин 2001: 12].

Метод А. Драгунина основывается на вычлениии в языке ряда грамматических правил и построении определенных грамматически верных формул, способствующих коммуникации на иностранном языке. При этом формулы предстают в готовом виде, что лишает возможности обучающихся самостоятельно формировать свои мысли на иностранном языке.

А. Драгунин выделяет три базовых правила:

- действующее лицо обозначается только субъектным местоимением,
- в каждом английском предложении обязательно наличие глагола (в любой форме),
- срисовывая записанное английское слово дальнейшим изменением не подвергается [Драгунин 2001].

Характерно наличие у А. Драгунина собственной терминологии, достаточно четкой, понятной, прозрачной, а также транскрипции, упрощающей запоминание новых слов на английском языке.

Положительной оценкой заслуживает созданный автором грамматический справочник, работа с которым доступна любому обучаемому. Оригинальной представляется систематизация языковых явлений, созданных, однако не по смысловому, а по лингвистическому принципу, хотя и утверждается ее строгость и логичность, а также соответствие критерию функциональности.

Метод А. Драгунина вряд ли в полной мере соответствует требованиям к пособиям для самостоятельного обучения.

Наиме был проведен эксперимент по эффективности метода А. Драгунина, заданиям которого вышес:

- 1) определить уровень овладения иностранным языком у учащихся по методике А. Драгунина;
- 2) определить необходимость использования дополнительного материала при обучении с помощью данного метода;
- 3) выявить достаточно ли использования грамматического материала, предложенного А. Драгуниным, т.е. посмотреть необходимо ли привлекать на уроках дополнительный материал для объяснения грамматических правил.

Для проведения исследования были отобраны 30 учащихся – студенты I курса. С ними были проведены 30 уроков с соблюдением тематики, предложенной А. Драгуниным.

После проведения занятий были составлены выходы по каждому уроку и представлены общие выходы, отражающие степень эффективности метода А. Драгунина.

Студенты, которые начали изучение английского языка с нуля (прежде был французский) столкнулись с определенными трудностями:

- 1) Грамматического материала, который представлен в пособии А. Драгунина, оказалось недостаточно для детального понимания ряда грамматических правил, поскольку объяснение их не до конца детализировано, не проработаны все варианты употребления, что затруднило адекватное понимание учащихся. В результате – потребовалось использование дополнительного материала.
- 2) Заучивание слов во время урока было возможно только для студентов, которые специально посещали занятия.
- 3) Отсутствие творческих заданий, которые бы способствовали развитию коммуникативных навыков, создает невозможность общения студентов между собой.
- 4) В результате студенты научились воспроизводить только звуковые фразы и не могли слов в своих предложениях.

В целом в ходе проведенного эксперимента выявлены три основных параметра:

- 1) устойчивый уровень овладения английским языком;
- 2) средний уровень овладения английским языком;
- 3) низкий уровень овладения иностранным языком.

Полученные результаты представлены в виде диаграммы.

Диаграмма 1
Уровень овладения студентами английским языком в аспекте изучения его с помощью метода А. Драгунина.

Студенты не показали высокой результативности при обучении посредством данного метода. По нашему мнению, чрезмерная простота учебника оказала в большей степени негативное воздействие, поскольку невозможно было воссоздать хотя бы искусственную языковую среду.

Задания, которыми овладели студенты, были разрозненными. Они смогли только пользоваться изученными штампами, а во время как языковая интуиция осталась на нулевом уровне. А на наш взгляд, развитие языковой интуиции, равно как и языковой компетенции является важнейшей задачей при обучении иностранному языку, поскольку она приводит к овладению иноязычной компетенцией.

При создании какого-либо метода, во главу угла должен выдвигаться задача обучения студентов свободно ориентироваться в иностранных языковых средствах, интуитивно выбирать ту или иную конструкцию. Результатом должно выступить свободное говорение на иностранном языке, умение поддерживать любую тему и высказать свое мнение. При этом не следует забывать о национальной составляющей любого языка, что требует серьезного подхода к изучению определенных языковых норм, свойственных только английскому

языку. Студент в итоге должен уметь верно избирать стратегию общения согласно общему ситуации коммуникативного акта.

К сожалению, метод А.Драгунина не ставит в числе своих задач овладение учащимися коммуникативной и лингвокультурной иноязычной компетенцией, поскольку его целью было лишь создание некоего грамматического пособия для иностранцев. При этом стремление к доступности изложения материала приводит автора метода к неверному рассуждению в области грамматики. Иными словами, грамматические правила излагаются им запутанно и непонятно.

Такой образ, данный метод может быть охарактеризован следующим образом:

- 1) систематичность материала;
- 2) несовместимость тематического материала между собой, отсутствие цельного языка;
- 3) язык не активизируется, и обучение остается пассивным, то есть, нет динамичности обучения;
- 4) языковая практика осуществляется на низком уровне;
- 5) упорядоченный материал зачастую ведет к неверному изложению грамматических правил;
- 6) требуется много более детального объяснения грамматических конструкций;
- 7) необходимы тщательное закрепление пройденного материала с использованием реальных ситуаций общения;
- 8) необходимо привлечение учащихся переводных упражнений, в которых выдвигается степень их осознанности и понимания грамматических правил.

Такой образ, результаты проведенного исследования позволяют нам сделать ряд общих выводов:

- 1) при выборе методики обучения иностранному языку следует исходить из того, какая цель стоит перед данным методом, и что выдает в виде и задачи конкретного преподавателя, учитывая потребности студентов;
- 2) при преложении грамматического материала следует руководствоваться не столько ясностью изложения и метод обучения иностранному языку, сколько уровнем осмысления грамматических конструкций;
- 3) не следует концентрировать внимание на быстрой усвоения полученной информации на иностранном языке студентами, поскольку важным представляется научить их только получать получаемую информацию, но также правильно использовать грамматически конструкции в речи с учетом той или иной коммуникативной ситуации.

При обучении иностранному языку также необходимо принимать во внимание индивидуально-ориентированную активность на обучаемого, то есть учебный процесс должен строиться с позиций развитой личности студента, и преподаватель должен быть активным организатором образовательной деятельности общения на изучаемом языке и с его помощью (Сторожа 2008: 245).

Как утверждает Н.А. Сидорова, «единицы личности...находят отражение в языке, управляют коммуникативным процессом, превращаясь в нем и служат регулятором и детерминантой не только поведения партнеров по общению, но и их речевого поведения, в частности» (Сидорова 2007: 197).

Иными словами следует учитывать потребности и индивидуальные возможности каждого студента.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что на сегодняшний день не существует чудесных методов в обучении иностранному языку. «Легких путей» изучения иностранных языков нет. Кто их ищет, тот напрасно тритит время, а кто выходит, тот просто вводит в заблуждение своих легковерных последователей [Барышников 1995:11]. Только кропотливая работа над языком, способность к самокритическому анализу, умение достигать поставленной цели в состоянии приблизить человека к значимому уровню овладения английским или иным языком.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Барышников И.В. Обучение французскому языку в средней школе: вопросы и ответы. – Петербург: ППСПИИ, 1995. – 139с.
2. Данилов В.М., Крайнев В.В. Об интенсификации процесса обучения иностранному языку на начальном этапе // Вопросы обучения устной речи и чтению на иностранном языке в 8-летней школе. – М., 1965.
3. Гальперин Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам. – М.: АРКТИ, 2003.
4. Драгунина. 51 золотая формула. – СПб.: «Решеткин», 2001. – 196с.
5. Кельмигородская Г.А. Методические основы интенсивного обучения иностранным языкам. Монография. – М.: Издательство Московского университета, 1986. – 176 с.
6. Сидорова Н.А. Аксонометрическое измерение речевой коммуникации: монография. – М.: ВУ, 2007.
7. Сторожа О.Ю. Аксонометрические аспекты образования в системе языкового обучения иностранным языкам // Актуальные проблемы коммуникации и культуры – № 7. – Москва – Петербург, 2008. – С. 241-249.

ВВОДНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КАК МЕТАСРЕДСТВА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ

Лебедева Е.А.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород

Разнообразие и широта англоязычных изданий средств массовой информации делают необходимым глубокое и постоянное изучение языка газетной публицистики. Язык современных газет – это идеальный материал для анализа показателей модульных категорий, так как СМИ в известной степени моделирует поведение человека, принадлежащего языковым ресурсам в зависимости от созданной ситуации. Одним из таких языковых ресурсов является система вводных элементов.

Актуальность как сфера исследования языкознания коммуникативного аспекта и интересна тем, что она привлекает внимание лингвистов. Понятие *metatext* введено А. Вежицей в работе «Metatext in a text». Со своей стороны А. Вежица подробно изучил метатекст как высказывание о высказывании и вводит термин *meta-organizational* («метатекстовые стереотипы», «метатекстовые рамки»). А. Вежица считает, что «...комментатор текста может быть и сам автор. Высказывание о предмете может быть вербально или невербально о самом высказывании. В определенном смысле эти вещи могут означать текст о предмете в тексте спонтанно, но высокой степени осознанности. Тем не менее сама эти метатекстовые нити являются инновационным текстом. Это может происходить, всё-таки это именно так...» [Вежица 1978: 494].

Ядром языковой системы средств выражения метатекста является вербальное метатекстовое высказывание и метатекстовые различия между собой степенно выделены, то помимо языковых – вербальных средств и лингвистических форм коммуникации обязательно встречаются графические – пунктуационные и шрифтовые. Метатекстовая функция языков предназначена ометидна и проважляється з позиції актуалізаційної (виділення певних аспектів). В цій роботі ми розглянемо приклади при устійчому соціальному вербальному і об'єктивно пунктуаційному типі метатекстуальності.

В состав метаязыковой рамки мы включили следующие смысловые подгруппы вводных метаязыковых: 1) обозначение манеры речи, способа выражения мысли; 2) употребительные при обобщении, заключении; 3) употребительные при раскрытии, пояснении предыдущей информации; 4) употребительные при внесении уточнения к высказанному; 5) употребительные при сопоставлении, противопоставлении фактов; 6) употребительные по степени общности передаваемой информации; 7) указывающие на суть, сущность и предельную ситуацию; 8) обозначающие последовательность, порядок. На основе анализа вводных метаязыковых образуют самую многочисленную группу среди групп других вводных показателей. Структурно метаязыковые различены трёх типов: союзы, союзики и предложения. Многие вводные метаязыковые представляют собой гибридные языковые образования, совмещающие признаки союзов и вводных слов. В лингвистической литературе есть много исследований, в которых речь идет о вводных частицах, совмещающих свою основную функцию с функцией союза. Так, Н.А. Кобриня говорит о союзных наречиях, представляющих собой развивающуюся категорию слов. Большинство из них (*again, likewise, nevertheless, however, otherwise, accordingly*), occurring, some in a higher, some in a lower degree, have lexical meaning, and some have certain grammatical characteristics of conjunctions. Следовательно, эти слова являются промежуточной категорией... Союзные наречия передают большую часть тех смысловых оснований, которые формируются сочинительными союзными союзовыми предложениями (*however, besides, further, now, likewise, next, then, thus*), противительными (*however, yet, still, though, nevertheless, otherwise, now*), следственными (*therefore, hence, thus, accordingly, then*). [Кобриня 1953: 10-11]

В структуре предложения они могут занимать начальное положение, в середине и даже в конце предложения, графически обособляться.

However, the dollar's rally ran out of steam during European trading. (Peter Garnier, 11/08/2008 - The Financial Times)

To Mr. Muller, however, real-mortgages are less important than drawing lessons for the next time. (Mark Landler, 27/11/2007 - The New York Times)

His explanation has evolved over time, however. (Andrew Ross Sorkin, 16/12/2008 - The New York Times)

- Среди метаязыковых встречаются:
- 1) составные предлоги - according to, in addition to;
  - 2) предлоговые союзоотчетники:
    - a) предлоговые-именные союзоотчетники, выполняющие *соединительную* функцию - for instance, for example, for a change, by definition, by contrast, in contrast, in any form, in other words, on the other hand, on the one hand, in part, in turn, by comparison, in the end, in return, at the end, in some cases, in most cases, in total, by the way, in particular, at least, on average;
    - б) с числительными, местоимениями, прилагательными - at first, in short, in one, after all, after that, in all, at last, above all;
    - 3) союзоотчетники с союзом - but with that said, warts and all, but in general, by and large, but not by much, credibly or not, or perhaps relevant; (главным образом в научных статьях) - союзно-именные союзоотчетники - as a result;
    - 4) наречия (нередко с распространительными) - until recently, ultimately too, as always;
    - 5) абсолютные причастные союзоотчетники - breaking dramatically, technologically speaking, reading between the lines;
    - 6) вводные синтаксиса союзного типа - *harder still, though generally appreciative*.
- Метаязыковые и языковые средства в основном обнаружены крайне редко, но типичны для синтаксической точки зрения случаи гибридных метаязыковых.

Low-in sulphur are popular because their oil can be repeatedly reheated without changing the flavor of foods much, if at all. (Andrew Martin, 20/12/2008 - The New York Times)

To reduce the risk of a domino effect, the Bush administration fashioned an emergency rescue plan last week to shore up Freddie Mac and Fannie Mae, the nation's two largest mortgage finance companies. (Elizabeth L. Gritchen Morgan, 26/07/2008 - The New York Times)

Говоря о средствах выражения модуса, Т.В. Шварова устанавливает комплексность вводных показателей, которые способны выражать несколько вводных значений. [Шварова 1988: 28-41] На базе введенных примеров мы можем отметить, что вводные метаязыковые и вводные показатели категории авторизации (для проявления «образа автора») очень близки по лексическому составу. Таблица ->

а) в составе метаязыка:

Chris would sooner die a thousand deaths than discuss, say, the many Advanced Placement papers he will be taking this fall, or his score on the ACT. (Dave Kufner, 19/08/2008 - The New York Times)

But still, that said, Naples is not as unusual as you may think. (David Leonhard, 06/12/2006 - The New York Times)

As the saying goes, pride comes before a fall. (Chris Giles, 08/08/2008 - The Financial Times)

б) в составе показателя авторизации:

The alleyway, which lies between Electric Avenue and Abbot Kinney Boulevard, has drainage problems, they say, that have not been adequately addressed by city engineers. (EDWARD WYATT, 12/08/2008 - The New York Times)

It is quite simple, say most economists. (Chris Giles, 08/08/2008 - The Financial Times)

When writing songs, he says, he keeps serious notes on yellow legal pads and tags the projects around in dozens of shopping bags. (Ben Sisario, 12/08/2008 - The New York Times)

That sales trajectory has become more common in recent years, as record companies have pushed hard for a strong opening week at the expense of future sales. (Ben Sisario, 12/08/2008 - The New York Times)

И невозможно не отметить, что общим признаком для метаязыка и других модальных показателей является субъективность.

Таким образом, метаязык - это проявление говорящего субъекта, расширяющего собой границы для комментария своего авторского поведения.

Метаязыковые языковые средства, описываемые на примере заостренных версий языковых типов, составляют значительный пласт языковых средств. И, несмотря на то, что введенная категория и ее средства выражения уже достаточно изучены в русском языке, мы не имеем такого широкого опыта при изучении английского языка. Мы с полной уверенностью можем сказать, что вводные элементы как метаязыка и языкового средства являются смысловой составляющей, которая дополняет базовый компонент текста.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Шварова Т.В. Метаязык в тексте? Новое в зарубежной лингвистике. Вып.8. М., 1978. с. 40-47.
2. Кобриня Н.А. Синтаксические средства связи между самостоятельными предложениями в современном английском языке: Автореф. канд. дисс. Л., 1953
3. Шварова Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций. Красноярск: Изд-во КГУ, 1988. - 54 с.

**К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ЯВЛЕНИЙ ПАРОНИМИИ И ПАРОНОМАЗИИ
В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ**

Миринкова С.А.

Аспирантский государственный университет, г. Майнх

В работах, как отечественных, так и немецких лингвистов, посвященных исследованию явлений паронимии и паронимазии, отсутствует полная ясность данных понятий.

Паронимия и паронимазия – явления смежные. Учеными предпринимается многократные попытки их дифференциации. Рассмотрим характерные признаки каждого из явлений в критерии их разграничения.

Термин "пароним" был предложен Аристотелем для обозначения производного слова [Ярвис 1996: 368], как суффиксы образуют либо полное, либо частичное речение с семантикой основного слова. Неточные определения, обусловленные этимологией термина (от греч. *para* "возле" и *onyma* "знак"), не дают четкого представления о существе данного феномена. Так, в "Словаре лингвистических терминов" О.С. Азамаевой паронимы определяются как слова, которые вследствие сходства в звучании и частичного совпадения морфемного состава могут либо ошибочно, либо казуально использоваться в речи, а в "Словаре лингвистических терминов" Ж.Марию – как слова, близкие другим словам внешней формой. Как указывает О.В. Виноградова, "такие определения не очерчивают ни границ звукового сходства, ни вытекающей из этого степени тождественности морфемного состава, а потому создают предпосылку для включения в число паронимов не только однокоренных слов различных частей речи (бродить – бродяга), но и разнокоренных слов одной части речи (бросить – бурлить)" [Виноградова 1984: 5]. Следует отметить, что некоторые лингвисты признают ретрокорреляцию паронимии (Тригорья 1993), которая, однако, дает точка сопоставления паронимии и паронимазии ("Две лисы" – В.Хлебников).

Немецкие лингвисты также подчеркивают разницу между явлениями "пароним". В этой связи Хаусман пишет: "Нечерезвычайно определенно паронимы мы также не можем дать. Поэтому <...> под паронимии мы понимаем такое сходство форм либо фонетических признаков между двумя словесными, которое при одновременной дивергенции форм или признаков позволяет объединять в их раз два понятия" [Никитин 1974: 61].

Отечественный германист Е.В. Полларкина в качестве паронимов рассматривает слова, значение которых известно только через базовое слово, от которого были образованы соответствующие паронимы [Ройкитова 2004: 91] и дает следующую дефиницию в немецком языке, включая паронимии а) различные грамматические формы одного и того же слова: *Mangel – Mangel* (небосклонное – мн.ч. небосклонных), *Nut – Nuten* (слово – слово); б) однокоренные слова, принадлежащие к разным частям речи: *bedürfen* (глагол 1) *bedürfen*, 2) *bedürfen*, 3) *bedürfen* (субст. слово); *bedürfen* (субст. слово); *bedürfen* (субст. слово) [Ройкитова 2004: 92].

Наиболее полное определение паронимии представлено в работе О.В. Виноградовой "Паронимия в русском языке", понятие которой связывает с точкой зрения большинства ученых, рассматривающих паронимы как "близкие по звучанию однокоренные слова в употреблении на одном и том же слоге, относящиеся в одной части речи, одному роду или виду, но выражающие разные смысловые понятия. Ср.: абстрактность // абстрактность, характер // характер, витамин // витамин // витамин" [Виноградова 1984: 4].

Характерные признаки паронимии: 1) частичное сходство лексических единиц по форме: *столма // столама, коммунит // коммунит, ринейдаль // ринейдаль, добывай // добывай, добывай // добывай, добывай // добывай, добывай // добывай, добывай // добывай*; 2) частичное либо полное совпадение значений компонентов пары: *добывай // добывай, добывай // добывай // добывай (словами)*; 3) различие сочетаемость лексич

но компонентов пары (каждый из паронимов входит в несомненно определенное лексическое сочетание) например: *дипломатический – рабочий, децара, провозок // дипломатический – человек, дипломатический – человек, децара, провозок – Provoz (дипломатический – человек) // stürze – Wind (ветровой – ветер), stürze – Wasser (ветровой – вода), stürze – Kunde (ветровой злодей); 4) полное совпадение сфер лексической сочетаемости (в одном контексте невозможно употребление одного паронима вместо другого). Несомненное словоупотребление порождает пару слов, например, например:*

Дивергентными признаками в словах-паронимах являются также полнота и способность словоразличения основы слова и аффиксы. Последние особенно актуальны для немецкого языка, в частности, для глагольных паронимов с транзитивными и нетранзитивными профессиями как для субстантивированных инфинитивов, функционирование как союзительных словечек (Korrelativkonstruktion), например: *das die mit Altkleber "Arbeitslose und Bewerber, geschlossen"*. Образование посредством префиксальной и суффиксальной разницы паронимы используются в игре слов:

Ich bin auf mich selbst. Ich bin ein Herrschaft über seine Herrschaft und Abkunft, fern nach freier Herrschaft über seine weltliche Herrschaft bei seiner Zusammenkunft mit anderen über mich. Ich bin ein Herrschaft über mich selbst, nicht selbst in der Zukunft keine Unterherrschaft. Ich bin ein Herrschaft über mich selbst, nicht selbst in der Zukunft keine Unterherrschaft. [Цит. по В.Д. Девкин 1998: 63].

После своего ареста каждый должен соблюдать о своих привычках и привычках, а также соблюдать необходимость соблюдения (добровольности) без предварительного уведомления при встрече с другим о своих привычках, языке и будущем не не получить никаких привычек.

Шуточный язык для всех по возможности.

В данном случае образуются формы, образованные от основы *find* и речных префиксов (*an-, bei-, ab-, weiter-, ähnlich-, ähnlich-, ab-, an-, zu-, unter-*), определяющих значения паронимов.

При разграничении явлений паронимии и паронимазии ученые указывают на разное содержание данных понятий. Паронимы относятся к единому явлению и представляют "объединяющее сходство языкового развития" [Виноградова 1984: 25]. Паронимазия – явление речи. Это – особый статистический процесс, основанный на параллельном сближении слов, несомненно звуковое сходство [Ярвис 1996: 368]. Паронимическое явление является устным, и поэтому имеет определенные характеристики. Паронимическими паронимии, слова с общей фонетико-логической соотносительностью, или частичные паронимы, являются употреблены или выражены по звучанию компонентом – лексическим, грамматическим, или сочетательным в результате авторского словоупотребления, попарного словообразования.

Положительно окклинация возникает в речи, то их частичные признаки окклинации. Для паронимии в обоих рассматриваемых языках характерны фонетическая близость разнокоренных слов (*kommiss // kommiss, kommiss // kommiss*), столкновение корней простых и сложных слов (*мудрость // мудрость*), Понятие оринер в немецком языке:

Mit Quasi der Wahl [Zeitschriften 2005: 14]. Случайности к выбору. В русском языке образуется существительные *Quasi "ученье" и Wahl "выбор"*. В данном случае объединяется известия колониала: *Wer die Wahl hat, hat die Quasi "Кому выбирать, кому и кому себе думать"*.

О.В. Виноградова указывает на то, что "в каждом случае создания окклинационной пары язык или образует производные слова от уже известных основ (например, "мудрость и мудрость" вместо в языке), сохраняя звуковое подобие слов, или же соединяет морфемы и создает сочетание созвучных слов с несомненной сферой лексической соотносительности" [Виноградова 1984: 29]. Комический эффект возникает благодаря чрезвычайному созданию смыслового разрыва между созвучными словами в речи.

К явлениям паронимии относятся также народные этимологии. Когда говорящий встречает ранее ему не известное слово, он старается по-своему на основе звуковых полей его смысл, «выяснить» значение. В результате возникает «перекрестные» слова с тем или иной «народной этимологией». Вместо «бульвар» говорят «туувар» (от слова «тушить»), вместо «манитатор» – «манитатор» (то, что вертится), вместо «туверинья» – «туверинья» и т.д. В языке «народная этимология» является фактом. Для общества она не воспринимается как ложная, потому что образуется и используется неосознанно, вследствие незнания. Однако ложная этимология может быть и специальной, намеренной. В данном случае речь уже идет о явлении каламбуриной игры слов – народной этимологии – именованная звучит существительных (паронимических или соблазнительных) с целью их переноса смысла. Например, в рассказе «Левша» И.Левина использует росславяноязычные словосочетания: *деревянная карта; стянцать корыло; пшавская, выстакана армюрами; гурмань стурбид; горюдо калашинские; гурбоду; стурбасовое досечка; армюром; мюльман.* В одном из приложений может использоваться сразу несколько калабуриных этимологий: «*А вы люди, которые гурь калашинскую еда, само же мюльман по рассматриве и еда, стальной лезвием и обоем в публицистике видности послови, чтобы мюльман для по способе именован калашин выма!»* [Левин 1965: 43]. Ложная этимология для автора – игра слов, создающая как условия для достижения определенных стилистических эффектов, так и чисто комических.

К паронимии близка также большая часть фонетических шуток, трудя подпадающих своей калабуриности, как в плане формального устройства, так и в плане реализуемого или семантического эффекта.

Приведенные выше примеры демонстрируют различие между понятиями паронимия и паронимизация. И, тем не менее, довольно часто явление паронимии смешивают с явлением паронимизации. Обстоятельством основанием для этого может служить общий признак: звуковая подобие слов. В качестве субъективных причин чаще рассматриваются различия в понимании паронимии и паронимизации.

Некоторую неопределенность создает явление паронимии на словарные и контекстные, или лексические. Образование последних основывается на специальном смешении слов в различных полях, чем создается уже стилистический приемом – паронимией. Другими словами, речь идет о явлении паронимии, а элементы данного явления – лексическо паронимии. Поэтому, несмотря на существование одного явления «пароним», следует различать два его вида: словарный и лексический.

Часто с целью упрощения термины «пароним» употребляется последовательным условием и используется в обоих случаях, как для обозначения явлений паронимии (словарные паронимии), так и для обозначения явлений (словарных паронимии, лексическопаронимии), являющих место при паронимизации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Виноградова О.В. Паронимия в русском языке: Учеб. пособие для студ. Вузов по спец. «Русский язык и литература». - М.: Высш. шк., 1984. - 128с.
2. Григорьев В.П. Из архаичного лингвистического понятия и интерпретивности. - М.: Наука, 1993. - 175 с.
3. Левин В.Д. Занимательная лексикология. - М.: Гуманист. изд. центр ВЛАДОС, 1998. - 312 с.
4. Левин И.С. Левша. Рассказы. М., Л.: «Худож. мир», 1965. - 136 с.
5. Naumann, Franz Josef. Studien zu einer Linguistik des Wortspiels. Das Wortspiel im "Saratnische". Tübingen: Narr, 1974. - 166 S.
6. Polikarova Elena V. Stilistische Vielfalt von russischen Sprachbildungen // Das Welt-Gemittelsches Jahrbuch 2004. Moskau 2004. - S.91 - 105.
7. Zeitschauen 10 / 2005. - S. 14.
8. Акимовна О.С. Словарь лингвистических терминов. М. «Сов. Энциклопедия», 1966. - 608 с.

8. Акимовна О.С. Словарь лингвистических терминов / Перевод с французского. Под ред. А.А.Реформатского. - М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. - 436 с.
10. Дьякошина. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. - 2-е изд. - М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. - 685с.

ПОНЯТИЙНАЯ СТРУКТУРА КОНЦЕПТОВ «МИР»-«ВОЙНА» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Перкина Т.В.
Тамбовский государственный университет

В лингвистической литературе термин «концепт» трактуется по-разному. С.Г. Баранов определяет концепт как культурно отмеченный асемантизированный смысл, представляемый в плане выражения одним рядом слов языковой реализации...» [Баранов 2003: 69]. Понятийный компонент концепта формирует фактуальную информацию о референт или коэферентном объекте, служащий основой для образования концепта. Сферу понятийного элемента концепта составляют выделенные Ю.С.Степановым компоненты, или *семанто-концепты*:

- 1) основной, актуальный признак;
- 2) дополнительный, или несколько доминантных, «высших» признаков, актуализируясь уже не актуальными, историческими;
- 3) внутреннюю форму, обычно жестко не осознаваемую, записываемую во внешней языковой форме; [Степанов 2001: 47].

Чтобы раскрыть сущность концепта, необходимо провести специальное лингвистическое процедуры толкования его значения и ближайших обозначений. Согласно принятой в когнитивной лингвистике методологии исследования концептов, первым шагом при исследовании внутренней структуры концепта является анализ ключевой лексики, характеризующей его в языке. Элементы конструкторного анализа на данном уровне являются этимологический анализ и дефинирование как процесс выделения смысловых признаков.

Прежде всего, обратимся к этимологическому признаку в составе лингвистической категории. По М. Фасмеру, русское слово «война» восходит к древнему корню в родственные индоевропейские языки со значением «отражать, гнать(ся)» (лат. *verbo*, фр. *combattre* (лат. *bellare*, др.-вост. *bellō* «ихотю», др.-верх.-нем. *weihō* «ихотю») [Фасмер 1986: 335]. В.И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» отмечает, что слова *война*, *воинство* произошли от башк. *байла*, *боюла*, как *вертеки* и *борюм*, и *воюды* или *боюды* [Даль, энциклопедический ресурс]. По данным «Online Etymology Dictionary», в английском языке слово *war* появилось в середине 11 в. как ср.-англ. *werra*, *werra* от др.-ср.-фр. *guerra* «war» (др.-фр. *guerre*). Это слово германского происхождения (др.-верх.-нем. *wehō* «борьба, спор, ссора; несомненно, др.-верх.-нем. *wehtun* «to confab, putrefact» «обсуждать, путать»). Очевидно, что др.-верх.-нем. *weihō* «воюды» (выделенное в этимологии русского *война*) и др.-верх.-нем. *wehtō* «борьба, спор, ссора; несомненно» являются родственными словами. Таким образом, можно предположить, что английский *war* и русское *война* имеют общее индоевропейское ядро, и исходная сущность концепта состоит в следующем: «война – это убийство с целью завлечь добычу».

Рассматривая этимологию русского слова *война*, выясняем, она произошла от др.-англ. *wehō* «war, споровитство» (др.-англ. *wehō* «спораш»; др.-англ. *wehtō* «путать») [Фасмер 1986: 336]. Тогда как английское *peace* (ср.-англ. *pece*) было впервые зафиксировано в 1140 г. со значением «freedom from civil disorder», а английское «absence of war or hostility» было отмечено в 1297 г. Интересно, что данное слово заимствовано др.-англ. *frōd*, *frōda*,

родственно др.-англ. словам *freod* 'affection, friendship', *frigo* 'love', *freon*, *freogan* 'to free, love', которые в дальнейшем развили значение "free" [Online Etymology Dictionary, электронный ресурс]. Таким образом, в русском мире несомненно заложена семя истопительности, дружелюбия, а в английском *freese* (существование из романских языков) – «исполнитель, уютный». Однако основное германское *frid*, которое в дальнейшем привело к английскому, также имело отвлеченное значение «свобода, дружба», что свидетельствует о сложной концептуализации данных понятий в языковом сознании древних народов. То есть, изначально «свобода» и «мир» представляли собой понятия, исходившие из отношения друг к другу.

Чтобы определить содержание основного признака данных концептов (актуального «слово» по Ю.С. Степанову), то есть известного всем носителям языка и культуры, и установить место данных концептов в языковой картине мира и языковом сознании носителя, необходимо выделить их семантические признаки. Наиболее продуктивным на этом этапе анализа, вероятно окажется обращение к словарным дефинициям. При дефинировании таких понятий мы позволимся использовать зеркала языков популярного русского и английского словарей: «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, «Толковый словарь русского языка» Д.Н. Ушакова, «Словарь русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой, «Etymological World English Dictionary», «Compact Oxford English Dictionary», «Merriam-Webster's Online Dictionary, 10th Edition», «Cambridge Advanced Learner's Dictionary». Результаты дефиниционного анализа покажут, что русскоязычные и англоязычные концептуальности исследуемого термина означивают смысл в слове *war* и *war*, вербализуют один и тот же концепт в разных языках. Демонстрацией может служить сопоставление некоторых компонентов: *warfare* *bedynen* *combats* – *вооруженная борьба между государствами*, *war state of hostility*, *struggle between peoples* – *вооруженная борьба между отдельными народами*, *war like*, *struggle against something* – *борьба с чем-либо*. При этом в английском толковании присутствует ряд периферийных сем, не отраженных в русском варианте: *warfare* *of nations* и *in period of armed conflict between countries or groups* (подчеркивается временной аспект – период). Однако последние семы может рассматриваться в качестве составляющей основного компонента значение *вооруженная борьба между государствами* (подразумевается также и период этой борьбы), а то время как компонент *warfare* *of nations* выражается в достаточной степени в русском варианте, основное значение военных действий, и сама категория, тактика (*warfare*) не находят отражения в значении действия *война*, хотя сама *вооруженная борьба* присутствует. Периферийная семы *война*, при которой *вооруженная борьба* анимационного и обобщающего характера, выделенная в русских дефинициях, реализуется в таких коллекциях как *война против наркотиков*, *война против коррупции*, *окопная война* и имеет аналог в английском *war against drugs*, *war against corruption*, *warfare*, и следовательно, является составляющей переосмысленного значения *борьба с чем-либо, кем-либо* – *warfare* *against someone or something*. Проведя сравнительный анализ основных концептуальных характеристик концептов *war*-*peace*, мы также выявили наличие сходных концептуальных характеристик: *warfare* *from war and violence* – *вооруженная война, вооруженная деятельность*, *warfare* *from conflict or disagreement among peoples* – *вооруженная расовая/этническая/политическая борьба или споры*, *war state of tranquillity or quiet* – *окопная война, самозащита*. Периферийная семы *war* *arising from an end of hostilities between two warring parties* – *вооруженная борьба воюющими сторонами в прекращении войны* присутствует как в русском, так и в английском определении. Стоит также заметить, что в обоих языках понятие *war*-*peace* трактуется через противоположные им *война*-*мир* и их прямые и переосмысленные значения. При этом в английском толковании появляется дополнительная семы *свобода* *freedom* (*freedom from war*, *freedom from conflict or disagreement*), представленная в русском языке нейтральным *конфликт* (конфликтная война, отсутствие расовых, вражды или споры). Возможно, здесь стоит провести параллель с

этимологическим признаком английского понятия *peace*, которое первоначально использовалось в древне-английском слове *frid*, выявляя также значение «свобода» (сравните с *war*, *warfare* – *war*). Однако в английском *peace* присутствует еще два периферийных значения, не отраженных в русском варианте: *war state of tranquillity or quiet* и *freedom from war and violence*, но и по аналогии с представлением о *peace* в латинском единичном существительном *pacis*, *tranquillitas* и *libertas*, порождая, чем в самом слове *war*. Они могут быть рассмотрены в качестве его периферийных, но тем не менее, имеют актуально новый оттенок значения.

Таким образом, рассмотрев концептуальные характеристики концептов *war*-*peace* / *война*-*мир*, можно прийти к выводу, что данные понятия практически одинаково структурируются в языковом сознании обеих наций и занимают важное место в их лингвокультурах, являясь универсальными базовыми концептами культуры.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Воронцов, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: системное лингвокультурологическое paradigma и приложения / С.Г. Воронцов // Филологические науки. – 2001. – №1. – С. 64-72.
2. Даля, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / под ред. проф. И.А. Бодуна де Куртене [Электронный ресурс]. – <http://vidah1.uva.ru/>
3. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – <http://www.gramota.ru/>
4. Словарь русского языка: В 4х т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984.
5. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.
6. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. – <http://dic.uva.nl/~rusnac/ushakov.asp>
7. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева / под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. В 4 т. – 2-е изд., стр. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 1-2.
8. Cambridge Advanced Learner's Dictionary [Электронный ресурс]. – <http://dictionary.cambridge.org/uk/>
9. Compact Oxford English Dictionary [Электронный ресурс]. – http://www.oxford.com/dictionaries/compact_ood/
10. Etymological World English Dictionary, North American Edition [Электронный ресурс]. – <http://online1.dan.com/etymologicaldictionary/etymological.htm>
11. Merriam-Webster's Online Dictionary, 10th Edition [Электронный ресурс]. – <http://www.merriam.com/>

АНАЛИЗ ПОНЯТИЙНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ЭНИМ ВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «ИВКОЛЬНАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА» ЧЕРЕЗ СЕМАТИЧЕСКИЕ ПРИМТИВЫ

Попова С.В.
Астраханский государственный университет

Лингвокультурологические исследования последних лет, направленные на изучение языковой личности, культурной специфики поведения своего социального класса и этноса и др. способствуют в первую очередь, позволяя выделить как типичность среди населения «ивкольная учительница». Языковая личность – это сложное явление, включающее в себя различные уровни (лексика, фразеология, стилистика, синтаксис, морфология, словообразование), а также актуальные процессы, позволяющие активировать концепт в сознании человека [Корина 2004: 40, 110].

Королев, Салашкин 2001: 77; Карамин, Смычкин 2005: 15]. Известно, что значение синонима носителей языка при лингвокультурологическом подходе выражено в синонимах и антонимах, а также в переосмыслении значений и фразеологизмах. Количество таких синонимов концепта свидетельствует о его ситуативности.

В действительности с выделением и, следовательно, что синонимы классического слова, вербализуемого последним синонимом, дает возможность выявить дифференциальные признаки данного концепта (Попова, Стерина 2001: 54), рассмотрев значения синонимов концепта «учительница», приведенных в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» под общим руководством Ю.Д. Апресяна.

Анализ синонимичного ряда позволяет рассмотреть синонимы «учитель», «преподаватель», «инструктор», «наставник», «воспитатель».

Специфика своего концепта заключается в типичности личности с определенной гендерной характеристикой. Интропективно мы считаем, что ведущими характеристиками в данном случае являются именно синонимичные имена, фиксирующие в первую очередь функциональную деятельность. На основании этого и пользуясь элементарными концептами [Вежбицкая 2001:20], позволим исследовать любую концептуальную область, мы выстроим синонимичные прилагательные, чтобы выявить сходство и различия означаемых деятельности, зафиксированной в синонимичных лексемах, а также зафиксировать возможные субъектные характеристики.

Концепт «воспитатель» определяется следующим образом: человек, чья основная задача воспитывать других человека, т.е. путем систематического воздействия формировать его личность, объектом воздействия в этом случае обычно являются дети (НОССР), специалист, занимающийся воспитательной работой.

Первую лексему синонимичного ряда можно представить в виде следующей иерархической схемы:

- a) человек
- b) может учить,
- c) возможно может делить X
- d) делит X
- e) потому что люди знают, чтобы X делал кто-то
- f) чтобы другим человек/ люди был полезен для всех
- ж) не может делить X один, потому что, если кто-то/ человек/ люди кто не может или стремится и видеть, он не может делить X
- з) делит X с кем-то и большим количеством
- и) делит X определенное время

Данная схема указывает на наличие субъекта, который обладает личными знаниями и умениями достаточными, чтобы осуществлять какое-то время некоторую деятельность, направленную на объект. Наличие объекта, предполагаемого кем-то, как минимум один человек любой возрастной категории, является необходимым условием. Деятельность здесь определяется как желательная или необходимая для окружающих, так как она имеет прескриптивный характер, а не задан конечный результат, ожидаемый от объекта, но соответствия общим требованиям.

Еще один синоним – концепт «преподаватель» – триггерится: «учитель», профессией которого является преподавание в образовательных учреждениях разных типов: высших, средних специальных и высших учебных заведениях; на курсах какого-либо предмета, дисциплины, доктрина.

Концепт «преподаватель» соответствует следующей схеме:

- a) человек
- b) может учить,
- c) потому что может делить X
- d) делит X
- e) потому что люди знают, чтобы Y делал кто-то.

- а) чтобы другим человек/ люди знали то, что знает он
- б) не может делить Y один, потому что, если кто-то/ человек/ люди кто не может или стремится и видеть, он не может делить Y
- в) делит Y с кем-то и большим количеством
- г) делит Y в определенное время
- д) делит Y в месте A, B, C
- е) может делить еще кем-то

В приведенной схеме, как и в схеме «воспитатель», присутствуют субъект и, как дисперсионный атрибут, объект, но постулируется иная деятельность субъекта, которая может осуществляться континуально при условии, что субъект является носителем определенной функции (учебный предмет, научные дисциплины), которые подлежат передаче объекту определенной возрастной категории. Упомянутая деятельность является также желательной и необходимой для окружающих. Компонент (в) определяет цель этой деятельности субъекта – объект должен стать носителем тех же знаний, что и субъект. Для осуществления данной деятельности, субъекту отводится специальное место: A (класс), B (среднее специальное заведение), C (высшее учебное заведение); таким образом, возможно говорить об одном из аспектов хроноспаса – месте.

Следующий член синонимического ряда «учительница», лексема «педагог» имеет такое определение: «педагогический, профессионально занимающийся преподавательской и воспитательной работой (используется в применении как к мужчинам, так и к женщинам); школьный учитель; человек, занимающийся педагогической деятельностью в специально организованных творческих учебных заведениях, как средних, так и высших; задачей его является передача ученику теоретических знаний и применение практических навыков; педагог, имеющий теоретические знания в области педагогики и хроноспасший их в своей педагогической деятельности; учитель, реработавший теорию педагогики, вышедший вперед в развитии этой науки своей педагогической деятельностью».

Таким образом, концепт «педагог» представлен следующей схемой:

- a) человек
- б) может учить/ может делить
- в) возможно может делить X и Y
- д) делит X и Y
- ж) потому что люди знают, чтобы X и Y делал кто-то
- з) делит X
- и) чтобы люди знали, как делить то, что делают он
- к) делит Y
- л) чтобы люди знали то, что знает он
- м) не может делить X и Y один, потому что, если кто-то / человек / люди не могут или стремится и видеть, он не может делить X и Y
- н) делит X и Y с кем-то и большим количеством
- о) делит X и Y в определенное время
- п) делит X и Y в месте A, B, C, D
- р) может делить еще кем-то/ кем-то/ кем-то

Данную схему принимаем с объектами рассмотренными выше схемными концептами «воспитатель» и «преподаватель», так как в ней отражены обе деятельности субъекта, которые составляют содержание в упомянутых концептах по отдельности. Общими остаются компоненты: субъект, объект с упомянутыми характеристиками, континуальность субъекта, наличие условия его деятельности, места осуществления деятельности субъекта, распространяясь за счет D (творческое учебное заведение).

Дополнительными в схеме являются компоненты: определителем степени полноты знаний субъекта (ученик); фиксирующие отличия деятельности X, которая теперь интерпретируется не как качественно характеристика объекта, а по его прикладности знания.

Компонент (в) дополнительно указывает на возможные имена одного компонента: *кто-то* (воспитатель), *кто-то* (преподаватель), *кто-то* (учитель).

Концепт «наставник» представляет следующее типичное: человек, который обладает знаниями и опытом в определенной области и поэтому может обучать и воспитывать других, однако это знание не является его профессией, например, учитель и мастер, воспитание молодых рабочих. Слово «наставник» акцентирует внимание на профессиональном и жизненном опыте человека, на его мудрости, часто – на положительном человеческом качестве и подчеркивает некое его превосходство над обучаемым. Наставник во многом отличается от учителя (НОССРЯ).

В виде грамматически привнесено данной концепт выглядит следующим образом:

- а) *кто-то*
- б) *хороший*
- в) *живет и делает так, чтобы другим людям и детям так же*
- г) *потому что знает много*
- д) *делает X и Y*
- е) *делает X*
- ж) *потому что люди знают, чтобы X и Y делать кто-то*
- з) *делает X*
- и) *делает Y*
- к) *чтобы люди знали то, что знает он*
- л) *не знает, как делать X и Y, но делает, потому что знает это делать*
- м) *не может сделать X и Y сам, потому что, если кто-то / человек / люди не могут это сделать и видеть, он не может сделать X и Y*
- н) *делает X и Y с людьми*
- о) *делает X и Y некоторое время*

Представленная схема отличается от ранее рассмотренных тем, что включает компонент, отражающий качественные характеристики субъекта, а также компонент, объясняющий причину/ источник знаний и умений субъекта (жизненный опыт). Субъект впервые рассматривается не как обученный специалист, но уровень (специальной профессиональной подготовки он может не иметь навыками осуществления деятельности X и Y, но благодаря опыту в приобретению профессиональному успешно справиться с обоими видами деятельности. Характер деятельности Y имеет прикладной характер (обучение навыкам, мастерству), в отличие от аналогичной – в концепте «преподаватель» где объект приобретает теоретические знания. Объект впервые не представлен разными возрастными категориями людей.

Последней из анализируемого ряда синонимов мы рассмотрим *доктор* – профессия, которая включает в той или иной мере концептуальные значения всех рассмотренных лексических единиц:

- а) *кто-то*
- б) *хороший*
- в) *живет и делает так, чтобы другим людям и детям так же*
- г) *потому что знает много, чтобы другим людям делать и думать, как он*
- д) *делает X и Y*
- е) *делает X*
- ж) *потому что люди знают, чтобы X и Y делать кто-то*
- з) *делает X*
- и) *делает Y*
- к) *чтобы люди знали то, что знает он*
- л) *не знает, как делать X и Y, но делает, потому что, если кто-то / человек / люди не могут это сделать и видеть, он не может сделать X и Y*
- м) *делает X и Y*
- н) *потому что знает / другие делают, что знает другой человек*
- о) *делает так хорошо не может*

- а) *потому что знает много*
- б) *потому что люди делают, чтобы X и Y делать кто-то*
- в) *делает X и Y с маленькими и большими людьми*
- г) *делает X и Y некоторое время*
- д) *делает X и Y в месте A*
- е) *делает X*
- ж) *чтобы другим человеком / люди были хороши для всех*
- з) *делает Y*
- и) *чтобы люди знали то, что знает он*
- к) *кто-то / кто-то может быть еще кто-то / кто-то*
- л) *кто-то может быть еще кто-то?*
- м) *другие делают / делают, что кто-то знает и делают все хорошо, потому что могут / делают так же*
- н) *X и Y может делать кто-то другой хорошо или не очень хорошо*
- о) *кто-то / кто-то может делать X и Y так же*

В данной схеме субъект качественно определен, как и в концепте «наставник». Дополнительно в нем, субъект представлен своеобразным знаком, задающим определенные количественные параметры действий и жизни. Такая структура указывает на определенность субъекта с точки зрения его деятельности и жизни с одной стороны, и наличием потребности отношения субъекта и объективной деятельности как желаемой, как потребности удовлетворения. В роли субъекта может выступать любой человек, который берет на себя ответственность за деятельность X (воспитание) и Y (обучение), а также сам жизнь, которая естественным путем оказывает влияние на людей. Дополнительный признак получает объект. Последний не рассматривается здесь только как решение определенных субъектом данных, установок, практических навыков, а является из проводником.

Таким образом, в каждой из этих представленных схем выделяется субъект (*кто-то* – в лексических формулах обозначение порядковым индексом для удобства сравнения). Как видно «кто-то» (*педагог*) может быть индексом «кто-то» (*воспитатель*), «кто-то» (*преподаватель*), «кто-то» (*учитель*), справедливы и обратная цепочка от субъекта под индексом пять. Нам представляется, однако, что замена такой цепочки от субъекта под индексом пять и любым порядком. Нельзя начинать выстраивать связь с «кто-то» (*педагог*), так как деятельность субъекта ограничена одним видом X (*воспитание*), и которая возможна как сопутствующая. Субъект в этих формулах представлен еще и субъективным «кто-то» для разграничения синонимичных имен (*кто-то*) в должностных единицах (*учитель, профессор*). Слово «наставник» и «учитель» не ограничены только функциональным предназначением субъекта, они имеют компонент, отражающий его качественную характеристику (жизненный). Обязательным для субъекта является наличие имен *наставник*, на основании которых он может осуществлять всего два вида деятельности: X (*воспитание*) и Y (*обучение*), предпринятых или ограниченных имен, чтобы X / Y *делаю кто-то*). Источником знаний субъекта проследивается только в схеме «наставник» (потому что знает много), но данный компонент смыслового притока может быть не обязательным, так как наставник предполагает не только и столько знаний, но скорее профессиональное преимущество перед объектом. В двух случаях можно определить степень владения знаниями (*хорошо / очень хорошо*), за этим атрибутом скрываются лексемы *учитель, профессор*.

Субъект может означать только деятельность X, как в схеме «наставник», или – Y, как схеме «преподаватель», или X и Y, как в – «педагог», «наставник», «учитель». Следует отметить разно-целевой характер одинаковых видов деятельности субъекта. Деятельность X и Y направлена на качественное изменение объекта, а именно улучшение его индивидуальных черт, максимально применимых для члена конкретного общества.

(чтобы другой человек/ люди были хороши для всех); — X' и X'' имеют прикладной характер (чтобы люди знали, как делать то, что делает он); предполагается, что объект переименов у субъекта практическое знание методом подражания. Эти знания выделяются сокровищем с последующим комбинированием усовершенствованием и дальнейшей передачей другому объекту. Дательность Y, которая отмечается в четырех словах из пяти, несет идентичный характер вне зависимости от имени объекта (чтобы люди знали то, что знает он). Субъект передает объекту сумму знаний, в нашем случае теоретических (заученная дисциплина, предмет). Особенности деятельности субъекта заключаются в том, что она носит просроченный характер, с четким обозначением конечного результата; интенционален (делает X и Y некоторое время) и несет смысл только при наличии объекта, во который направлена (не может делать X и Y один, потому что, если кто-то / человек / знает по методу его слышать и видеть, он не может делать X и Y). Следовательно, субъект и объект составляют неделимую пару объекта. В качестве объекта всегда выступает человек, чьи возрастные параметры показаны через атрибуты «маленький» и «большой» во всех словах кроме схемы «оказавшись». Возрастная категория объекта вариативна, до тех пор, пока не указывается место взаимодействия обозначенной пары. Для осуществления деятельности X и Y субъекту отводятся определенные места A (школа), B (среднее специальное учебное заведение), C (высшее учебное заведение), D (творческое учебное заведение), хотя не во всех словотворческих примерах они представлены. Важным при сопоставлении становится видоизм A (школа), так как этот показатель присутствует в большинстве слов и является единственным в контексте «учитель», в который входят и все рассмотренные имена других контекстов. Имя А служит возрастным рамкам объекта. Атрибут «большой» в словах, имеющих видоизм B, C, D, не имеет при определенных условиях (заочное обучение) ограничений между особенностями учебных заведений и предельно в месте А, так как хорошо известно возможное время пребывания объекта в школе (до 17 лет).

Самой обобщенной является семантическая формула контекста «учитель», которая охватывает практически все компоненты остальных схем. Исключение составляет формула контекста «наставник», где присутствуют компоненты (z) — (потому что знает долго) и (ob) — (не знает, как делать X и Y, но делает, потому что может это делать). Существенным отличием формулы «учитель» служат не функциональные компоненты других схем, а наличием так называемых «численно-отрицательных», отражающих требования к себе и к другим: (a) — (желет и делает так, чтобы другие знали и делали так же); (b) — (может сделать так, чтобы другие люди знали то же, что и он, и делал так же как и он долго); (c) — (потому что думает / другие думают, что никто другой этого делать так хорошо не может); (d) — (потому что хочет это делать); (e) — (другие думают / знают, что никто знает и делает все хорошо, потому что могут / должны делать так же). Мы предлагаем еще две «обобщенности» компонента, которые включены в схему «учителя» по функциональному признаку, заданному словарными определениями, но выходящих за пределы учебного профессионализма: (A) — (X и Y может делать что-то другой/ любой хорошо или не очень хорошо); (B) — (желет / может / может делать X и Y все время). Компонент (B) представляет единственный случай, когда субъект выражен инфинитивной субстанцией.

Получая анализом аналитических связей семантических формул контекста «учитель», «наставник», и принимая во внимание масштабы и всеобщность сферы учителя, мы приходим к выводу, что имя «учитель» является ядром рассмотренного контекста.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вежинова, А. Сопоставление культур через посредство лексикона и прагматики [Текст] / А.Вежинова / пер. с англ. А.Д.Шевцовой. — М.: «Языки русской культуры», 2001. — 272 с.
2. Карасин, В.И. Языковой ярус: личность, коммуны, дискурс: монография [Текст] / В.И.Карасин. — М.: Глобус, 2004. — 390 с.

3. Карасин, В.И., Слышкин, Г.Г. Лингвоструктурный контекст как единица исследования [Текст] / В.И. Карасин, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы лингвистической лингвистики. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. С.73-80.
4. Карасин В.И., Слышкин Г. Г. Взаимные характеристики лингвоструктурных контекстов // Антология контекстов. — Т.1. — Волгоград: Парадигма, 2005. — С. 13-15.
5. Галкина, Э.Д., Стернин, И.А. Очерки по коммуниативной лингвистике: монография [Текст] / Э.Д.Галкина, И.А.Стернин. — Воронеж: Истоки, 2001. — 192 с.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТИ

Роткина Е.В.

Российский государственный университет имени И.Канта
г. Калининград

Проблема «интердискурса» и «интердискурсивности» языка в лингвистическом исследовании сравнительно недавно в связи с возросшим интересом к термину «дискурс», который является весьма многозначным и не имеет четкого и общепринятого определения, охватывающего все случаи его употребления, причем основная трудность связана с разноточностью базовых понятий «текст» и «дискурс».

В этой связи Е.В. Руберт выделяет три подхода к решению данной лингвистической проблемы: отождествление понятий «текст» и «дискурс», их полное различение по параметру «статуса объекта (текст) / «динамика коммуникации (дискурс)» и, наконец, исключение текста в понятие дискурса [Руберт 2001: 23]. На наш взгляд, наиболее адекватной позицией по интересующему вопросу является третья упомянутая выделенная. Как указывает А.А. Кибрик, в современной лингвистике дискурсом обычно понимают реальное коммуникативное процесс языковой деятельности и ее результаты, то есть текст; текст есть статический объект, возникающий в ходе языковой деятельности, но дискурс, помимо самого текста, включает также разворачивающиеся во времени процессы его создания и понимания [Кибрик 2003: 4].

Актуальной проблемой в рамках теории дискурса является вопрос, касающийся понятия дискурса. Понятие «социального дискурса» или «типа дискурса» встречается в работах М.Фуко, который употребил в этом смысле термин «дискурсивная формация», понимая под ним определенную социально-историческую сферу человеческого бытия и коммуникации (см. Фуко 1996).

В исследовании большинства формализованных, встречающихся в совокупных лингвистических исследованиях, термин «тип дискурса» связан со стилем речи, который обуславливает социальную ситуацию и профессиональную деятельность людей. [ср.: дискуссионный дискурс [Сифаров 2000]; медицинский дискурс [Митченко 2002]; политический дискурс [Юдина 2004, Стернинский 2006]; религиозный дискурс [Михайлова 2005]; религиозный дискурс [Боброва 2007] и т.д.

Как указывает Л.М.Болдарова, существуют и другие подходы к типологии дискурса, основанные на оценочных критериях дискуссионного характера, служащих для различения различных типов дискурса [Болдарова 2007]. В контексте нашего исследования наиболее релевантной является типология на основе признака «функциональность (наличие смысла)» / «нефункциональность (отсутствие смысла)» в процессе текстотворчества, что дает нам право говорить о существовании функционального и нефункционального типа дискурса.

Важное открытие, что различные типы дискурса могут вступать во взаимодействие, что и порождает явление интердискурсивности.

Самым типичным интердискурсом является прежде всего с функциями нагнетания

языка дискурса, которое, как известно, продвигает идея М.Фуко. Так, Э.Пудальновский Орланди, например, предлагает понимать язык интердискурсивной комплекс дискурсивных образований с доминантой. В этом смысле интердискурс представляет собой область знания, память о дискурсивном образовании, являющая в себе память о смысле повторности (Пудальновский Орланди 1999: 211).

По мнению М.Пеша, дискурс есть язык, который структурирует как «язык в самом дискурсивном дискурсивном образовании своего рода «аппарату», «аппарат» для системы других дискурсов – отсылает в своем «отсылании» к системе, в том числе к системе, выходящей за пределы, – другие и многие дискурсы, и таким образом язык образований и текстов (Пеша 1999: 267-268).

Немалый социалог и литературовед Ю.Линк, адаптированный именем М.Фуко, разработал свою концепцию интердискурсивности, которая является весьма актуальной в настоящее время.

При анализе дискурсивных формаций Ю.Линк предлагает четко различать специально дискурсивные и интердискурсивные моменты (Link 1988). Так, дискурсивные формации складываются, с одной стороны, в моментальной спецификации, к которой относятся конструирование своих тождеств, к собственному лексикону и собственной грамматике, а с другой стороны, она одновременно стремится в определенном смысле к ретрансляции, в соответствии с другими дискурсивными формациями.

Далее Ю. Линк выдвигает гипотезу о том, что в качестве «классификационного» образований интердискурсивных следует рассматривать литературный дискурс.

В отечественной лингвистике В.Е.Чернышова, восходящая к мнению Ю.Линка о том, что художественная литература строится в целом как интердискурс, подражает вид интердискурсивности характер взаимодействия между различными типами дискурса, то есть пересечение нескольких различных областей человеческого знания в практике. При этом исследователя делит интердискурсивность на два вида: спонтанную и индустриальную. В первом случае речь идет о естественном процессе ретрансляции человеческого знания, рассредоточенный в разных дискурсивных формациях. В свою очередь, индустриальная интердискурсивность проявляется себе как особая структура субъекта речи, особенно и целенаправленно решающего задачу формулирования своего текста (Чернышова 2004: 35).

В итоге, основываясь в русле рассуждений Ю.Линка, мы считаем возможным трактовать интердискурсивность как диалогическое взаимодействие двух тенденций, взаимодействий в процессе текстопроизводства: с одной стороны, тенденции к конкретизации содержания определенного типа дискурса в их полноте и к конкретизации содержания в форме данного типа дискурса, что обуславливает устойчивость и внутрисубъективную целостность, а с другой стороны, тенденции к «диффузии», к «раздвиганию» содержания дискурсивного потока при взаимодействии с другими типами дискурса.

Работая теория интердискурсивности во многом детализировала вышесказанное и добавила к проблеме соотношения категорий «интертекстуальности» и «интердискурсивности». Несмотря на то, что понятия «интертекстуальности» и «интердискурсивности» связаны между собой, поскольку оба они основываются на виде о взаимодействии разных категорий типов знания в процессе текстопроизводства, различием этих понятий является степень оправдания. Нам представляется логичным утверждать, что подобно тому как текст включается в контекст дискурса, интертекстуальность как текстовая категория включается в категорию интердискурсивности и является синонимом по отношению к ней.

Отметим, что в последние время маневрировала тенденция рассматривать интердискурсивность как универсальную характеристику художественной литературы (Ср.: Белоглазова 2007). Анализ любого текстового произведения неразрывно связан со встраиванием в коммуникативно-типологическими условиями создания текста, с комплексом

разных экстралингвистических факторов, взаимодействующих на индивидуальном-личностном уровне с конкретными типами реализации (Чернышова 2003: 39).

В свою очередь Е.В. Белоглазова замечает, что художественная литература является сложным разнородным образованием и не сводится ни к одному из типов дискурса, включая в себя и персональные, и институциональные, и различные тематические дискурсы (Белоглазова 2007: 94).

В результате можно говорить о гетерогенности как о константном признаке художественного текста, который соотножит в себе антодискурсивные моменты, то есть взаимодействует с другими типами дискурса.

С учетом основных положений теории интердискурсивности и данной статьи выдвигается гипотеза о том, что художественный текст можно рассматривать как особое антодискурсивное образование, в основе интерпретации которого лежит позиция о разнородности способов или форм взаимодействия различных типов дискурса в рамках текстового контекста.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белоглазова Е.В. Роль идеологии в структурировании поэтического дискурса детской художественной литературы // Литвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы. – СПб: Изд-во СПбГУЭФ, 2007. – С. 92-106.
2. Боброва Е.В. Ретрансляция дискурса: диалектика жанра, триггера. Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Волгоград, 2007. – 42с.
3. Болдырева Л.М. К проблеме типологии дискурса // Основные проблемы современного языкознания. [Текст]: отчеты Всероссийской конференции. – Астрахань: Изд-во Саратовского университета, 2007. – С. 6-9.
4. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе. – Дисс. в канд. дисс. канд. филол. наук. – М., 2003. – 90с.
5. Мамонтова Е.В. Прагматический аспект реального дискурса (на материале текста русской и английской коммерческой и научно-технической рекламы). Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Волгоград, 2005. – 18с.
6. Мамонтова С.Л. Метафора в межязыковом дискурсе. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. – 128с.
7. Пеша М. Противные истины. Литвистика, семантика, философия // Квадратура смысла: французский язык и анализ дискурса. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С. 225-250.
8. Пудальновский Орланди Э. К вопросу о методе и объекте анализа дискурса // Квадратура смысла: французский язык и анализ дискурса. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С. 197-225.
9. Рубин Н.Б. Текст и дискурс: к определению понятий // Текст и дискурс. Проблемы лингвистического дискурса: Сб. науч. ст. – СПб, 2001. – С. 23-38.
10. Сафаров Ж.Ш. Структура дипломатического дискурса и его лексико-фразеологический состав (на материале английского языка). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 2000. – 26с.
11. Сидоренко О.В. Литературные характеристики американской триллерной романистики как вида политического дискурса. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2000. – 23с.
12. Фуко М. Археология знания. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 208 с.
13. Чернышова В.Е. Интертекстуальность и интердискурсивность // Текст-Дискурс-Стиль. – СПб: Изд-во СПбГУЭФ, 2005. – С. 23-42.
14. Чернышова В.Е. Текст как интердискурсивное событие // Текст-Дискурс-Стиль. – СПб: Изд-во СПбГУЭФ, 2004. – С. 31-41.
15. Кляшторная Е.Т. Сущностные функции языковых средств англоязычного политического дискурса. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – СПб, 2004. – 20с.
16. Link, J. Literaturanalyse als Interdisziplinäre // Diskursformen und Literaturwissenschaft. – Frankfurt: Suhrkamp, 1988. – S. 284-307.

ГЛОССАРИИ КНИГА В КНИЖЕ Р. ХЕДА «THE ENGLISH ROGUE»

Рибачкина Г.В.

Аспирантский государственный университет

Книга «*The English Rogue*», более известная под полным названием «*The English Rogue described in the Life of Meriton Latroon, a Very Extravagant, Being a Complete History of the Most Excellent Cheats of both Sexes*» – одно из значительных для развития субстандартной лексикографии произведений Ричарда Хеда (ок. 1637 – ок. 1686), в котором включены весьма объемные и содержательные глоссарии сленга, была написана в форме биографии ее главного персонажа Меритона Латруна (*Meriton Latroon*) – изобретательского преступника (a reformed villain). В ней автор приводит перечень профессий, или занятий, морей, бродяг и др. лексикографических элементов, который он заимствовал из книги Т. Деккера: *satyrons*, alias *Vagabonds*; *butlers*; *puban-brothers*; *drink-latches*, *sturdy* *Beddars* (Dekker, 1608; Coleman, 2008: 31). В книгу включены также образы сленгов на языке и разъяснения о природе книги.

Многие книжки, в частности, характерные для лексиконов сленга, бродяг и моря, вернулись автором непосредственно в текст повествования и сопровождают его собственными «переводами» на литературный английский язык не только, но и по смыслу, и по форме. Ср., например, следующий отрывок, описывающий прием Латруна в «обратное» участие в качестве оловянного, что сопровождается примерами из «высокопарламентско-веровского» поведения. В этом пассаже полужурным курсивом мы выделяем книжки, значения которых понятны, но принадлежат самому автору, из повествования, прямым полужурным шрифтом – те книжки, которые снабжаются в тексте авторскими переводами, выделенными нами светлым курсивом.

«A health went round to the Prince of Mauders, another to the Great Duke of Clapprovegrows, a third to the Marquis of *Bony Dulls*, and *Ram-morts*, a fourth, to the Earl of *Clynes*... Most part of the night we spent in *hooning*, *pecking* *runly*, or *wapping*, that is *drinking*, *snoring* or *whoring* according to those terms they use among themselves <...>, the males and females lay promiscuously together, it being free for any of the fraternity to make choice of what *duy* he liked best, changed when he pleased. They plied me of with their *run-dosse* (as they called it) and pleased me as well in giving me a young girl to dally with... I first acquainted my *duy* with my intent (to join the Gypsies), who glad to hear thereof, gave it vent and broached it to the rest, who unanimously with joy embraced me; and to congratulate my inauguration *appoy* to each other a *gasse* of *bovise*, and so went round. The flames of drink had now ascended into their brain, wherefore they *couched* a *baghead*, and went to sleep (Head, 1669: 38-39, цит. по: Coleman, 2008: 49).

Продуктивность выделенных слов в древневулгарном, а также развитие их значений в расширенном сфер функционирования наиболее наглядно прослеживается на лексиконовом примере (с. = cant) в словаре Э. Парtridge «A Dictionary of Slang and Unconventional English» Э. Парtridge (Partridge, 1984). Например, следующие словарные статьи:

- **dell**, n. In mid-C. 16-early 19 c., a young girl, but in C. 17-early 19 low c., a young woman, a mistress (cf. *duy*);
- **mauser**, A professional beggar: c. ca. 1610-1840;
- **peck**, v.i. and v.t. To eat: mid-C. 16-20: c. until C. 19, then s. till ca. 1860, then coll.;
- **run more**. See *run dell*; *run dell*, *duy*, *more*. A handsome whore: C. 17-early 19.—See *run dell*; *run doxy*. A beautiful woman, a fine wench: c. late C. 17-early 19;
- **tip**, v. To render instead, esp. to intoxicate, mostly in the passive: C. 17-early 18.—2. (Of) to drink off: late C. 17-20: c. until mid-C. 18, then s.; from mid-C. 19, only in dial.—3. To die: rare except in C. 19-20 dial, and in *tip off* (late C. 17-20: c., > s. by 1730; in C. 18-20, dial.)

- 4. To give; pass: C. 17-20: c. >, by 1730, s. *head*. Perhaps ex tip, to touch lightly; the *Romany* *tipper*, to give, is a derivative.—5. Hence, to lend (esp. money): c. late C. 17-20.—6. Hence (of a person in the presence of others), to assume the character of, from ca. 1740, obs.—7. Often almost synonymous with 'to' or 'make' (cf. *fake*, q.v.): late C. 17-20: c. >, early in C. 18 (*low*) s.—8. To earn: C. 17-18: c. >, by 1730, (*low*) s.—9. To give a 'tip' or present of money to,—whether to an inferior in recognition of a service or to a child or school-boy or -girl: s. >, early in C. 19, coll. 1706-7.—10. Hence, v.i., in same sense: 1727: s. >, early in C. 19, coll.—11. To indicate by a secret wink: 1749.—12. To give private information, a friendly hint, about: from early 1880s: s. >, by 1910, coll.—13. Hence, to supply (a person) with 'inside' information: from ca. 1890: s. >, by 1910, coll.—14. Hence, v.i., to impart such information: s. (—1904) >, by 1910, coll.
- **couch a hog's head**. Lit., to lay down one's head, i.e. to lie down and sleep: C. 16-17 c.; in C. 14, *low*.

В текст книги «*The English Rogue*» Р. Хед включил также следующее стихотворение на языке, заимствованное им из книги Томаса Деккера «*The Belman of London*» (Dekker, 1608)

"The Dostie Doll can out hien whild,
And wap well for a win;
And prig and dloy to beshkiply,
All the Douse-wike within...
Till Cramprigs quire tip Cove his hie,
And Quire Kous do them catch:
A camiken, mill quire Cuffen,
So Quire to ben Cove watch!"

(Head, 1665a: 28-29; цит. по: Coleman, 2008: 49).
В данном стихотворении, по словарю Э. Парtridge (Partridge, 1984), следующие лексические единицы, несомненно, относятся к древневулгарному: *Dostie Doll*, *can out hien whild*, *wap*, *win*, *prig*, *dloy*, *beshkiply*, *Cramprigs*, *quire*, *tip*, *Cove*, *Quire Kous*, *camiken*, *mill*, *quire Cuffen*, *ben Cove watch*.

Р. Хед заимствовал значительную часть лексиконов из списков предшественников литературной книги – Т. Хармана и Т. Деккера (Harman, 1467; Dekker, 1608), см. исследование этого: Partridge, 1979: 53). Для иллюстрации этого утверждения соотнесем на примере, приведенные Дж. Коулман (Coleman, 2008: 50), предания их в виде таблицы с авторскими определениями-переводами лексиконов на литературный английский язык (см. таблицу 1).

Таблица 1

Сопоставление лексиконов в списках Т. Хармана, Т. Деккера и Р. Хеда

Thomas Harman of Cant or Waresing for Common Carvers vulgarely called Fag-brothers		Thomas Dekker «The Belman of London»		Richard Head «The English Rogue»	
латинск	дофинанск	книжн	дофинанск	книжн	дофинанск
a bord	a bylling	Borde	a shilling	Borde	A Shilling
bagge	a purse	bag	a Purse	Bagg	A Purse
a Lycken	a house to lye in	Libken	a house to lye in	Libken	An house to lye in
to pryge	to ryde	Prigging	Riding	Prigg	To Ride Prigging Riding

a quaking chete or a red shanke	a drake or dacke	a quaking chete [ver red-shank]	a duck	a quaking chete red-shanke	a duck a stallard
Salomon	a aller or masse	Salomon	the masse	Saloman	The masse
a stauling ken	a house that wyll receive stolen ware	Stauling ken	a house to receive stole goods	Stalling-ken	a Bowlers house, or an House to receive stolen Goods

Подобно Т. Деккеру, Р. Хед организовал свои списки слов в алфавитном порядке по первым, вторым и третьим буквам абревиатур-слов. Ср. следующие организационные наборы для наглядности в виде таблицы оригинальные списки слов (см. таблицу 2), собранные списки Р. Хедом (Hed, 1665); итг. по: Coleman, 2008: 50-52):

Оригинальные списки слов, собранные Р. Хедом

N	Кликом	Дефиниция
1	Alban Cove	A Tatter demallion
2	Bery	An instrument to break a door
3	Bite the Peter or Roger	Steal the Port-mante or Cloak-bag
4	Bubu	The Fox
5	Badge	One that steals Cloaks
6	Bull and File	The Pick-pocket and his mate
7	Canke	Dumb
8	Damber	Rascal
9	Dimber	Proty
10	Demmer	A Mad-man
11	Gluzer	One that goes in at the windows
12	Gilt	A Pick-lock
13	Kate	A Pick-lock
14	Lalfabie-cheat	A Child
15	Lurries	All manner of Clyths
16	Milken	One that breaks houses

1	Mitre	The Face
2	Pad	The Highway-man
3	Peake	Any Lace
4	Pike and Leen	Run as fast as you can
5	Perry	Fearful
6	Peter	A Portmanteau
7	Pillard	One whose Father is a Beggar born
8	Roger	A Cloak-bag
9	Ridge-cully	A Goldsmith
10	Ruffler	An over-grows Rogue
11	Sewagg	A Shop
12	Shop-lift	One that steals out of shops
13	Stock-drawers	Stockings
14	Text his mans	Look in his face
15	Track up the dancers	Go up the Stayers
16	Tree wins	Three pence
17	The-Cul Stylecher	The Man eyes you
18	Tip the Cole to Adam	Give what money you possel-pickt to the next party, presently
19	Tip the mish	Give the Shirt
20	Wicker Cully	A Silver-smith

Списки слов Р. Хед представляют собой не просто композицию материала, собранного предшествующими авторами. Р. Хед, по сравнению, например, с Т. Харманом и Т. Деккером (Hartman, 1567; Decker, 1608), пытался уточнить и улучшить литературу

дефиниции клизмы, заимствованных у других авторов. Ср., например, следующие примеры (Head, 1665b; цит. по: Coleman, 2008: 51), организованные нами в виде таблицы (см. таблицу 3):

Таблица 3

Сопоставление дефиниций клизмы в списках Т. Харвина, Т. Деккера и Р. Хеза

Thomas Hartman <i>of Content or Warning for Common Citizens vulgarely called Furthemen</i>		Thomas Dekker <i>«The Belman of London»</i>		Richard Head <i>«The English Rogues»</i>	
клизма	дефиниция	клизма	дефиниция	клизма	дефиниция
a gentry mort	a noble or gentle woman	Gentry Mort	A Gentle- woman	Gentry- Mort	A Gallant Wench
a skew drawers	a cuppe hosen	Skew Drawers	a cup hosen	Skew Drawers	A Dish Stockings
to prygge	to ryde	Prigging	Riding	Prigg Prigging	To Ride Riding
dades	clothes	Dades	clothes	Dads	Goods
popplars	porrage	Poplars	Pottage	Puplar	Milk- Pottage
prat	a buttocke	Prat	a Buttock	Prats	Thighs
a prating chete	a tounge	a Prut-ling Chete	a tounge (or tounge)	Prating cheat	A Tongue

Р. Хез стал первым регистратором клизмы, который включил в свой глоссарий названия, иллюстрирующие употребление клизмы в живой разговорной речи. По подсчетам Дж. Коулмана, таких примеров всего две и они поданы в списке клизм в качестве отдельных самостоятельных статей. Ср., следующие два примера (цит. по: Coleman, 2008: 52), где светлым курсивом выделены иллюстрируемые клизмы, их употребление в цитатах и их интересные дефиниции в переводах этих цитат на литературный английский язык:

- Клизма «Earnest» – дефиниция «A Part»: *As for the my Earnest – Give me thy part of share;*
- Клизма «Tiro» – дефиниция «To give»: *The Mort for me a wink – The Whore gave a wink.*

По подсчетам Дж. Коулмана количество клизм в разных списках книги, собранных Р. Хезом, варьирует от 58 до 229 лексических единиц. При этом число семантических групп, на которые исследователям удалось распределить все клизмы, встречающиеся в этих глоссариях, увеличилось по сравнению со списками Т. Харвина и Т. Деккера с 13 до 17.

Здесь появились 4 новые достаточно продуктивные по их ассоциативной соответствующим клизмам тематические группировки: «Emotion & Temperament», «Poetry», «Poverty» и «Sex» (Coleman, 2008: 196).

Наиболее продуктивными тематическими группировками стали: «Crime & dishonesty», «Body & health», «Clothes», и «Money»; достаточно высокую продуктивность создавали следующие тематические группировки: «Food & drink», «Geography & travel», «Law & order», а также «Domestic life», «Animals», «Artifacts» и «Natural world» (таблица 4, где первая цифра – количество единиц данной семантической группы в данном списке данного издания, вторая цифра – в % к общему числу клизм в данном списке данного издания).

Продуктивно-тематические рубрики в списках книги в разных изданиях книги Р. Хеза «The English Rogues»

Таблица 4

Edition	Semantic area	1665a		1665b		1672a		1688	
		1	2	1	2	1	2	1	2
1	Speech	4	2,1	4	1,8	4	1,7	0	0
2	Sex	5	2,6	5	2,3	5	2,2	0	0
3	Poverty	5	2,6	5	2,3	5	2,2	2	3,4
4	Artifacts	8	4,2	8	3,6	9	3,9	4	6,9
5	Natural world	8	4,2	8	3,6	8	3,5	1	1,7
6	People	9	4,8	9	4,1	9	3,9	2	3,4
7	Emotion & Temperament	9	4,8	12	5,4	12	5,2	1	1,7
8	Animals	10	5,3	10	4,5	10	4,4	5	8,6
9	Domestic life	10	5,3	11	5,0	11	4,8	4	6,9
10	Law & order	12	6,3	12	5,4	12	5,2	6	10,3
11	Food & drink	12	6,3	12	5,4	13	5,7	3	5,2
12	Geography & travel	12	6,3	13	5,9	13	5,7	1	1,7
13	Clothes	12	6,3	19	9,6	19	8,3	3	5,2
14	Money	15	7,9	17	7,7	18	7,9	12	20,7
15	Crime & dishonesty	19	10,1	36	16,2	37	16,2	12	20,7
16	Body & health	23	12,2	24	10,8	24	10,2	2	3,4
17	Other	16	8,5	17	7,7	20	8,7	0	0

Всего	18	10	22	10	22	10	58	110
	9	0	2	0	9	0		0

Принадлежность теперь по словарю Э. Парtridge (Partridge, 1964) не из приведенных выше пятнадцати рубрик, которые представлены в этом словаре лексикографической обработкой известных, исключенных из списка книги Р. Хедд и сохранившие связь с его фамилией.

1. Рубрика «Speech»: книги со ссылкой на глоссарии Р. Хедд как их первоисточник не обнаружены.
2. Рубрика «Sex», например:
  - **break a (or one's) leg**. To give birth to a bastard; *low coll.* from ca. 1670; ob. (R. Head, in *Protest Revisited*) The proverbial form gen. added above the knee; gen., too, as to *have broken her leg*. See also *broken-legged*.
  - **gristle** (gen. the, see. one's). The penis; *low* since C. 17. An early occurrence is in *R. Head, The English Rogue*, 1665, ch. X.
3. Рубрика «Poverty»: книги со ссылкой на глоссарии Р. Хедд как их первоисточник не обнаружены.
4. Рубрика «Artifacts», например:
  - **betty**, see. *hen*. A picklock (instrument); mid-C. 17-19. Orig. c.; the form *bes* (? by 1880) remained c. For *betty*, much the commoner, see *Head's English Rogue*.
  - **filchman**. A thief's hooked staff or stick; c.: mid-C. 16-17; cf. *filch*, n., 1. (*Aureley, Head*) The man is prob. -man, -man, the c. suffix.
5. Рубрика «Natural world», например:
  - **jacque**. A ditch; c. of mid-C. 17-mid-19. (*Head*).
  - **casniks, casnikin**. The plague; c. of ca. 1670-1820. ? etymology: perhaps cognate with S.E. *casier*.
6. Рубрика «Peoples», например:
  - **buttock**. A low wharf; ca. 1660-1820; c. (*Head*).
  - **jeansy**. As n., a fashionable man next above a *jeany* (see n., 2); ca. 1750-1830—2. As adj., derisive, effeminate; ca. 1680-1850. (*Head*) For both, see also *jeany jeansy*. Like *jeany*, of which it is a corruption, it is ex the flower (*jeany*).
7. Рубрика «Emotion & Temperaments», например:
  - **ramly**. Fervidly; excellently; gallantly; strongly; c. of ca. 1670-1770. (*Head*).
  - **whisking**. Great, very big; excessive; c. (-1673) >, by 1750, *coll.* >, by 1820, dial. (*Head*).
8. Рубрика «Animals», например:
  - **bagher**; see. as in Coles, 1676, *baghar*. A dog, esp. if a mongrel or given to yelping or barking; ca. 1670-1820; orig. c., then *low*. Cf. *bagher*, f, and see *bagfe*.
  - **quacking-chest**. A duck; c.: from ca. 1565; † by 1860.
9. Рубрика «Domestic life», например:
  - **hog-house**. A privy; from ca. 1670; *low coll.* *Head to The English Rogue*; B.E.: Ned Ward, *Groce*. Ex the ca. 1550-1660 S.E. *hoggard*.
  - **dancers**. Stairs; a flight of steps; from ca. 1670; until ca. 1840, c.; then *low* s. or *arched* + (*Head*).
10. Рубрика «Law & orders», например:
  - **canary-bird**. A jail-bird; c. and *low*; mid-C. 17-20; ob. (*Head*).
  - **marinated**. Transported as a convict; c.: ca. 1670-1820. (*Head*) Ex the salt pickling fish undergo in Cornwall.
11. Рубрика «Food & drinks», например:

- **boozing**, vbl n. Heavy drinking; gauding; C. 16-20, *low*. Until ca. 1660, c. *Head*.
  - **bab**, n. Strong drink, esp. malt liquor; from ca. 1670; ob. C. until ca. 1820, then *low*. (*Head*). In C. 19, also as *boozing bab*, strong beer or ale. Often as *bab and grab*, food and (strong) drink. Difer *ebolic* or ex L. *Abore*. In drink.
  - 12. Рубрика «Geography & travel», например:
    - **strolling mart**. A pretended-widow beggar roaming the country (often with a 'tuffler'), making lace, tape, etc., and stealing as chance favours her; c. (-1673); † by 1820. (*Head*) In C. 17, often *strolling m*.
  - 13. Рубрика «Clothes», например:
    - **drawers**. (Only in pl.) Stockings, esp. if embroidered; c.: mid-C. 16-18. (*Harnan, Head, Groce*).
    - **shift**. A shirt; a chemise; c.: from ca. 1670; † by 1870. (*Head*) Abbe. *cosmeticos* (q.v.), the anglicized form of *cosmos*, q.v.
  - 14. Рубрика «Money», например:
    - **loze, loze, lowfel**. (See also *lozev*.) Money; in C. 19, gen. of coin; c.: from ca. 1565. (*Harnan, Head, Groce; Brandon; Richardson, author of The Police*, 1889). Ex C. 14-16 S.E. *loze*, a reward, recompense, itself ex Old Fr. *loze*, a reward; cf. *Romany loze*, to plunder, and *loze*, plunder, booty. Hence *gawney loze*, counterfeit coin; c.—1839 (Brandon).
    - **ridge**, n. (Occ. in C. 19, *ridge*.) Gold; c.: from ca. 1660; ob. by 1840; †, in Brit., by 1900, but by 1940 gen. Aus. s. (*Head*, implied in *ridge-cully*, q.v.). A *ch. ball* of ridge, a pocketful of money; a *shingle* of ridge, a gold watch; ca. 1830-60; c.—2. Hence, a guinea; ca. 1750-1820. ? ex ridge, a measure of land.
  - 15. Рубрика «Crime & dishonesty», например:
    - **raznet**. A share of the booty; mid-C. 17-18 c. (*Head*, B.E.).
    - **glazier**. One that creeps in at Casements, or unrips Glass-windows to Filch and Steal' (B.E.); c.: mid-C. 17-early 19. *Head*, 1673.
  - 16. Рубрика «Body & health», например:
    - **cut**, adj. Tired; from—1650. (*Head*).
    - **stappers**. Foot; c.: ca. 1650-90. (*Head*).
  - 17. Рубрика «Others», например:
    - **agus**. Tobacco; c.: mid-C. 17-19. (*Head*) Perhaps, fig. a mist, + ne as in *locus-panic*.
    - **op**, v. To give; pass; C. 17-20; c. >, by 1720, s. *Head*.
- Итак, глоссарии Р. Хедд можно рассматривать как первую попытку составления более обширных списков слов и более качественной лексикографической обработки регистрируемых элементов в аспекте их семантизации за счет уточнения дефиниций, а также включения двух известных пятнадцати, иллюстрирующим их редкое употребление.
- ЛИТЕРАТУРА:**
1. Coleman J. A History of Cast and Slang Dictionaries. Volume 1: 1567-1784. - Oxford: Oxford University Press, 2008. - XII, 259 p.
  2. Dekker Th. The Belman of London. Bringing to light the most notorious Villanies that are now practised in the Kingdom. - London: Notaniel Butter, 1608. [British Library, C. 20, c. 20].
  3. Harnan Th. A Caveat or Warning for Common Curseters vulgarly called Vagabones. - London: Wvilliam Gryffith, 1567. [British Library, Huth. 114].
  4. Partridge E. Slang-to-day and yesterday. - London: Routledge & Kegan Paul, 1979. - IX, 478 p.
  5. Partridge E. A dictionary of slang and unconventional English / Edited by Paul Beale. 8th ed. - New York: Macmillan Publishing Co., 1984. - XXIX, 1400 p.
  6. Head R. The English Rogue described in the Life of Meriton Latroon, a Witty Extravagant, Booz & Compleat History of the Most Eminent Cheats of both Sexes. - London: Henry Marsh,

1665. [British Library, C.70.8.4 (1665a) and British Library, 12613.i.17 (1665b)] – London: Francis Kirkham, 1666; 1667; 1668; 1669; 1671; 1672a; 1672b; 1680. [Bodleian, Vol.A3.I.1574; 1684; Bodleian, Douce H 316; Edinburgh University Library, JA 3190; British Library, 12612.de.27; British Library, 12614.e.21; (1672a) and British Library, Vol.A3.I.486 (1672b); British Library, C.107.e.93, Bodleian, Malone 538]. – London: J. Bate, 1688. [Bodleian, Wood 284 (1)].

АНТРОПОЦЕНТРИЧНОСТЬ КАТЕГОРИИ ДЕТЕРМИНАЦИИ: ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ/НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Степанов Н.В.

Аспирант государственной педагогической академии

Интерес к функциональной семантике способностей распространено широко благодаря категории детерминации. Значения определенности/неопределенности детерминант вытекают во взаимодействии понятийного и языкового мира, поэтому что она по своей природе является антропоцентрической.

Объективный мир существует и в силу знания, но который он разносторонне, вид, что в нем есть, является определенным. Человек – часть мира, которая способна познать мир и, следовательно, самого себя. Однако способности человека познать не раскрыты, не изучены, поэтому познать все знание человек пока не может; и то, что человек не способен выявить, идентифицировать, определить для себя, он называет «неопределенным». Это неопределенность распространяется не на отдельно взятого индивида и его способности, что-либо идентифицировать, воспринимать, воспринимать реальности и рассматривать как одна из многих характеристик объектов и условий действительности.

Вопрос, связанный с проблематикой детерминации рассматривается изначально в философии. Именно в философских и доктринальных исследованиях отмечается, что сущность данной категории проявляется во взаимодействии познающего человека с познаемым миром и указывается на тот факт, что объект как наличие объективного мира может квалифицироваться как неопределенный только в условиях человеческого знания о нем.

Понятие определенности/неопределенности, вошедшее в научную парадигму с именами древних мыслителей (Анаксимандр, Платон, Аристотель), изначально, естественно образом, рассматривалось в рамках философии и логики.

Для мыслителей древности окружающий мир представлял собой хаотичную совокупность предметов и явлений, которые взаимосвязаны и взаимобусловлены. Однако описанием, а стремился объяснить взаимодействие и единичности и во взаимодействии, их общих начал и сущности, стремился познать сущность единичных предметов и что-то единого. Определенность и неопределенность не употреблялись еще в качестве ключевых понятий научных теорий. Самая этих понятий вошла категорию бытия и отсутствия определенности и бесконечности, единичности и действительности.

Впервые наиболее отчетливо представление о определенности находит отражение в учении Анаксимандра при характеристике им общего первоначала, первоосновности всего известного и неизвестного. Для метода Анаксимандра характерна фундаментальная роль бытия и отсутствия бытия.

Смыслается, что в космологии (философско-научное рассмотрение Вселенной, космоса через миф о сотворении) Анаксимандр исходил из представления о абсолютности, объективности пространственно, безграничном, телесном космосе, объединенном единым

законом после его рождения и появлением его после гибели. Анаксимандр мыслил эту природу как нечто, что является абсолютно различным вещами. Он утверждал, что определенность не может быть какой-то конкретно-определенной сущностью, это есть нечто, отличное от другого, поскольку сущностным свойством апейрона является неопределенность. Комментарий это положение, Аристотель отмечает, что Анаксимандр рассматривал апейрон сам по себе, считая его не свойством чего-то другого, а самостоятельной сущностью. Для Анаксимандра весь объективный мир представлял собой непрерывный континуум, а конкретные объекты являлись определенными. То, что является очевидно для него, идентифицируемо, считался определенным.

Несколько иное толкование понятий определенности/неопределенности находим у Платона, в философии которого представление об определенности/неопределенности занимает особое место. Он считал, что если бы в действительности не было ничего определенного, а все находилось только в постоянном движении, то в мире чувственных вещей существовали бы абсолютная неопределенность. Он говорил, что существуют определенные вещи, названия которых получают приближения к ним другие вещи: например, приближающиеся к познанию становятся подобными, к великости – большими, к яркости – яркими, к справедливости – справедливыми. То есть для Платона нечто еще неопределенное (интенсивно), но приближающееся к чему-то конкретному, является определенным.

Представления об определенности/неопределенности служили средством выражения действительности чувственно-материального и идеального мира. Идеальный мир Платона, мир сущностей – это мир определенности, а материальный мир – это мир неопределенности. Определенность характеризует устойчивость, совершенство, соразмерность, равномерность идеального мира, тогда как неопределенность олицетворяет изменчивость, неравномерность, хаотичность материального мира.

Руководствуясь характеристиками устойчивости/изменчивости при выявлении определенности и определенности/неопределенности, он лучше, более понимал идеальный мир, который он считал близким, познающим, совершенным, определенным. То, что он мог познать, представлял себе во всем объеме. Платон противопоставлял миру определенности, определенному, бесконечно изменчивому. Материальный и идеальный миры характеризовались как такие, которые являются противоположными. И сами эти миры суть противоположные. Однако это не значит, что они отрицают друг друга. Определенное и неопределенное для Платона суть одно дело, с его пониманием, взаимосвязанными. Оно не мыслится без другого, и существование одного возможно лишь в существовании с другим.

Определенность/неопределенность имеют более широкий смысл в философии Аристотеля, и не только с точки зрения истинности или ложности какой-то мысли о бытии, но и с точки зрения реального, объективного существования. (Основой теории истины является идея неизменной от субъекта и его формы объективной и открытой познанию реальности, где истина есть соответствие мысли действительности). Это обусловлено тем, что главное внимание обращалось на познание сущности процесса изменения вещей. Как и это представляется, Аристотель еще не вывел определенности/неопределенности как отдельную категорию. Он говорил о них как о характеристиках других называемых им категорий.

Объяснение неопределенности имела столько же значений, сколько значений имеет в действительности (определенное) бытие. Неопределенность понималась им как объективная сущность определенного бытия, определенного качества, количества, места, времени. Суть самого бытия – это определенность. «Суть бытия дана всякий раз в форме и определенности вещи, но не всякая определенность, а формальная: «Материя образует нечто определенное. Причина для материи – форма, в силу которой материя есть нечто определенное; а форма, это сущность...» [Аристотель 1988:210-217]. Форма дает предметы

тем, чем они являются в действительности, придает им определенность, устойчивость, определенность их друг от друга. В противоположность форме материя представляет то, чем она является, она бесструктурна.

В своем понимании определенности/неопределенности Аристотель сделал большой шаг вперед по сравнению со своими предшественниками: Анаксимандром и Платоном. В его понимании определенности/неопределенности основные понятия, касающиеся определенности/неопределенности объекта, а именно то, что определенность и неопределенность всегда достигают понимания объекта. С этим невозможно не согласиться, однако как не материя всегда определена, но непознаваема, а с другой, что форма является определенной для материи и она определена, познаваема, действительна, идентифицируема, устойчива. Значит, в материи есть нечто, что возможно познать, поскольку форма у предмета познаваема.

Идея определенности/неопределенности как многие другие понятия, возникнув в некоторой области научного знания, после вхождения в научный аппарат, использовалась и изучалась в ограниченном научном пространстве, т.е. в области философии. Но особенно особое место представление об определенности/неопределенности занимает в философии Гегеля, хотя некого определения исходное понятие все-таки не получает.

Теория, представленная Гегелем в «Науке логики» основывается на рассмотрении самого абстрактного, пустого бытия, лишённого всякой определенности, которое называется как чистое бытие. Это бытие не имеет в себе никакого содержания, в нем нет ни каких различий, и поэтому оно неопределяемо. Бытие есть непосредственное, непосредственно оно свободно от определенности по отношению к сущности, равно как ещё свободна от всякой определенности, которую оно может получить внутри самого себя. Это не является рефлексией бытия есть бытие, как оно есть, непосредственно лишь в самом себе. В гегелевском бытии – неопределено, что приводит к выводу о его бескачественности. Но бытие в себе принадлежит характер неопределенности лишь в противоположность к определенному и качественному. Бытие вообще противопоставлено определенному бытию как таковому. «Определенность как таковая принадлежит к бытию и качественному» [Гегель 1937:36-66].

Становится очевидным, что то, что неопределено есть безкачественно, а то, что определено – обладает качеством. Иными словами, именные качества сопоставлены определенному бытию, выходя из анализа неопределенности к понятию определенности и наоборот. Характерную бытие как бескачественности к понятию определенности и неопределенности бытия абсолютно лишено любого качества. Если бытие вообще противопоставить определенному бытию, то обнаружится, что его неопределенность составляет его качество. Эта мысль выражает единство определенности и неопределенности, выражает то, что о неопределенности можно говорить только по отношению к определенности, но она затуманена идеей о чистом неопределенном бытии.

Определенность и неопределенность противоположны, и только как противоположности они раскрывают своё истинное содержание. Определенность и неопределенность противопоставляются, но они взаимозависимы и не могут существовать друг без друга. Это как и диалог «Федон» Сократ говорит о том, что из одной противоположности возникает другая, а из той первая. (Смерть → жизнь → смерть) [Платон 1999:139] «Неопределенность противоположна определенности, она, стало быть, для противоположного, сама есть нечто определенное, или, иными словами, определенное, и при этом чистое, совершенно абстрактное отрицательное» [Гегель 1937:88]. Но и определенность существует на базе неопределенности, возникает из неё, является её стороной. Так переход неопределенности в определенность совершается в результате движения, становления. Как противоположности определенность и неопределенность

являются в единстве, связаны взаимными переходами (Неопределенность → определенность).

В процессе познания объективной реальности человек выкладывает в своем определенном призраке. На основе анализа сходства и различия в реальном мире человек делает выводы о его структуре, отношениях, и в сознании человека отображены в виде определенной категоризации.

Атрибуты «определенный» и «неопределенный» в реальном мире не представлены в виде противоположностей, и только в процессе познания можно различить и различить их. Следовательно, категория, где выделяются характеристики определенностей и неопределенностей, имеет гносеологические корни, эти категории выделяются в процессе познания в смысле действительности.

Поскольку именно при помощи языка люди познают многообразие явлений действительности, то естественно предположить, что явления неопределенности-определенности находят свое отражение в языке. Действительно, можно при помощи языка легко провести границу между предметами и явлениями, которые известны говорящему и теми, которые неизвестны и новы. Следовательно, в языке существуют средства, различающие разницу между старыми, обозначенными такими предметами и явлениями – определенными разряды слов, помогающие отбирать категорию детерминации.

Сами же категории детерминации представляются как функционально-семантическое поле, в котором изменения происходят от неопределенности к определенности (и, наоборот, от определенности к неопределенности) с нарастающим ограничивающим фактором. Все предельно зависит по принципу выражения значимой определенности – неопределенности, образуя основные зоны: «сфера определенности» и «сфера неопределенности».

Неопределенность рассматривается как составленная детерминированности, наряду с определенностью. Все в мире вещей определено, действует и существует по конкретным законам. Вопрос о неопределенности ставится тогда, когда человек говорит о познании, истинности, идентифицируемости объектов реальной действительности. То, что истинно можно анализировать, неизвестно для него, обретает декларацию нечто неопределенного. Но эта неопределенность существует до определенного момента, а именно до тех пор, пока предмет не перестанет быть недостижимым для человека. Мы не можем полностью различить эти два понятия. Неопределенность не может рассматриваться без определенности. Это две составные части одного целого.

Таким образом, категории детерминации являются универсальной категорией, что выводит свое отражение в языке и реализуется в использовании речепрообразных, разнородных языковых средств.

- ЛИТЕРАТУРА:**
1. Аристотель. Этика. Политика. – Минск, 1998. – 1391с.
  2. Гегель Г. Собрание сочинений. Наука логики. Том 5 «Учение о бытии. Учение о сущности». – Москва, 1977. – 715с.
  3. Платон. Диалог. //Философия Греции. – Москва, 1999. – С. 20-587.

АНАЛИЗ КОНЦЕПТИВНОСТИ «ВРЕМЯ СУТОК» В АВАРСКОМ ЯЗЫКЕ В СОВОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ

Сутаян Р.И.

Дагестанский государственный университет

Проблема времени постоянно привлекала и продолжает привлекать внимание ученых (Лавин 1966; Ахуадов 1982; Бересов 1999; Вервольский 1993; Гойбо 1999; Дини 2000; Лозев 1986; Притовский 1999; Рассел 1997; Райкелбай 1985; Трубинский 1987; Уитроу 1964, 1984;

Точка Т.А.
Астраханский государственный университет

В данном случае речь идет о словах, не имеющих точного эквивалента в русском языке, поскольку они обозначают предметы и понятия, не представленные в языковой картине мира носителей русского языка.

Для аварского языка характерно деление суток на пять временных отрезков в соответствии со временем соизмерения намаза (молитва): *рольма* как отрезок утреннего намаза (охватывает время между рассветом и восходом солнца), *аьды* как «собственный намаз» (охватывает время приблизительно с 12 до 14 часов), *басьонду* как «собственный намаз» (время, предшествующее закату солнца), *марьачу* как отрезок вечернего намаза (время сумерек), *баламал* как отрезок ночного намаза.

В работе М.А. Агазова «Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII-начале XIX вв» отмечается, что в с. Игнае «день делится на четыре «кэды» по солнечным часам. Сами «кэды» равнялись количеству воды, протекающему через гошакий канал в течение ¼ солнечного дня. *Гурон* I – следующая временная единица, меньше, чем «кэд» (1/8 часть дня). *Аьологьтэ* – еще более мелкая единица (1/16 часть дня). Этими временными отрезками чаще пользуются жители сельской местности, в основном старого населения. Поэтому в данной статье отмечены наиболее употребительные словоформы – время соизмерения намаза (молитва).

Таким образом, в результате коррелятивного анализа когнитивита «Время суток» в аварском и русском языках обнаружены:

1. **Категориальное соответствие** аллоконнотативов аварского и русского языков, которые можно представить следующим образом:

2. **5 языковых соответствий** аллоконнотативов аварского и русского языков, которые можно представить следующим образом:

рошьоно кьэ	кьэды кьэ	басьонду кьэ	марьачу кьэ	богьоно кьэ
-------------	-----------	--------------	-------------	-------------

Исходя из данных, полученных в ходе исследования, можно сделать вывод, что в основе языкового кодирования концепта «время» аварской и в русской лингвокультуре помимо универсальных черт лежат и национально-специфические особенности, обусловленные различием аварской и русской социальных культур, отражающей особенности менталитета и системы ценностей двух национальных сообществ.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Агазов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII-начале XIX в. Москва, 2000.
2. Гольмизовская А.Г. К разработке теории языковых соответствий // Роль русского языка в жизни народов Северного Кавказа и развитии их литературных языков. Грозный, ЧГУ, 1985, с. 106 - 111.
3. Суляев Р.И. Сравнительная характеристика концепта «время» в аварском и русском языках // Современные проблемы кавказского языкознания и терминологии. Вып. 3. Махачкала, 2001. С. 295 - 299.
4. Суляев Р.И. Концепт «время» и языковая модель времени // Языкознание в Дагестане. Лингвистический ежегодник. - Махачкала: ДГУ, 2004. №7. С. 105 - 111.
5. Суляев Р.И. Типологические параллелизмы и пароним аварского и русского языков // Вопросы филологии. 2006, №6. С. 83 - 90.

Как известно, интерес к истории национального языка, в частности к истории французского языка, появился в XIX веке в связи со сменой доминирующей до этого категории идеологии во всех сферах культурной и общественной жизни европейских государств. Именно в той или иной мере обусловлены филологический подход к истории языка, который сменялся затем чисто лингвистическим анализом отдельных форм и исследованнием языковой системы того или иного периода.

В настоящее время существует большое число научных трудов по истории французского языка, досконально описывающих систему этого языка в старофранцузский, среднефранцузский и классический периоды его истории с опорой на огромный корпус языковых памятников. Тем не менее, как бы точно не были представлены системные языковые элементы данного языка на определенном историческом этапе, их функционирование не может быть представлено во всей полноте без учета сопутствующих им экстралингвистических факторов. Описание системы лингвистических элементов не может дать объективную относительно возможности или невозможности употребления формы или конструкции в той или иной ситуации, у того или иного автора, в том или ином литературном жанре. Учет всех этих и многих других обстоятельств, связанных с определенной исторической эпохой, при анализе лингвистического материала, источниками автором для истории языка являются исключительно письменные тексты, - необходимое требование историколингвистического подхода в современной диахронической лингвистике.

Говоря о различии лингвистической и социокультурной закономерности, французский лингвист Клод Ажез указывает на то, что лингвистическое время, безусловно, связано с языковым временем, но само это время тоньше и характеризуется значительной коммутацией (Ажез, 2005: 258). Несмотря на то, что язык исторично неизменяет, хотя это не заметно для носителей данного языка, в то же время он способен адаптироваться к изменениям, поэтому его эволюция происходит значительно медленнее, чем эволюция общества. Асимметрия лингвистической и социальной эволюции обуславливает взаимодействие культурно-исторических и лингвистических границ в периодизации истории языка. Культура и язык связаны между собой тесно, поскольку именно культурный фактор влияет на интерес к языку данного сообщества и определяет направление его развития, способствует его совершенствованию и нормализации. Например, как справедливо замечает В.К.Жуковский, изобретение печатного станка изменило характер эволюции языка: «интерактивное превращается в монопольный фактор унификации языка, резко возрастает момент социального кодирования языковых элементов в стабильные процессы языковой эволюции» (Жуковский, 1983:123). Учитывая требования языкового рынка, издатели и книготорговцы, учителя и работавшие преподаватели должны договориться о единстве юрисдикционного языка. Не случайно именно в XVI веке, то есть сразу после начала книгопечатания во Франции возникает первая грамматика французского языка, включенная как обязательный раздел орфографии.

Французский язык XIV-XV веков, в большинстве диахронических исследований рассматриваемый среднефранцузские языком, является самым противоречивым моментом для рассмотрения в плане определения точности хронологических границ, статуса самого языка, который не имеет ни постоянных правил, ни собственной оригинальности в отношении расхожей организации (Скарелла, 2003). Общество, которое говорило на этом языке, жила в переходную эпоху между Средневековьем и Возрождением. Ф. Брэнно в начале XX века выделял на персональный характер среднефранцузского периода, когда старофранцузский

язык развивается, а современный формируется. Но в отличие от старофранцузского и современного французского языка у среднефранцузского языка не было ни одного даже кратковременного языка успешности от прихода к власти Валуа до Бурбонов (то есть в середине XIV до конца XVI вв.) [F. Вилло, 1966: 421]. Некоторые исследователи языка историографически невинно отмечают, что язык XIV-XV веков (в частности язык Флуосора) был таким же как и само общество, которое на нем говорило: хаотичным, без определенных правил, смешанным, так как в нем сосуществовали то старые формы, то появлялись черты, свойственные современному французскому языку.

До XIV века название французского языка за пределами Франции было неизвестно. Потеря этого названия, начиная с XIV века, обусловлено, прежде всего, окончательным политическим разделением Англии и Франции, завершением крестовых походов, утратой итальянскими властями Амбуазским договором. В эту эпоху французский язык перестает быть языком страны завоевателей, который является победителем. Вместе с тем, как известно, именно в эту эпоху французский язык начинает приобретать статус поистине национального языка внутри самой Франции.

Самым значительным явлением в XIV-XV веках для начала становления национального французского языка было появление огромного числа литературных произведений в прозе на народном языке. Этот факт для изучения истории языка имеет значение тем, что основной корпус исследований старофранцузского языка – это стихотворные произведения: поэмы, романы, аллегоричная литература и др. В XIV-XV веках выявляются многочисленные переводы и переделки старофранцузских текстов: переводы на язык прозы, чаще всего по заказу богатых и образованных слоев. Большинство хроник и житийно-канонических писаний также начинают писать в прозе: народный французский язык, а не в стихах и не на латыни, также как прозаичные документы, хартии и т.д.

Под влиянием прозы, которая велась как диктовка, достоверно отражает события, в французской прозе начинают формироваться отношения как к языку истинны, какому до сих пор считался только латинский язык. Обращаясь к исследованию Г. Дутренина в очерковой работе «История французской прозы» в XIV-XV вв. (G. Dutenon «L'histoire de la prose au XVIe siècle», Paris, 1935; «Les types de prose des Xe et des XVIe siècles», Paris, 1939), К. Маршалло-Низа отмечает, что многие авторы прозаических произведений, начиная с XIII века, пишут в своем прологах (часто в стихотворной форме) о недостатках и неудобстве стиха, который часто в угоду рифме искажает истину. Г. Дутренин также высказывает некоторые автор XIV-XV вв., которые подчеркивают предпочтение публики в прозе, нежели в стихах, так как проза более понятна и проста [Marcello-Niza, 1979: 44-45]. Именно с этого периода в прозе на французском языке начинают относиться не только к языку истинны, но и к языку культуры, придают ему те черты, которыми до этого характеризовалась классическая латинская проза. Возможно, исключением из этого правила можно считать Филиппа де Коммина, дипломата конца XV и начала XVI века, который писал (или диктовал) свои знаменитые «Мемуары», не особо заботясь о высоком литературном стиле, будучи необразованным в сравнении с его современниками этого слова. То есть, он совершенно не знал латинского языка и не был знаком со строгими правилами латинской риторики. В этом отношении, его «Мемуары», которые по словам К. Маршалло-Низа являются образцом или черепашкой [Marcello-Niza, 1979: 44], представляют большой интерес для истории языка, хотя для литературоведения можно, что именно он был основателем своего жанра – мемуаров.

Параллельно с бурным развитием французской прозы в XIV-XV вв. происходит интенсивная деятельность переводчиков с латинского языка на французский язык прозы, что стало причиной значительной латинизации французского литературного языка. Огромное количество переводов в разных областях науки способствует постепенному истинности латинского языка как письменного. Вместе с тем, интенсивная деятельность переводчиков

способствует развитию орфографии, лексики и синтаксиса.

В области орфографии происходит интенсивная латинизация письма. Формируется лингвистический принцип орфографии, значительно усиливается влияние слов, отдаленных от графики от произношения. Многие слова получают в написании букву, обозначающую давно утраченный или изменившийся звук, но, тем не менее, напоминающие латинский вариант. Латинизирующее влияние проникает во все жанры письменной речи – от хроник до поэмы.

В XIV-XVI веках лексический фонд французского языка обогащается за счет заимствований из классических языков, особенно из латыни. Начинается формирование научной терминологии. Если к старофранцузскому периоду относятся поистине всего современного словарного фонда так называемой базовой лексики, то вторая половина современного словарного состава принадлежит среднефранцузскому периоду – это лексика культуры и науки. По свидетельству известных ученых, анализированных хронологическому современному французскому словарю (А. Дюа, П. Гиро), около 300 латинских корней были заимствованы во французском языке именно в этот период.

В области синтаксиса из латинского языка заимствуются большое количество синтаксических конструкций, в том числе инфинитивных и причастных оборотов. Именно эти синтаксические модели, заимствованные латинскими языками, в научной лексике, мемуарах и хрониках создают специфику французского письменного языка XIV-XVI веков.

Многие из перечисленных явлений сохраняются в современном языке, пройдя отбор и адаптацию в процессе нормативной деятельности грамматистов. Остальные, особенно синтаксические латинские заимствования и упрощение этимологического принципа в лексике, составляют отличительную особенность среднефранцузского периода как по отношению к старофранцузскому, так и к современному французскому письменному языку.

Вместе с тем, интересно отметить еще одно следствие активной переводческой деятельности с латинского языка. Тесные отношения с Италией и активными взаимодействиями уже с середины XIV века вновь пробуждают во Франции интерес в античной культуре и литературе. Это проявляется, в частности, в многочисленных комментариях переводов, созданных по заказу крупных сенаторов, и в том же направлении, которым были эти переводы. Переводчики ищут самые лучшие рукописи, выбирают самые лучшие из авторов. Однако они начинают испытывать трудности при переводе с классического латинского языка, которых абсолютно нет при переводе со средневековой латыни. Ж. Мандрен цитирует в своем исследовании свидетельства переводчиков XV века Берноара, Вильяма, Симона де Гидина о затруднениях при переводе с классической латыни, которая никогда не поддается дословному переводу, тогда как при переводе с латинского произведений XIII века подобная трудностей не возникает [Montin, 1963: 169]. Дело в том, что с течением веков латинский язык приспособился к культурным и историческим потребностям средневековой латинской общности, которых не существовало в классической латыни, синтаксис и произношение также различались в этих двух вариантах латинского.

В конце XV века начинается движение за восстановление античной латыни, в XVI веке появляются трактаты, имеющие целью исправить «историческое средневековое латинское» (например: Mathurin Cordier «De correctione latinæ attenditque libellus», 1530). Периодически Ф. Бранко, усилие, направленные на восстановление «античного» языка, привели к постепенному снижению интереса у писателей к латинскому языку в пользу французского [Вилло, 1966: 10].

Таким образом, французский язык, который в XIV-XV вв. оказывается его посетителями как национального, начинает осознаваться ими в язык культуры.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ажес К. Человек говорящий / Вклад лингвистике в гуманитарные науки. – М., 2003.
2. Дюа А. История французского языка. – М., 2003.

Здесь рассматриваются организационные, гигиенические и санитарно-технические мероприятия и средства, предотвращающие воздействие на работающих вредных производственных факторов. Перечислен конкретный уровень: Berufsgenossenschaft, Gesundheitschutz, Unfallverhütung, Betriebsärzte, Betriebsärzinnen, Erste Hilfe, Rettungsstellen, Rettungsprotokolle.

3) Regeln der Technik (Sicherheitsregeln).

В специальной литературе представлены технические нормы (technische Normen, Werknormen und Bestimmungen). Мы выделили их как: а) **технические Schutzmaßnahmen**: Einbringen von zwingend nötigen Berührungsschutz, Schutzisolation, Schließen von Sicherungsabblenden zur Gefährtenstelle, isolierende Abdeckungen, Signal- und Meldeleuchten, Erdung и другие; б) **организационные Maßnahmen**: Aufstellen von Hinweis-, Warn- und Verbotsschildern, regelmäßiges und fachgerechtes Prüfen der elektrischen Anlagen und Betriebsmittel, Gefährdungsbeurteilung, Betriebsanweisung; в) **персональные Schutzmaßnahmen**: Schutzkleidung, Schutzhelm mit Gesichtsschutzschild, Sicherheitskappe, Standisolation, isoliertes und geprüftes Werkzeug.

4) Brandschutz (Brandbekämpfung).

Здесь речь идет об организационных мероприятиях и технических средствах, направленных на исключение возможности возникновения пожара, воздействия на людей факторов пожара и на ограничение материального ущерба от него: Elektrofachkräfte, Feuerwehreinheit, Löschmittel, Brandklassen A bis D, Brandfall, Verbotsschild и другие.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кубрякова Е.С. Ключевые понятия теории и когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова, Т.В. Дроздова // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания. – Рязань, 2007. – С. 8, 13.
2. Манский М. Фрейды для представления знаний. – М., 1979. – С. 150-153.
3. Новодранова В.Ф. Типы знаний и их репрезентации в языке для специальных целей (LSP) / В.Ф. Новодранова // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания. – Рязань, 2007. – С. 136-140.
4. Филдмор Ч. Фрейд и семантика познания? Новое в зарубежной лингвистике. – 1988. – №23. – С. 59-92.

О ПОНЯТИИ ПРОМЕЖУТОЧНОГО ИДИОМА В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ ЯЗЫКА

Хорошан Н.В.

Пермский государственный университет

Глубоко изучено представление о языке как функционирующей системе приводит к пониманию того, что диффузность есть вымеченное свойство языка, промежуточные же его социальные природы. Вот почему изучение социалингвистической парадигмы языка становится на продуктивную почву тогда, когда абстрактная модель имеет известные пределы идеализации, а теоретическое противопоставление языков не исключает наличия в реальности промежуточных зон взаимодействия между ними.

Учитывая, что «термин «идиом» используется в тех случаях, когда переводчики точно лингвистического статуса языкового образования затруднено ... или когда такое определение несущественно в рамках решаемой задачи» [Лингвистический энциклопедический ... 1990: 171]. Фундаментальным положением современной социалингвистики считается то, что национальный язык не представляет собой целостное явление, а реализуется в виде более или менее четко выделенных идиом, образующих иерархически расслоенную структуру. – литературного языка, обиходно-разговорной речи,

интернациональных и социальных диалектов и т.п.

В философских категориях отношения автономной идиомы – идиомы есть отношения «идеи» – «частное». Система идиом формирует социалингвистическую ситуацию, структура которой в разных языках определяется не только предметностью языковых значений, но и особенностями их взаимодействия. В действительности идиомы не являются изолированными образованиями, в связи с чем выделяются промежуточные языковые образования как locus взаимодействия основных идиом в составе национального языка.

Существование такого рода идиомы определяется диалектной философией, идущей непрерывного и непрерывного. Необходимо в целях исследования выделение идиомы дискретного компонента есть, таким образом, условие для изучения инварианта, процесса непрерывного взаимодействия разных языковых подсистем: «дискретное, будучи результатом становления, выражает объективное положение бытия, непрерывное – его изменчивость, становление переходов» [Прерывное и непрерывное 1983: 166]. Это означает, в частности, и в том, что непрерывное мы не можем изучать иначе, чем через эти дискретные формы [Палимов 1979].

Промежуточный идиом в системе национального языка мы определяем как дифференциальный функциональный интеграл какого-либо идиомы, реализован в единичных других идиомы. Иными словами, промежуточные языковые образования субстанционально принадлежат к одному идиому, а функционально – к другому.

Необходимо подчеркнуть, что выделение промежуточного языкового образования в качестве объекта специального исследования не дает оснований для представления его как чисто когнитивного. Промежуточный идиом – конструкт, в рамках которого объект изучения становится инвариантом и специфическим типом для исследовательского анализа. В то же время объект исследования может быть рассмотрен как дискретный элемент «прерывного» средства одного идиомы и другой.

Языковой предпосылкой взаимодействия идиомы служит то, что ни одна из языковых разновидностей не имеет таких средств, которые не могли бы быть в принципе языкоподобны в другой. По-видимому, таких промежуточных языковых образований может быть столько, сколько существует вариантов возможной интерференции между разновидностями национального языка. Социальной предпосылкой теории внутриязыковой интерференции является «двуязычность и многоязычность» горожан [Ларин 1977: 191], поскольку в распоряжении каждого горожанина имеется две или несколько языковых подсистем, взаимобусловленных разными социальными коллективами, в которых принадлежит горожанин.

Избирательность языковых подсистем еще более очевидна при изучении реальной городской речи. Абстрактно-типологическая система идиомы национального языка реализуется в сложной лингвистической системе идиомы. Если идиомы более или менее строго выделяются друг от друга на уровне системы и структуры языка, то в функционировании они отграничены далеко не столь резко. Особенно ярко этот процесс проявляется в интернациональных сферах языка. Поэтому для разработки проблем функциональной и социальной дифференциации языка характерен интерес к различным родам промежуточных идиом – полуидиомат, интердиалекта, интераргоизма, койне и т.п., которые формируются во многих современных языках и имеют социалингвистическую природу. Так, в современном русском языке в качестве промежуточных образований обычно выделяются такие идиомы, как просторечие, разговор и общий жаргон [Ерофеева 2005: 95]. Подобный промежуточный идиом может быть составлен, например, с общим арго в интернациональном французском языке.

Демократизация, характеризующая состояние многих языков, выражается в перемещении маргинальных, периферийных языков и жаргонов к центру системы, а, следовательно, в расшатывании литературной нормы, в усилении диффузных тенденций между формами существования языка. Еще Б.А. Ларин писал о том, что «возникновение любого языка может быть представлено как ряд последовательных оснаний, карьеризаций

[Дарин 1977: 176]. Однако, волны таких вариаций не совпадают по времени и размеру в разных языках.

Во французском языке, например, один из последних значительных периодов активизации взаимодействия арго и просторечия пришелся на конец XIX века (в последствии волнами в 60-е гг.). В русском языке такой период активного взаимодействия был связан с послевоенной эпохой (10-20-е гг. XX в.), а с середины 60-х гг. диффузия текстована между литературными подсистемами и литературной разговорной речью приняла особо интенсивный, гиперпрофилированный характер.

Неслучайно появление в конце 90-х гг. «Словаря общего жаргона», которому авторы дают следующее определение: это «этот пласт современного жаргона, который, не являясь принадлежностью отдельных социальных групп, с достаточно высокой частотностью встречается в языке средств массовой информации и употребляется (или, по крайней мере, понимается) всеми жителями большого города, в частности образованными носителями русского литературного языка» [Слова, с которыми... 1999: 4]. Иными словами, это довольно обширный корпус лексикона в фразеологии (выявляемый словаря фиксирует на меньшей мере 2,5 тыс. единиц), которые утратили такой признак, как корпоративность, т.е. закрытость на речевой практике ограниченных социальных групп. При этом характерна культурно-историческая «эволюция» наиболее употребительных слов общего жаргона (*басурман, русская, советской, рабских, боник, крутой, бис* и т.д.).

Что касается французского языка, то здесь впервые с концепцией общего арго (*argot commun, argot général*) выступил Д.Франсуа [François 1973: 624-625]. Однако идея об общем, «городском» арго, не обладающем свойством закрытости, высказывалась и другими лингвистами. Так, Ш.Балли определял арго как «яркую форму общедно-разговорной речи, имея при этом в виду ее секретные языковые образования преступников, которые он определял как жаргоны, а те арго-просто-арго-простые средства выражения, которые общедоступны и общеупотребительны» [Балли 1961: 242-243].

Общий жаргон и общее арго в русском и французском языках соответственно – языковые образования, промежуточные между социальными диалектами и просторечием, через которое они активно проникают в городскую разговорную речь. Жаргонизмы и аргоизмы приобретают тем самым новое качество: из подсистемы социально ограниченной лексики они переходят в разряд стилистически сниженной лексики, достаточной общественной и выходящей за пределы городской разговорной речи. Данные языковые образования в составе разговорной речи современного русского и французского город обителей обладают рядом черт, позволяющих говорить об их специфичности – промежуточности – положении в социологической структуре языка. Иными словами, единицы общего жаргона и общего арго по своей языковой и социологической природе уже не являются единицами социальных диалектов, но еще не вошли в состав разговорно-литературного языка на правах его нейтральных элементов. Таким образом, понятие общего жаргона/общего арго строится на пересечении социального и функционального членения языка: одним уровнем общий жаргон/общее арго связано с социально ограниченной лексической подсистемой, а благодаря другим входит в систему общенациональных стилистических средств языковой экспрессии.

По всей видимости, предельная пролонгация жаргонизмов и аргоизмов в другие языковые подсистемы талогены в оптологическом статусе жаргонов/арго, который диалектически сочетает в себе тенденции к замкнутости и к разномкнутости, присутствующие одновременно и в отношении свои «противополож» под влиянием социальной динамики.

Мы полагаем, что существуют основания для выделения общих, типологических черт данных явлений в разных языках. Для выделения русского общего жаргона и французского общего арго в качестве промежуточных языковых образований, отличных от социальных диалектов, существуют как социологические основания (утрата единичности социальной диалектов при распространении в просторечии такого признака, как корпоративность, т.е. закрытость на речевой практике ограниченной социальной группы), так и собственно

лингвистические основания (дестигматизация лексикона, сокращение синхронических разрывов между массовой дублетности и т.д.).

Наличие двух основанных в природе промежуточного языкового образования – стилистической и коммуникативной (динамической) обуславливает выбор методологических подходов при его изучении: с одной стороны, необходимо последовать объективно лингвистическую сущность данной лексики, с другой – ее функциональные характеристики.

Проблема методологии, как видим, в конечном счете приобретает философский, эпистемологический характер. Здесь возникает, по выражению Р.Балли, «важная проблема научных наук: как рассечь континуум на дискретные единицы без образования и методов, которые в результате оказываются противоположными» [Балли 1980: 209]. Решение этой проблемы мы видим в использовании вероятностных методов: при установлении корреляции языковой и социальной дифференциации наиболее продуктивным является представление о континууме носителей языка как о вероятностной динамической системе, образующей в некоторых аспектах социальных факторов, реальный эффект которых опосредован случайными колебаниями.

Что же представляет собой, в конечном счете, промежуточный идиом – инвариант, «предуготов» непрерывного взаимодействия основных идиомов, который может быть рассмотрен как особая языковая подсистема, либо это непрерывный процесс интерференции идиом, коррелирующей с динамичной внешней факторов? Очевидно, что и то, и другое, ибо, с одной стороны, социальное бытие языка характеризуется дискретностью, квантованностью, а с другой – оно непрерывно и целостно. Поэтому промежуточный идиом есть предельный компонент внутри единого непрерывного континуума языковой коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
2. Балли Р. Социолитература: Цели, методы и проблемы / пер. с англ. М.: Междунар. отношения, 1982.
3. Профессор Е.В. Вероятностные структуры языков: социологический аспект. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005.
4. Дарин Б.А. История русского языка и общего языковедения: избр. работы. М.: Просвещение, 1977.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / Изд-во языка. АН СССР, гл. ред. В.И.Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990.
6. Никитин В.В. Вероятностная модель языка: О соотношении естественных и искусственных языков / АН СССР; отв. ред. Д.Е.Баженов. М.: Наука, 1979.
7. Слова, с которыми мы встречаемся: Словарь общего жаргона / под ред. Р.И.Рощиной, О.П.Ершовой, Е.А.Земской. – М., 1999.
8. François D. Les argots // Le Langage: Encyclopédie de la Pléiade. Ed. Gallimard, 1973.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ: СОХРАНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОЛОРИТА ИЛИ ЭКЗОТИЗАЦИЯ

Челюс Н.П.

Рязанский государственный университет им. С.А.Есенина

Современный человек живет в культурной среде, складывающейся в течение истории. Эта среда представляет собой сложное явление, постоянно воздействующее на личность и определяющее его мировоззрение, поступки и мышление. Одним из элементов

той культурной среды, являющимся одновременно и результатом развития цивилизации, средством фиксации ее истории, и одним из средств ее формирования, является язык.

Коллекция и информативность являются теми существенными свойствами языкового знака, которые лежат в основе его важнейшей функции наряду с коммуникативной – функцией коммуникативной. Язык в этой функции выступает связующим звеном между поколениями, служит «хранителем» и средством передачи межпоколенного коллективного опыта.

Наиболее ярко коммуникативная функция проявляется в области лексикона, так как именно она непосредственно связана с предметами и явлениями окружающей действительности. Лексическая система в большей мере, чем, скажем, грамматическая, обусловлена явлениями материального мира, социальными факторами. Прежде всего, а лексика отражает фрагменты социального опыта, обусловленного основной деятельностью данного народа. Можно сказать, что существование тех или иных лексических единиц обусловлено практическими потребностями.

В семантике каждого языка есть отражение как своеобразия культуры конкретного народа, так и общего, универсального компонента культур. Последний обусловлен единством видения мира людьми разных культур: в любой культуре говорящие воспринимают в реальности субъекта действия и его объект, предмет и признака, тех или иных пространственных и временных отношений. Итак, общее видение мира у всех народов одинаково, но в культуре каждого народа существуют явления, понятия, предметы, несущие только этому конкретному народу, связанные с его историческими, географическими, социально-политическими и другими условиями бытования.

При изучении национально-культурного сознания языка, т.е. особенностей общественного устройства, обычая данного народа, искусства, литературы, науки, быта, фольклора ученые уделяют особое значение лексике.

Верное понимание художественного текста зависит от знания культуры и истории народа, на языке которого создавалось литературное произведение. Социокультурный код определенной национальной общности имеет свои особенности, отражающиеся в лексике, и составляют в ней фонему информации, передающую сведения о национальных формах и проявлениях духовной и материальной культуры. Содержание фонемной информации складывается, прежде всего, специфические факты истории и государственного устройства национальной общности, особенности ее географической среды, характерные предметы материальной культуры прошлого и настоящего и т.д. – т.е. все то, что в теории перевода обычно именуют реалиями. Языковые реалии как национально-специфические элементы национально-культурного аспекта текста вызывают наибольшее затруднение в процессе перевода как акта межкультурной коммуникации.

Очевидно, что если мы рассматриваем исторические реалии, необходимо пояснить, что мы понимаем под термином, на основе которого мы строим свое исследование. Под историческими реалиями понимаются реалии-слова и словосочетания как элементы специальной лексики русского языка. Эти языковые знаки используются для обозначения в переводе предмета и вальной исторической культуры, характерных для России, и не имеют общепринятых переводческих эквивалентов в английском языке, приходящих в различных контекстах.

Анализ переводов классических произведений русской литературы показывает, что переводчики используют различные приемы передачи на английский язык русский исторический реалий. Один из них – транслитерация предполагает перевод лексической единицы оригинала путем ассоциации ее графической формы или фонемной системы с помощью букв ЛП. Например: kokoshik, tsigania, tsolnar, tsupuk, tsoidy, uzbekiskiy.

По отношению к ограниченному языковому сознанию русского читателя большинство реалий-исторических реалий приобретает характер отчужденности. Обобщая приемы и явления отдаленной эпохи, не будучи себе, большинство таких лексических единиц вышли из активного употребления носителей русского языка. Таким образом, основными

использования транслитерации подобных исторических реалий и английских текстах перевода может служить развитие положения этих слов в общей лексической системе языка оригинала и языка перевода. Многие образования путем транслитерации русского исторического реалий являются зарегистрированными словарными единицами английского языка (согласно данным RHD, OED, WNSCD, Кабанов, 2002). Но даже когда у реалий есть словарный эквивалент, переводчик не всегда может быть уверен, что он входит в реальный словарь изучателя перевода. И здесь сопоставительный анализ показывает, что переводчики часто сопровождают транслитерируемые реалии (зафиксированные в словарях) прописными и выделают их курсивом. Например:

...как он следил это делать лет тому назад по отношению дуэнт джентль отомской земли... [Толстой «Воскресение»]

...as he had done ten years ago with the two hundred *djentrin** that came to him from his father. (*about of an acre – Tr.) [UT – unknown translator]

Различения, проводимые нами в круглых скобках, обычно диктуют переводчиками либо в скобках, либо в соответствующих комментариях в конце книги.

Тройку лошадей, мезка, но сараями, с густыми обитыми гривами, вынул он на дворе, у богатого *мушана*, [Букин «Гриватина любви»]

The *troika** of small but well-broken horses he had hired in the village, from a wealthy *muschan*. (*three horses harnessed abreast – Tr.) [per. B. G. Gurevich]

«Взъезд с козакской, но и для моего *тураница* есть тройка», – хлопотливо говорил Николай Петрович... [Тургенев «Отцы и дети»]

"I came here with the carriage, but there are three horses for your *turaniac** also," said Nikoia Petrovich fustily... (*a rustic traveling carriage – Tr.) [per. B. Hare]

Баба выйдя, баяла, оделется в *сарфаны*, галунами обиты [Толстой «Казань»]

The women used to come out in their *gold-trimmed sarafans**. (*A kind of gaudy dress worn over a blouse of different material. – Tr.) [per. R. Duglish]

Реалии могут в той или иной степени выделиться в исходном тексте. Как справедливо отмечает А.Д. Швейцер: «...транслитерация используется в тех случаях, когда смысловая нагрузка данной единицы в контексте высказывания достаточно высока, т.е. когда обозначаемое ею понятие является предметом сообщения и поэтому не может быть опущено или кодировано иным-либо преобразованным» [Швейцер, 1973: 254]. Это касается, прежде всего, реалий нерусских по своему происхождению, отражающих характерные черты национальных культур ряда народов нашей страны. В неосложненных примерах сами авторы оригинальных произведений сопровождают лексические реалии объек и курсивом прописными, объясняя их значение возможно непонятным для читателя оригинала лексическими единицами:

...казав каждый час оказали переправу в направлении *абессон** с татарской стороны... (*Абессон называется немечной чеченцы с целью возврата или грабежа переправившейся на русскую сторону Терек – Прим. Л.Н. Толстого) [Толстой «Казань»]

... the *Cossacks* expected *abroks* to cross over and attack them from the *Table* side at any moment... [per. Louise and Asfmer Maude]

Приветствую аманда у забора, он возвел ко мне; в почтительном его чаше, потому что коту рыбойной он, а все-таки был мой *кушак**. (*Кушак значит – приветств – Примеч. М.Ю. Даремонтова) [Даремонтова «Герой нашего времени»]

Young his horse to a fence, he came to see me and I regarded him with tea, for scornful *tsaid* he was, he nevertheless was a *tsaid* of mine [per. Martin Parker]

Как мы видим, для передачи значений соответствующих реалий переводчики используют прием транслитерации (а М. Паркер еще и выделает реалию курсивом) с тем, чтобы привлечь к ним внимание читателя и сохранить национальный колорит оригинального произведения в соответствии с одним из основных требований прагматик – требованием полноты впечатления. Такие реалии можно назвать экзотизмами. В нашем случае это – лексические единицы, которые характеризуют специфические национальные особенности

жизни разных народов и употребилась при описании русской действительности. Означительной особенностью явления является то, что оно не имеет русских синонимов, поэтому образные в нем при описании жизни иных народов представляются необязательными. В романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» действие развивается на Кавказе, и автор широко использует различные кавказские реалии для достоверного воссоздания соответствующей действительности. И *дыбы* предельно точно транслитерировано как способ перевода таких реалий. Рассмотрим пример:

Кавказу ты будешь владеть конем; только за него ты должен отдать мне коняру Каврагу
 I swear you'll get the horse, only you have to give me your sister Bela in exchange
 Каврагу shall be her *dyby*! (*'properly given under tribal customs by a man for his bride' - Tr.) [пер. M. Parker]

I swear that you will own that steed; but in return you must give me your sister Bela
 Каврагу will be the *dyby* [bride money] [пер. V. Nabokov]

dyby - это же идиоматический, а значит...

The *dyby*! * he wore was always torn and patched... (*short quilted jacket - Tr.) [пер. M. Parker]

His *dyby*! * was always in tatters, all patched up... (* A kind of smock made of felt or cotton, generally belted and worn by Cossacks over the shirt. Over this, come 2 or 3 other garments, loosely opened and thus revealing the *dyby*! - Tr.) [пер. V. Nabokov]

То же самое можно сказать и о переводах повести Л.Н. Толстого «Кавказ»: За Терском виден дым в дыбу...
 Beyond the Terek rises the smoke from a Chechen *dyb**... and the mountains! (*Chechen village - Tr.) [пер. R. Daghlish]

«Вот дай срок, их предки будут, войду в Герей-хану в гости, *dybu* пить, - сказал Дукама...»
 "Just wait a bit, and when their foot comes round I'll go and visit Gerei Khan and drink *dybu* with him," said Lukashka... (*Tatar beer made of millet) [пер. R. Daghlish]

"Just wait a bit, and when their feast comes round I'll go and visit Gerei Khan and drink *dybu* there," said Lukashka... [пер. Louise and Aylmer Maude]

Рассмотрев данное пример, необходимо подчеркнуть, что кавказские реалии в в подлиннике несут более интенсивную семантическую и стилистическую нагрузку. Во всех приведенных примерах реалии-историзмы являются основным средством национализации в исторической стилизации при воссоздании действительности, описываемой в оригинале, а транслитерация как раз и подчеркивает стилистическую активность реалии и тем самым усиливает эмоционально-экспрессивный оттенок оригинала, чем, например, расщепление реалии стилистическим путем.

Следует, однако, отметить, что многие теоретики перевода подчеркивают необходимость умеренного использования транслитерации при переводе литературных произведений. Злоупотребление этим приемом отрицательно сказывается на качестве перевода, в результате чего становится невозможным верно понимание коммуникативной интенции автора, а следовательно, и адекватное восприятие читателем текста перевода. Это явление И.А. Кашкин называет «тринировкой, костюмерией и бутылочной для национальный колорит» [1968: 397], а Ж.-П. Виле и Ж. Дарбессье – «дешевым колоритом» [1978: 165]. Критикуя такого рода злоупотребления переводческой транслитерацией в переводах произведений Ч. Диккенса, опубликованных в тридцатых годах прошлого века, выдающийся русский литератор, переводчик английской и французской литературы на русский язык Нора Галь писала: «Намеренно, упорно переносит в русскую книгу, в русскую речь непривычные слова из чужих языков в уверенности, что слова эти будут бы и интересными - и переводить их вообще не нужно!... чуть не до постраницы загромождает

перевод самого Диккенса, в сноски и примечаниях к "принципиально" оставленным без перевода словам, объясняями тем, что же должны означать *дыбы*, *амбары*, *поземелье* и прочее» [Галь, 2001: 49 - 50].

Результаты нашего исследования показывают, что переводчики (и русские и иностранные) стараются избежать излишней экзотизации текстов перевода. Применение транслитерации русских исторических реалий, которые в том же принадлежат к классическому материалу языковой системы подлинника, в рассмотренных переводах довольно ограничено. В большинстве случаев такие транслитерированные реалии соотносятся соответствующим эквивалентом (у русских и иностранных переводчиков).

Перевод много - все люди загораются, с обстриженными лицами, в *поджарках* и длинных *шартах* [Лунин «Антоновские облака»].
 They were many people there - all shaven men with wendherbotten faces, dresses in *podzharok* and top-boots. (*Podzharok - a long, collarless coat, lined and gathered at waist, worn with a sash or belt. - Tr.) [пер. O. Shartsel]

Еще в своих суда она перелада им двадцать копеек, проси купить два *дыбу* и папирос [Диккенс «Воскресение»].
 Before she left the corridor she gave one of them twenty copecks and asked him to buy her two *dyby*, and some cigarettes. (*bread baked in a fancy shape) [UT]

От скуки... я сделал попытку познакомиться с местной интеллигентной в лице... некоего *дриндана* и конторщика соседнего имени... [Куприн «Олеся»].
 Out of boredom I tried... to make the acquaintance of the local intellectuals, to wit... the land *drindan*, and a clerk of the neighbouring estate... (*Rural police-officer. - Tr.) [пер. S. Aronson]

Ввиду недостаточной компетенции переводчика комментарии и примечания переводчиков часто очень подробно содержат описание внешнего вида, способе функционирования, области применения того или иного предмета или явления.

Иван Петрович привужден был отменить *барачину* и учредить весьма умеренной *айко*... [Пущин «Повести алкобного Ивана Петровича Белкина. От издателя»].
 Ivan Petrovich was compelled to abolish the *barachina* and introduce instead a very moderate quit-rent... [пер. A. Myers] (*quit-rent: depending on the conditions set by their masters, Russian serfs were required to pay quit-rent (*obrok*) as assessed on the property they worked, the alternative system was payment in kind (*barachina*))

Он же приказал своим крепостным бабам носить *колосники* по высланному из Петербурга образцу... [Тургенев «Два помещика»].
 And he also commanded his peasant women to wear *kolosniki* made after a pattern sent from Petersburg... [пер. I. Hargood] (*The *kolosnik* is the round, crescent shaped head-dress of the peasant women. It varies in shape and appellation in different districts, *kolosnik* being the generic name. The *isko* is tall and pointed in front, like the mitre of a Roman or an Anglican bishop.)

Кроме того, в некоторых случаях переводчики вводят непосредственно в текст оригинала дополнительную пояснительную информацию. Например:

Буцаба... асаул созыва всех *солдатов* и весь молодежь чин, кто только был налицо... [Тургенев «Тарас Бульбач»].
 Bucaba... ordered all the *soltdaks* or captains of hundreds, and all the officers of the band who were of any consequence, to be summoned... [UT]

Камерю затерла на замок, названнаго своим видом *едань*, только черной... [Тургенев «Муму»].
 The jarret was locked up by means of a padlock that looked like a *kalatch* or basket-shaped lock, only black... [пер. C. Garnett]

Евким редко-редко где показуется сероным, то уже связан с кордоном и меченым *едань* с удивлением и любопытством смотрит на верхомах... [Толстой «Кавказ»].

If very occasionally mounted men appeared, the Cossacks in the cordon and the Skoblevs in their gait (village) watched them with unbridled curiosity... [пер. Louise and Aylmer Mandel]

Также добавлена обескураживает понимание невозможности реалий, обозначающих повествование восприятие отсутствующее у читателя перевода (но необходим для реалий внутри самого текста имеет огромное преимущество перед другими способами объяснения, так как в этом случае повествование органически встраивается в ткань текста. Благодаря им переводчик получает возможность не перегружать текст комментариями и сносками.

Такой образ, во всех приведенных примерах переводчески транслитерация сочетается с описательным переводом.

Однако, как показывают исследования, транслитерация безэквивалентных лексических единиц не всегда требует включения в текст перевода дополнительных пояснительных элементов. При всей возможности слова, употребляемого поэтом или очеркщиком, в котором оно употреблено, может достаточно четко перевести значение такой реалии.

- Пролучили игра, - сказал Колосов о теннисе, - горло желейе была шипа, как вы играли в детстве [Полный «Восточник»].

"Tennis is a dull game," said Kolosov; "we used to play *shipa* when we were children" [пер. L. Mandel].

Даже Минай, провинциальный музык с черной, как уголь, бороною и бородою, пасомый на тот испанский самбур, в котором варится *сбипца* для всего провинциального рынка... [Горько «Мертвые души»]

Uncle Minai is a peasant with a pair of broad shoulders, a beard as black as charcoal, and a belly like the huge samovar in which *shipa* is brewed for all attending a local market... [пер. D.J. Hoegard]

Когда его поймали, он вел себя так, что им долго восхищались по всему Удзу... [Вуши «Дурная»]

When he was caught, he comported himself in such a manner that he became the talk of the whole admiring *uzed* for a long time [пер. O. Sharov].

В приведенных примерах контекст естествен и не полностью раскрывает смысл соответствующего слова, но всё же позволяет отнести эти реалии к определенному кругу значений, вынести их родовую принадлежность.

Основная причина применения транслитерации как способа перевода исторических реалий заключается в языковом факте – отсутствии в языке перевода эквивалентности (термин А.А. Реформатского), имеющейся в языке оригинала. Переводчик транслитерирует эти реалии, так как в английском языке для них нет прямых соответствий за-за отсутствия в обиходе английской действительности названий или вещей, предметов, явлений.

Однако, учитывая специфику анализируемых лексических единиц, их роль в передаче национально-исторического колорита соответствующих оригинальных произведений, можно было бы предположить, что переводчики будут широко использовать транслитерацию для передачи на английский язык русских исторических реалий. Тем не менее, как показывает материал нашего исследования применение этого способа перевода заметно снижается (7,8% и 8,1% случаев у русских и иностранных переводчиков соответственно).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вайсбург М.Л. Реалии как элемент страноведения. // Русский язык за рубежом. - 1972. - №3. - С. 98 - 100.
2. Вино Ж-П, Дарбевин Ж. Технические способы перевода. // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. - М: Междунар. отношения, 1978. - С.157 - 167.
3. Галь Н. Слово живое и мертвое. - 5-е изд. доп. - М: Междунар. отношения, 2001. - 388с.

4. Ковалева И.А. Для читателя современника. Статьи и исследования. - М.: Сов. теория, 1984. - 564с.

5. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. - М.: Восток, 1973. - 280с.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ:

1. Кабанов В.В. The Dictionary of Russia (2500 cultural terms). Англо-американский словарь русской культурной терминологии. - СПб.: Изд-во «Солон», 2002. - 576 с.
2. OED - Oxford English Dictionary, 3rd Edition, 3rd version, 2002.
3. RHD - Random House Unabridged Dictionary, 3rd version, 2002.
4. WNCID - Webster's Ninth New Collegiate Dictionary (unabridged). - A Merriam Webster, 1988.

В ПОИСКАХ ИСТИНЫ

Шарафутдинова Л.Р.

Башкирский государственный университет, г. Нефтекамск

В изучении истории распространения ислама большое значение имеет изучение суфизма – религиозно-философского, социально-исторического, нравственно-эстетического учения в рамках ислама, представителем которого считают возможным через посредство личного психологического опыта непосредственное духовное общение (погружение или осознание) человека с Богом. Оно достигается путем жеста или внутреннего озарения, посланных человеку, идущему по «пути» к Богу с любовью к нему и к миру.

Суфизм как религиозно-философское, социальное, нравственно-эстетическое течение зародился в мусульманских странах в VIII в. и получил широкое распространение среди мусульман. Истоком его проследиваются уже в VII в., когда и впервые возникает движение *таухид*, которое ученые считают первой ступенью суфизма. Это течение сформировалось на почве протеста против накопления богатств и отдаления руля, обогащения землевладельцев. Религиозная практика суфиев сводилась к многократным молитвам и постам, отграничив от всего мирского, культу бедности и т.д. Самыми последовательными последователями в VII-IX веках были Хасан Багери, Василь бен Ати, Рабах Адвия и др. «Уже то, что тебе дано отпавшейшей обреченности, противоречило канонам ислама» (Бакин 2005: 131).

Постепенно в этом аскетическом течении истоки стали нарастать мистическое настроение в виде чувства всеобщей тоски к Богу, чувства бесконечной любви к нему и стремления к соединению с ним. Существенный вклад в развитие суфизма и организационном направлении внесли Раби (ум. в 801 г.), что любовь к возлюбленному прервалась (в поисках земного равенства и счастья) в любовь к Богу, в те песни и танцы – в своеобразный путь к сплочению с божественной Истиной. Уже сам выбор народных песен и танцев и название средств достижения Истины был достаточно по отношению каноном ислама [Литература Востока в средние века 1970: 89]. Так формируется второй этап суфизма – *таухид*.

Святость места (места) была отброшена, как и посредничество духовности между Богом и человеком. Каждый человек, отныне он шел к самому высшему сословию, мог непосредственно «общаться» с Богом, «сливаться» с ним. Так, в IX веке начал оформляться третий этап суфизма – пантеизм, религиозно-философское учение о единстве материального и духовного мира. Согласно этому учению, Бог – это сама природа. Тем не менее суфиев «я есть Бог» или «Все есть Бог» вел к познанию божественного начала в человеке, что подобно Божеству. Эти идеи открывали суфизм дорогу к свободе действий, свободе мышления. Известно о этих взглядах и действиях заключаются одно из главных противоречий суфизма с ортодоксальным исламом (Бакин 2005: 139).

В X-XI веках суфийская арабика систематизируется и приобретает весьма упорядоченный и стройный вид (учение о Пути, его «составных» и «достоинств», концепция нравственного самосовершенствования). В XII-XIII веках окончательно формируется суфийский орден, братство, где суфийи абсорбирует в себя и адаптирует идеи античной философии, христианства, зороастризма, соединяя их с местными культурными традициями. В это же время появляется грандиозный философский синтез суфийского мировоззрения, осуществленный Ибн ал-Араби. В X-XIII на. окончательно складывается суфийская терминология, символизм и метафоричность, что обусловило мозаичную природу суфийства на арабскую и персидскую поэзию, многие образы и идеи которой заимствованы в суфийском контексте.

Суфийи, его философия, образ мышления, воображительные возможности способствовали интенсивному развитию средневековой персидской и арабской литературы. Основновоплодителями суфийской литературы являются Ансари, Саади, Ф. Аттар. Так же как и суфизмом в разной степени были связаны и такие выдающиеся поэты-мыслители, как Низами Гянджеви, Д. Руми, Амир Хосроу Дехляви, О. Хайям, Хафиз, А. Джамал.

Говоря о суфийской литературе, необходимо упомянуть и о турецком мистике, который составляет значительную часть в истории развития и распространения суфийской поэзии.

Первым великим представителем суфийской литературы на турецком языке был Ахмет Ясави (ум. 1116). «Хисолати» Ахмета Ясави – первое из известных речений суфийской мудрости, написанных на турецком диалекте района Ясым на территории современного Узбекистана.

Творчество Д. Руми оказалось жизненно важным для развития турецкой суфийской литературы. Д. Руми всегда играло творческую роль, сам же его Султан Велик в своем «Диване» проявил мастерство владения турецким языком. Но поэтом, впервые сложившим родной язык средством выражения суфийской мысли, был современник Султана Велика – Юнус Эмре, живший в центральной Анатолии. Он оставил Турцию в наследие современнику своим простым, окрашенным глубоким чувством, запечатленным в замечательных стихах.

Поэзия Юнуса Эмре отражает различные стадии прохождения Пути суфийи – аскетизм, одиночество в этом мире, терпение, страх, надежда, упование на Бога, неуверенность, которую он испытывает до тех пор, пока не обретает мир в чистой безопасности рядом со своим великим.

Часто его стихи отражают всеобъемлющее космическое сознание. Поэт ощущает, что и «этот» и «тот» мир исполнен Божьего величия и – в то же самое время – не возлюбленная скрыта в его собственном сердце. Это позволяет ему осознать единство бытия, т.е. восприятие Бога в душе человека (третьей ступень суфийи) является основным признаком его творчества.

Вместе с горами, вместе с каменьями
Я кляну к Тебе, Господи, о Господи.
Вместе с птицами предпрельстившими
Я кляну к Тебе, Господи, о Господи.

Вместе с рыбами и жуками,
Вместе с газелью, свободю беззастенчиво по степям,
Низкая мистический язык «О, Ого!»
Я кляну к Тебе, Господи, о Господи

или

Вот говорит рай, рай –
Несколько двария, несколько гурей –
Одней его тем, кто туда стравится.

А мне нужен лишь ты (мой Бог).

Впоследствии турецкая суфийская поэзия, посвящая поэтикой народному творчеству, творчески отражала в литературном наследии Кайхусузу Абдула, Йозула Эмре (ум. 1973). Такие образы, беззаветная вера в Бога, которой учили суфийи, во многом сформировала мировую религию и в столице Стамбуле, и в забытых Богом деревнях Анатолии.

В литературе суфийи выступил во всем разнообразии тонов и играл важную роль в зависимости от личности своего автора, его идейных позиций. Одни использовали традиционную суфийскую символику в ее прямом смысле, а другие под прикрытием суфийской образности поднимались до обличения современной им действительности. Суфийи служил основным мистическим каналом проникновения гуманистического идеала в искусство и политику, протестовал против тирании и религиозных догм, проповедовал дружбу и единство людей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ясави Р.И. Великие люди в литературном наследии Востока. – Уфа: Гилем, 2005.
2. Литература Востока в средние века. ч.2. - М.: Издательство Московского университета, 1979.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЦЕННОСТНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ КОНЦЕПТА «ДИЗАЙН» В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

Шестернина В.И.

Волжский институт строительства в технологиях

Сегодня можно с уверенностью сказать, что общество находится в стадии отеческого дизайна, что выражается в доминировании слогана современной цивилизации: «дизайн». Надбавство. Дизайн. Лексема дизайн, заимствованная из англо-американской культуры в составе строительного термина *industrial design*, прошла в русской языковой среде за пару десятилетий путь от модного термина до номинанта ситуативной культуры, получившего метапрофессиональный статус и включающего обширное поле значений. Понятийная, образная и ценностная составляющие лингвокультурного концепта «дизайн» не только фиксируются в лексикографических источниках, но и находят многофакторное выражение в обиходном и институциональном общении.

Легкое воплощение концепт «дизайн» получает в такой разновидности институциональной коммуникации, как рекламный дискурс, что объясняется связью процесса его зарождения и развития с формированием постиндустриальной цивилизации. Одной из черт постиндустриализма выступает переход от производства товаров к производству услуг, который ведет к становлению дизайна и рекламы как самостоятельных видов профессиональной деятельности и конечных составляющих производства [Иноземцев 2006]. Дизайн и рекламу объединяет множество свойств, они: 1) связаны с массовым представлением и потреблением; 2) зарождаются при доминировании предложения над спросом; 3) актуализируют потребление товаров и услуг; 4) ориентируются на массовое население; 5) апеллируют к адресату с целью получения прибыли; 6) символизируют богатство и успех; 7) актуализируют основные приоритеты человека.

Наличие общих признаков позволяет рассмотреть рекламные тексты в качестве типичного исследовательского материала при изучении концепта «дизайн». Функции номинатива в рекламном дискурсе [Бабаска 2004; Карасик 2002; Кочетова 1999] определяют приоритетность аксиологического направления при его изучении. В институциональном типичном рекламном дискурсе, связанный с различными видами человеческой деятельности, не просто предлагает товары и услуги, но и переводит их в сферу ценности ориентаций

[Кочетова 1999:25]. Реклама, с одной стороны, опирается на уже сформировавшуюся известную базу восприятия, но, с другой стороны, является новым манипулятивным средством воздействия, которое направлено на создание новых ценностных ориентиров аудитории. Рекламный текст формирует общественное мнение и по своему главному предназначению является глубинным перформансом, структурирующим интерес потребителей [Почепцов 2001:297].

Базовыми целями рекламы являются: 1) информирование о товарах и услугах, соответствующих социальному статусу клиента; 2) воздействие на поведение людей; 3) формирование и закрепление в сознании потребителей ценностей, определенных культурой [Кочетова 1999:24]. Для их достижения рекламные тексты часто апеллируют к концепту «идеализм», который соотносится с рядом ценностей современной русской культуры. Задача настоящей статьи состоит в исследовании ценностных характеристик концепта «идеализм» на материале текстов рекламных объявлений.

Рекламные тексты, включающие лексему *дизайн*, *дизайнерский*, *дизайнер*, по целенаправленности можно разделить на две группы. Первую составляют объявления, в которых для продажи предлагаются результаты профессиональной деятельности дизайнера, в роли объекта рекламы выступают непосредственно дизайнерские услуги, например *Дизайнер профессионал своего дела, предлагает разработку дизайн-проектирования и общепонятным неакадемическим языком подтверждает, что «идеализм» является синонимом метапрофессионального концепта «услуга» [Прищепина 2006]. Сочетание номинантов вызывает объекты дизайнерской деятельности: *Профессиональная студия веб-дизайна «WebProf»; Студия Графического Дизайна; Дизайн интерьера; Дизайн-проект оформления дома; Проекты интерьеров; Высший уровень услуги конструкторов. Его плоды доказаны тысячами людей. Многогранность и разнообразие наименований указывает на актуальность концепта «идеализм» для русскоязычного общества.**

Анализ объявлений с рекламой собственно дизайна показывает, что их авторы прибегают к таким стратегиям, как интерпретация понятия «идеализм», выделение признаков качественного дизайна, позиционирование исполнителя услуги как профессионала, презентация объективной дизайнерской профессиональной деятельности. *Услуги дизайнера сейчас не продвигают разве что лодочники! Дать определение работы дизайнера очень сложно. Этим пользуются многие «шаро-дизайнеры» – сегоднешнее название коммюнер на украинском языке и мучившиеся простым термином в Корее и Финляндии. Мы также продаем услуги дизайнера и используем opinion работы в сфере дизайна, искусство международного сотрудничества и мирады в области дизайна. В их распоряжении профессионализм, современное оборудование Apple Macintosh, качественные материалы, новейшие технологии обработки изображений и свои фото-сервисы.*

Вторую группу рекламных объявлений составляют тексты, которые включают лексему *дизайн*, *дизайнерский* и *дизайнер* в связи с характеристикой и презентацией другого объекта, они апеллируют к концепту «идеализм» опосредованно. Авторы не предлагают собственно дизайнерские услуги, а опираются на аксиомы дизайна для переноса его ценностных признаков при акцентировании достоинств рекламируемых товаров и услуг. Тексты данной группы представляют истинный аксиоматический интерес, т. е. позволяют выявить аксиомы концепта, сформированную высшим классом сознания. При их рассмотрении выделяем следующие ценности дизайна, которые выступают средством манипулятивного воздействия в рекламе: эстетические, утилитарные, социальные, экономические, витальные, эмоциональные.

Доказательство эстетической ценности в когнитивном ядре концепта «идеализм» [Шестерина 2009] определяется широкой представленностью данного смыслового компонента в рекламных текстах. Авторы объявлений предлагают обратить внимание на внешний вид предмета. При описании названного вида предлагают сделать выбор в пользу красоты, формы, цвета, звука, движения: *Современный и стильный дизайн комбинаторов – это*

определение через Estheticus. Личные качества выделены в различном цвете: серебристый, медно-красный, лавандово-розовый и голубой. Эстетичность и красота как характеристики, наиболее тесно связанные с объектами дизайна через различные виды ассоциаций, обеспечивают максимальную сочетаемость с другими ценностями смыслами. Красота, с которой для себя! Для тех, кто ценит уют и комфорт. Кому нужна не только форма... Дизайнер в одежде KAPPA – воплощение качества и стиля. Максимально привлекательной. Для не только сейчас, для себя и своего, но и узором самой почитаемой материи.

Рекламодатели обращаются к лексическим номинантам концепта «идеализм», манифестируя утилитарные мотивы и стремления, в частности, желание получить качественную вещь, приобрести качественный товар, создать необходимые человеку удобства: *Для их проблем KBE изобрел 70 см модуль Van Maximus Comfort благодаря новейшей модели и технологиям, современному дизайну, надежности и функциональности. Утилитарные ценности репрезентированы концептами «комфорт» и «услуга».*

Социальные ценности апеллируют к функциям, которые выполняет человек как член общества, к его социальным ролям и месту в составе референтной группы. Дизайн может выступать регулятором поведения и взаимодействия людей, дает возможность самовыражения, предоставляет себе другим в своей неограниченности: *Изготовленные вручную мебель из дерева, камня, металла, пластика, стекла и т.д. Зеркало и индивидуальным дизайном. Товары с индивидуальными деталями позволяют потребителю утвердиться своей значимостью, уникальностью. Рекламодатели гиперболически акцентируют отдельные свойства товара: *Японская материя King Koi Fish разработана специально для любителей. Эксклюзивный дизайн мебели безупречности и мастерства, антистатические и водонепроницаемые свойства, натуральные материалы и безупречное качество являются синонимами премиальной продукции для детей. Легкая эксплуатация – не просто вытка с английского языка и синоним русского слова «эксплуатация». Этимологически эти единицы являются синонимами, термин образован от латинского *disco*, означающего «изучаю, знаю». От него произошли слова, являющиеся синонимами в русском языке. Акцентируя в сознании исключительный, исключительный дизайн, апеллирует стремление получить отличный товар или услугу.**

К социальным ценностям обращены термины аксиоматически значимые смыслы новизны, моды, ориентации на будущее. Новизна позволяет проецировать объективные стандарты и ценности жизни, создает иллюзию заботы о своих ощущениях: *NF SONATA с обновленным дизайном. Легко перемещать по всему дому, компактен с удобной переносимостью. Мода выступает маркером успеха, удаче, престижа: *Твой проем был гуччи. KIA SORENTO. Настоящий ритмический дизайн с простыми дизайном и большой функциональностью. Будущее определяет желание получить предметы, технологически совершенствующие время: SUZUKI-MOTOR, Спортивная и будничная. Будущее автомобилестроения акцентировано – это новый Suzuki SUV. Сяди с современным дизайном. Выбери Вам возможность наслаждаться каждой минутой, наслаждаясь в будущем.**

Хороший дизайн следует выбирать интеллектуальные экономические ценности, он связан с продуктивностью использованием капитала: *Продуктивный уют паркетной доски или паркетно-плиточных панелей? Экономический выбор обрывается с индивидуальной горной, которая используется в рекламе для манипулятивного воздействия: *Спортивный дизайн и все необходимое функционирование по очень привлекательной цене – это искусство и функциональный дизайн IG. С другой стороны, дизайн – это дорога успеха, в которую вкладывают деньги. Как декорировать свое жилье и не забыть про дизайн? Как инвестировать в будущее? Как декорировать свое жилье и не забыть про дизайн? Как инвестировать в будущее? Как декорировать свое жилье и не забыть про дизайн?**

Витальные ценности являются мотивом при приобретении товаров: 1) для здоровья, интеллектуальной концепции здоровья образа жизни: *Современные материалы, модный и функциональный дизайн дарит Вам комфортный сон и покой для красоты.*

и здоровья. Исследования показывают, всегда здоровый сон; 2) ради безопасности. Давать алкоголь и безопасность продукции. *Mittel* Contrast переделали изображение рекламы рекламы немецкой мебели.

Эмоциональные ценности связываются с позитивными чувствами и переживаниями человека, которые возникают при восприятии предмета с хорошим дизайном. Дизайнеры *Schönbühler* подчеркивают в своих коллекциях чувственность и эстетику, которые должны пробуждать предмет дизайном. Представление положительных эмоций как результатов приобретения товара является одной из стратегий рекламного дискурса.

В завершении отметим особенности дискурсивного представления ценности, связываемых с концептом «идеал» в рекламных объявлениях. Во-первых, в отличие от профессионального сознания и словарных дефиниций, где эстетичность, функциональность и экономичность выступают признаками понятия «идеал», в рекламе эти качества, представляющие восторг массовым сознанием, номинируются на лексемы, олицетворяют самостоятельные свойства и функционируют с единой идеей как вставки одного текста, например: *Мебель «Триба» – это идеальная среда для жизни, удачное сочетание функциональности, эстетического качества, добротного дизайна и функциональности*. Во-вторых, обнаруживается тенденция к комбинированной репрезентации ценностей, которые представляются реципиенту на изолированно, в через сочетание во определенном модели. В выделенной модели комбинаторики ценностных смыслов мы видим перспективы проводимого исследования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бабанка Е.В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира: Автореф. дис. ... 4-я физ. наук. Волгоград, 2004.
2. Невозинина В.Л. Современное постиндустриальное общество: эволюция, противоречия, перспективы. М.: Логос, 2000.
3. Каркина В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
4. Кочетова Л.А. Лингвокультурные характеристики английского рекламного дискурса: Дис. ... канд. физ.-мат. наук. Волгоград, 1999.
5. Печенин Г.Г. Коммуникативные технологии двадцатого века. «Рефа-бук», Е.: «Валар», 2001.
6. Прищепко М.В. Метапрофессиональный концепт «услуга» в обиходном и институциональном дискурсе: Автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук. Волгоград, 2006.
7. Шестернина В.И. Лингвокультурная специфика концепта «идеал» // Антропологическая лингвистика. Вып. 12: Сб. науч. тр. Волгоград: Коллегия, 2009. С. 157-164.

НЕМЕЦКАЯ ПАРЕМИОЛОГИЯ В ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ

Шажени О.Н.
Астраханский государственный университет

Изучение паремологии как отражения менталитета определенного этноса имеет огромное значение в настоящее время, поскольку пословицы и поговорки, являясь достоянием народного менталитета языкового сознания, становятся средством концептуального чужения мира. В паремологии выражаются образующие системы и признаки понятий, наиболее релевантные для данного лингвокультурного сообщества. Она передает систему языковых стереотипов и ценностных ориентиров. Анализ паремий, содержащих информацию о женщинах и мужчинах, представляет, таким образом, несомненную ценность для гендерной проблематики, так как позволяет выявить языковые стереотипы и культурные константы, стоящие за ними обобщенные представления о

женщинах, которые можно рассмотреть как проявление коллективного бессознательного (Юнг, 2001: 267).

В данной статье мы рассмотрим пословицы и поговорки немецкого языка на предмет стереотипов и двух гендерных стереотипов. Материалом нашего исследования послужили 242 пословицы и поговорки на немецком языке: *Mann, Vater, Bruder; Frau, Mädchen, Weib, Mutter, Tochter, Schwägerin*. Были выбраны термины из словарей Beyer H., Beyer A. «Sprichwörterlexikon», Graf A.E. «6000 Deutsche und russische Sprichwörter», Neumann G., Neumann S. «Volkweisheit im Sprichwort», Цвиллинг М.Я. «Русско-немецкий словарь пословиц и поговорок».

Анализ показал, что в немецком языковом сознании женщины имеют амбивалентные характеристики, наделяются противоречивыми, нередко взаимоисключающими свойствами и качествами. С одной стороны подчеркиваются их отрицательные качества, такие как завистливость, уверенность, близость, с другой приписываются и положительные черты, такие как трудолюбие, умение приносить радость и благожелательно видеть на мужчину.

В ходе нашего исследования мы выяснили, что в немецких пословицах зафиксированы стереотипные представления о том, что у женщины много отрицательных черт характера. Прежде всего, женщины отталкиваются в наличие разума и здравого смысла, она руководствуется только своими чувствами, ср. *Der Mann fragt Bücher, Freunde, Weiberführung, das Weib verlässt das Herz aus Offenbarung; Der Mann hat einen Kopf, aber kein Herz, die Frau hingegen Herz, aber keinen Kopf*. Суждениям подвергается и такое негативное качество и склонности женщины, как близость, склонность к лести и разговору и шуткам, ср. *Viel Frauen, viel Worte; Drei Frauen, drei Götze und drei Frische machen einen Jähwirth; Bei den Weibern ist des Schwatzes hohe Schule; Dreier Weiber Geräch macht einen Jähwirth; Ein Mann – ein Wort, eine Frau – ein Wörterbuch; Alle Weiber und Frische quaken mit. Ho Weiber, als Märlchen*. Выделяются женские истосности, немощность, зависимость, женские капризы, капризность, и женские коварство, ср. *Drei Dinge ändern sich geschwind: Weib, Glück und Wind; Eine launische Frau ist das Fegelfeuer im Hause; Auf keinem Hirschen und lachende Frauen ist nicht zu bauen; Fräulein und Aprilwetter sind niemals richtig; Fräuleinbuden Frauen ist nie zu trauen; Das Weib lacht, wenn sie kann, and weint, wenn sie will; Glassee keinen Weibe, wenn sie auch ist ist; Weibern und Geckhoß soll niemand trauen; Weiberlist – nichts darüber ist; Die Weiber haben das Weinen und Lachen in einen Säckel; Frauenlieb und süßer Wein kann morgen beiden Eng sein; Traue Weiber und weißer Sperlings sind keine Fägel*. А если и признается, что та или иная женщина умна, то непременно указывается на ее высокую непривлекательность. Мужчины не хотят признавать, что женщина может быть и красивой и умной одновременно, ср. *Die Frauen: Mißgeburat aus Schönheit ohne Geist oder aus Geist ohne Schönheit*.

В некоторых немецких пословицах осуждается расточительность женщины и ее умение вести домашнее хозяйство, особенно подчеркивается тот факт, что женщина бесхозяйственно расточит добро, заработанное мужчиной, ср. *Eine Frau kann mit einem Pfennig mehr verschütten, als der Mann mit dem Eisen schöpfen kann; Die Frau kann mit der Schürze mehr aus dem Haus tragen als der Mann mit dem Erntevogel einführt; Wenn der Mann ein Äpfel und die Frau ausscheffelt, geht die Wirtschaft zugrunde*.

В языковом сознании немецкого мужчины женщина предстает как источник опасности, она – загадка и тайна, ср. *Die Frau hat ihre Waffen bei sich; Eine Frau und ein Pfennig sind immer zu fürchten; Flöhe läger sind die Weiber, jagen ohne Schwanz und Treiber; Einem Weibe fehlt es nie an Tränen; Frauen sind schwer zu durchschauen; Was zu wohl ist, der schenkt es Weib; Особую опасность представляют для мужчин красивые женщины, ср. *Schöne Weiber, vergoldene Hörner; Wer ein reiches Weib gewonnen, ist im reime Freiheit gekommen; Niemand ein schönes Weib – und da heiratet Verdruß; Eine schöne Frau hat immer recht; Eine schöne Frau will jeder küssen; Wer eine Frau der Schönheit wegen nimmt, hat gute Nächte, aber schlimme Tage; Wer ein schönes Weib hat, ist nie ohne Sorgen; Die Frau gleicht der Kattanz: mehr schön – immer schlecht*.*

Немалое количество пословиц, посвященных женщинам, андрогенными, выражая интерес мужчины, они содержат советы, предостережения и рекомендации, следуя которым мужчина может добиться своей цели. К выбору и оценке спутницы жизни и лучшей половинки будущей женщины подходит с суровой прагматической позицией, ср. *Sieh dir deine Frau nicht beim Tanzen, sondern bei der Arbeit; Mit den Ohren such dir eine Frau, nicht mit den Augen*. В семейной жизни от женщины ожидается, что она будет хорошей женой, поскольку *Der Mann macht sich ein Bild des Weibes, und das Weib nickt sich nach diesem Bilde; Der Mann ist die Weiber Haut*. В противном случае мужчина может ее проучить кулаками, ведь как упрямая мудрость *Frauen und Felle wollen oft geklopft sein; Frauen und Komelotz werden von no duazet, je mehr man sie klopf; Weiber und Pferde wollen geschlagen sein; Wer sein Weib schlägt, dem bessert Gott die Mahlung*.

Следует отметить, что исходя из ангажированных паремий для немецкого мужчины лучше иметь пассивную, глупую жену, ср. *Eine dumme eifrigste Frau ist ein Segen des Himmels, eine schlauere ist eine Verfluchung* и самостоятельную, ср. *Eine schreibende Frau bringt eine Verfluchung; sie verachtet die Beschäftigung der Bücher und verringert Anzahl der Frauen; Hat die Frau die Haut an, ist die Mann der Donnerkeil*.

Жизнь женщины считается законченной только в браке, с мужем и детьми, ср. *Keine ein Mann ohne Frau als ein Haus ohne Mann*. Незамужние женщины получают обидные прозвища *das alte Jungfer* («старая дева»), их адресованы такие пословицы-советы, как *Wer nicht kann, kriegt auch einen Mann*.

В ангажированных или пословицах наблюдаются и двойные стандарты. Так, рассматривая один и тот же действия и одну и ту же сферу деятельности, некоторые пословицы не только выделяют характер в поведении мужчин и осуждают действия и манеры женщин, например, *Frauen Weib – gewisses Weib, wo Weir niemals einen Basen geholt, der ist kein rechter Mann; Aus Knaben werden Leute, aus Mädchen werden Weiber, Ein Mann – ein Wort, eine Frau – ein Weiberbuch; Männerlist ist behende, Frauenlist hat kein Ende*.

Передко женщинам рассматривается как объект собственности мужчины через с такими понятиями в холостые объективнее, как лопыль, чаша, печь, ср. *Frauen, Pferde und Oliven soll man nicht verliessen; Pferde und Frauen muss man dreim beschauen; Das Weib und der Ofen sind eine Hauszierde*. Женщина рассматривается как объект приложения действий мужчины, ср. *Frauen: anmachbare Instrumente für tödliches Vergnügen; Da willst nicht bedauern deine Nächsten Weib, Knecht, Magd, Vieh oder alles, was sein ist*. В пословицах, подчеркивая негативную сторону женской натуры, подчеркивается ее пустот существование, ср. *Tausend Frauen wiegt das Leben eines edelgen Mannes auf; Viele Tücker und ein großer Garten verlohnen den besten Hof*.

Следует указать и на достаточно сдвинутую часть так называемых поговорочных качеств характера женщины, фиксирующая ее ценность и практическую пользу. Примечательно, что нередко эта ценность состоит в сексуальной сущности женщины и женщинами можно приятно и весело провести время, *Bei uns ist Bakket radosti in einem, sodass женщины могут принести немалое удовольствие, ср. *Obne Frauen keine Freude, Ohne Geld und junge Weiber sind gute Zeitvertreiber; Bad, Wein und Weib erquickhen den Leib; Junges Weib gibt Zeitvertreib; Wer kein Weib hat, der hat auch kein Haus**.

В то же время высоко ценится зоркость, мудрость, любящая жена, ср. *Eine gute Frau ist Goldes wert; Es ist kein schöner Ding auf Erden als Frauenlieb, wenn sie aus werden; Eine gute Frau macht ein einen Achtziger einen Vierziger, eine böse ein einen Vierziger einen Achtziger*. Среди других положительных качеств женщины, отраженных в немецких пословицах, можно выделить ее трудолюбие, ср. *Frauenarbeit ist behende, nimmt aber nie ein Ende*; бережливость, ср. *Frauen machen aus Pflanzigen Taler, Männer aus Talern Pflanzige*; домовитость, ср. *Eine reißlichen Frau fehlt es nie an Wasser; Eine Frauenhand findet immer die gut; стоикость и выносливость, ср. *Wenn die Frau will, kann sie alles; Die Frauen haben immer anderthalb recht; Eine kluge Frau macht erst den Mann vernünftig**.

Отражая на приведенный материал, можно сделать вывод об отражении в немецком фольклорном фонде сложившегося в патриархальном обществе негативного отношения к женщине, поскольку даже то небольшое число пословиц, которое дает позитивную оценку, по-прежнему восхваляет трудовую деятельность женщины и одобряет ее оценку уважительного и достойного социального статуса. Особая социологическая значимость пословиц обусловлена также их заставительной и обучающей прагматикой: они характеризуют собой эмпирически народную мудрость и в этом смысле могут считаться средствами воспитания и социализации членов общества отрицательного стереотипного восприятия роли женщины и ее ценности.

Прямодливорно отобранные для исследования паремии с ключевыми словами *Mann, Frau, Weib*, они пришли в языку, что в немецкой паремологии отражена преимущественно мужская картина мира и мужская власть в нем, поскольку мужчины здесь имеют более высокой социокультурной статус и представляют собой самостоятельную ценность в немецкоязычной культуре, ср. *Ein kleiner Hahn ist auch ein Mann; Ein Mann wiegt viel wie hundert Leute; Keine ein Mann ohne Haus als ein Haus ohne Mann*.

В качестве положительных стереотипов мужского поведения в пословицах фиксируются и такие слова: *Der Mann nimmt man kein Wort, den Ochsen bei den Hörnern; Der Mannes Wort die Männer Eiere; самолюбивые: *Der ist ein Mann, der sich selbst regieren kann und sich nicht in anderen situatien; Das Unglück zeigt das großen Mann; Auf die Worte kommt's nicht an, die Tat macht den Mann; Der kluge Mann hat ein; смелость: *Das Herz über Mut schlägt den Mann**.*

Анализ показывает, что в пословицах мужчины являются набором соответствующих качеств, которые играют важную роль в создании образа настоящего мужчины. В немецкой паремологии мужчины ответственно, жено слово, надежны. Но, в основном, те или иные качества мужчины оцениваются в сравнении с женскими качествами: *Männlichkeit ist behende, Frauenlist hat kein Ende; Der Mann macht sich ein Bild des Weibes, und das Weib nickt sich nach diesem Bilde; Die Frau macht oft ein hoh Gesicht, und der Mann verkennt es nicht; Hat die Frau die Haut an, ist die Mann der Donnerkeil; Weib verhält die Weib den Mann, doch liegt sie nicht Hand an; Tausend Frauen wiegen in себе совокупность прогностических начал, выступивших в паремии сочетания*.

К приоритетным ценностям для мужчины в немецкоязычной культуре относятся также женский (в том числе профессиональный и физический) успех, честь, ответственность, ср. *Armer Mann, kalte Küche; Das ist ein weiser Mann, der sich selber raten kann; Scheint der Mann, so glüht die Frau, Selbst ist der Mann*.

Следует также отметить и пословицы, где присутствует и гендерно нейтральная информация, что весьма уравновешивает андрогенность. В идеале муж и жена представляют одно целое, благоверно или друг на друга, ср. *Mann ohne Weib, Haut ohne Leib; Mann und Weib sind ein Leib; Der Mann macht die Frau, und die Frau den Mann; Ein Mann ohne Frau ist ein Baum ohne Laub und Zweige*.

Женщина и мужчина внешне дополняют друг друга и в плане восприятия и познания мира, по своему отношению к действительности, ср. *Das Weib sieht tief, der Mann sieht weit; Das Mann ist die Weib das Herz, dem Weibe ist das Herz die Weib*.

Женщина философия немецкого мужчины сводится к тому, что в мире существуют две противоположные ценности, *Frauen und Geld regieren die Welt; Auf Weiber und Gesand steht aller Weib und Zoo*.

В немецком языковом сознании образ мужчины имеет более положительную оценку, чем образ женщины. По женственность ассоциируется не только со слабостью, но и с умом, несобой, красотой. Немецкие мужчины более критичны к женщинам, чем наоборот. Мужчины в своих оценках ориентируются на внешний образ, а женщины производят положительную оценку себя.

Отрицательные черты в мужчине рассматриваются как проявившиеся ситуации, и то время как по отношению к женщине они выполняют роль культурно маркированных стандартов. Так, осуждение трусости в мужчине не означает утверждения о том, что все

В произведениях М. Анджело двойной концепт развивает четыре основных сферы-матрицы. Во-первых – это Бог, как символ спасения и примирения, который подается через упоминание о чуде (в водных стихах).

She stood in meditation, seeking dry land | She searched God's face | Dissolved | she placed her fire of service | on the altar, and though | clothed in the finery of faith | when she arrived at the temple door, | no sign welcomed | Black Grandmother, Enter here [Angeles 1994: 255].

Вторая сфера-матрица – это музеница, (Musenide) воплощенный. В этом случае автор использует метафорическую связь с окрестностями, чуждой, гордой страной, замыкнутой на себе морем, гордом, оставляющем учю музора, на берегу. Для создания атмосферы музеницы – женщины М. Анджело вкладывает вписаны вода, берега, реки, которые символизируют женское начало. В комбинации с концептуальными метафорами страны, населенного пространства, пересечениями музыкальные черты, коннотативными метафорами женщины призваны повествовать о музас, тревогах, неопределенности, разладе, с одной стороны, и наметить на возможность примирения, прощения, единения, нового союза – с другой. Такая трактовка возвращает нас кроническим другим афроамериканским авторам (Ф. Дугласса, Э. И. Кертокс, Дж. Тумера, Дж. Болдуина и др.) и становится актуальной.

Each of you, a hundred comers | Delicate and strongly made ground | Yet denoting perpetually under siege | Your armed struggles for profit | Have left collars of waste upon | My shore, currents of debris upon my breast | Yet today I call you to my riverside, | If you will study me no more [Angeles 1994: 270-271].

Какую в этой трактовке концепта «пространство» привносит его связь с чувствами, эмоциональным состоянием девочки-подростка, желающей проникнуть в страну женственности, любви.

What I needed was a boyfriend. A boyfriend would clarify my position in the world and even more important, to myself. A boyfriend's acceptance of me would guide me into that strange and exotic land of bliss and femininity [Angeles 1969: 273].

Все три линии (спасения, поисков себя, любви) находят воплощение в описании замкнутого пространства, в частности брошенного автомобиля, в котором находится армянский подросток (ср. Angeles 1969: 245). Это напоминает посылку модель Дж. Болдуина (ср. «Loving Country», «Giorgio's Room»), когда ограниченное пространство служит укрытием, защитой от чуждого мира, местом, куда врывается любовь, где обретает свое достоинство заданный, измученный человек. Сходство в том, что герои Дж. Болдуина и М. Анджело осознают непрочность такой защиты и, будучи включены в свой внутренний замкнутый мир, одновременно с этим стремятся его покинуть, встретить новые женские бури, познать себя вне этого противоречивого – спастического и в то же время губительного – пространства, снова стать открытыми.

Тема раздумий, попыток обрести себя, страха перед будущим, осознания своей уязвимости развивается у М. Анджело и при помощи концепта метафорического и инвертированного типа.

Splashing through my brain's | wash valleys [Angeles 1994: 247].
Your children, burdened with | disbelief, blinded by a partner | of wisdom, | cannot drive the tide of | fear [Angeles 1994: 250].

Еще две сферы-матрицы концепта «пространство» в дискурсе М. Анджело – это Африка и США, представленные в группе антитезности и метонимии. Обе сферы-матрицы имеют женские черты. Африка предстает как страна-мать, измученная, но возрождающаяся к новой жизни, с историей, полной противоречий и бес. При этом М. Анджело никогда напрямую не использует эпитет *Mother Africa*, ставший табличной клише.

The gold of her promise | has never been mined | Her borders of justice | not clearly defined | Her crops of abundance | the fruit and the grain | Have not fed the hungry | nor eased the deep pain | Her proud declarations | are leaves on the wind | Her southern exposure | black dust did befriend | Discover this country | dead centuries cry | Erect noble tablets | where none can deny |

...the hills her bright future | and rapt for a soul | Then entraps her children | with legends written | I beg you | Discover this country [Angeles 1994: 85-86].

Now she [Africa - E.H.] is rising | remember her pain | remember the losses | her screams | and the pain | remember her riches | her honey stain | now she is striving | although she had lost [Angeles 1994: 84].

Африка может становиться и загадочной женщиной, не спешащей открыться своим посетителям.

I left with ... the feeling that maybe ... I could get a glimpse of Africa's ancient tribal soul. The soul was a sketchy thing. Each time I had approached it, bearing a basket of questions that rattled me, it withdrew, closed down, absorbing itself into several pleasantries. It had many fascinating smiles [Angeles 1986: 46].

В то же время автор путем метонимии стремится показать, что африканские черты являются неотъемлемой частью афроамериканской культуры и находят проявление в религии, фольклоре, танце, музыке, внешности.

This second leave-taking would not be so onerous, for now I knew my people had never completely left Africa. We had sung it in our blues, shouted it in our gospel and danced the dances in our breakdances. As we carried it to Philadelphia, Boston and Birmingham we had changed its color, modified its rhythms, yet it was Africa which rode in the halos of our high robes, shod in our protruding behinds and cradled in our wide open laughter [Angeles 1986: 288].

Таким же образом метонимия описанием земных простора, океана (*see sassybody*) говорит о тропиках Черного континента, ледяных болотах (ср. Angeles 1994: 110-111; 184; 190-207). Африка предстает в образе нежно убившего младенца, плачущего по своим земным матерям. Море в данном случае это алястория времени, прошлого. Описание же в данном дает развернутую аллюзию, основанную на легенде об африканском ботаникальге Езу и Обельяне-оранже (*Sigisfili' Monkey*), утопившей в водах земли и превращенной в ивань берегам (США).

Америка – это жестокая, жадная обманщица, принцесса в белом чертоге, лгуна и шельма, метонимия покаяния. Здесь находят отражение события политической жизни США и образы в новых африканских государствах в 60-е годы XX в., которые привели к войне музасица в афроамериканской алясторе.

You [the USA - E.H.] dwell in whitened castles | with deep and rotted moats | and cannot hear the criers | which fill your children's throats [Angeles 1994: 241].

«любимые светила»

Основной сферой-матрицей концепта «море и небесные светила» у М. Анджело становится в первую очередь сам человек. При этом автор концентрируется на развитии образа (золотого) мужчины и женщины, когда принадлежал к негрской расе. Музыкальное начало отождествляется с солнечными светом, молотом солида, символизированные силу и красоту влюбленного, его женственность.

That you gaze into my life | Like a promised sunrise | Brightening my days with the light in your eyes [Angeles 1994: 129]. [ср. Angeles 1994: 166].

Уподобление любимого остроконечному солнечному зайчику, ласковому лучу на фоне всей ширине познанию на реализации потенциальных сам звук, тепло, забота, забота – т. е. качества, важных для любой женщины (ср. Angeles 1994: 10). В то же время темы мужественности, равенства, обреченности на гибель лежат в основе периода «женский солнечный свет» – афроамериканской подростости.

A young boy, light | As winter sunshine, a new | God's burning promise, | Hang from a string of silence | Above its future [Angeles 1994: 152].

Если в музыкальном образе заповеди характеристической мужественности, то женщина – это либо посылка афроамериканца, либо персонаж, записанный автором и не имеющий выразительных параметров. Превращением здесь оказывается связь с душой (матрица) и

указание на красоту, сияние глаз, мудрость, союзности, внутренний свет, постижимость, силу, привлекательность для мужчины.

Her face was a brown moon that shone on me. She was beautiful [Angelou 1994: 32].
If you are black and for me, | With steady, as the weight | of night. And I will show | cascades of brilliance, actually. | If you are black and content, | please approach me, | as I stand | and I will arch | a crescent moon, naturally [Angelou 1994: 204].

При описании способности преодолевать себя, судьбу, покорить мужчину образы луны и солнца употребляются параллельно как единое целое.

Why are you bent with gloom? | Come I walk like I've got oil under | my feeting in my living room. | Just like moons and like suns, | With the certainty of tides, | Just like horses springing high | and I'll rise [Angelou 1994: 163-164].

Образ солнца ассоциативно к женщинам подкрепляется и инвертированным значением *the law of my land*, реализующим тему «облавы».

Если образ солнца у М. Анжелу больше напоминает европейскую трактовку, то сама жебо отсылается к линии традиционных африканских поэм, символических коллективных песен и древнее небо с элементами разного рода. У М. Анжелу поэтическая коллекция проявляется особенно ярко в метафорической связи цвета неба с глазами афроамериканца (*Monday's blue-eyed sky*). При этом концентрируются потенциальные компоненты значения «наивность, угроза, тревога нового дня» [ср. Angelou 1994: 95].

При развитии интровертного характера небесных светил в большинстве случаев автор сохраняет положительную направленность эмоциональной мироощущения. Солнце предстает либо как некоторый бунтарь, не признающий заведенного порядка и устоев прошлого, либо как альтерное существо, выходящее за пределы сферы изначальной. Образ женщины и золотой пейзаж ассоциирует об астральном мире.

His lips fields spray red | Dances and agile jorjor dance | In golden rain. Each day is | Fabulous, exploding brightly | Under the gaze of his equine | lips, frozen in the lowest point | of dead matter. Audacious | Sunlight casts defiance | At their face [Angelou 1994: 142].

At the sun, capriciously; | Struck silver fire from waiting | Chains where I was bound [Angelou 1994: 210].

Одновременно солнце – это переизлучатель, эстетический танец, метафорично подбодряет человека, и акто бодный, желтый, заставляющий, еще дурачий, но чья миссия вновь успешна и позитивна.

Even sunlight dares | and tumbles through | my bars | to dance | dances on | the floor [Angelou 1994: 103].

Then pale sun tumbles | through the poles of | iron to warm the horror | of grey guard men [Angelou 1994: 103].

Контекстуальный анализ позволяет говорить, что, как правило, контекст «солнце» имеет мужские гендерные характеристики.

В примерах олицетворения контекст «небо» реализуется при помощи двух аспектов: *sky* и *heaven*. Это позволяет автору усилить оппозицию «земля – женщина». Так, *sky* (*sky*) – становится страданиям и получению «облавы» или преследования любовью, безоговорно жертвующимся, нацелен на отходившая ночью тостом. Его подругой выступает: *what is his vessel of sun, rose zebra*.

No sound falls | from the morning sky | No sound swirls | in the evening pool | The stars leap down | at my brilliance | While birds fly | The market leech | its empty shelves | Streets lure heaven | to empty ears | This bed roams | beneath the weight | of our absent selves [Angelou 1994: 21].

Carefully | the leaves of nature | sprinkle down the way | sound of little things | and skin soted | of ruddy sunset | of ruddy sunset | roll consistently in | cobweb grey and tan | as black | for comfort [Angelou 1994: 11].

Небеса (*heaven*) – это женский образ. *Even a laugh | that tickled the ribs of | heaven* [Angelou 1994: 101].

На небесах небесных светил олицетворенно подчеркиваются звезды, ассоциативно с «облаками» (сли с существами, существующими паре) или с рыбами, плавающими в океане из сетей мриной безличности, – символ провала бед Африки [ср. Angelou 1994: 110].

В поэме метонимия воздуха становится образ пути как символа такой жизни на «облаках», новов, мировых расцветов прошлого и в то же время переживания настоящего.

Подобная линия развития контекста подчеркивается и рядом метафорических связей по отношению к авторской лингвокультуре модели «солнце – надежда». Для усиления эффекта олицетворения автор привлекает коннотативную модель «ропот – надежда, дружба, крушение надежды».

We were on the top again. As always, again. We survived. The depths had been icy and dark, but now a bright sun spoke to our souls. I was no longer simply a member of the proud graduating class of 1940; I was a proud member of the wonderful, beautiful Negro race [Angelou 1994: 179].

Одной из наиболее интересных категорий данной группы становится осенняя бурная луна, символическая связь любви, ограниченность надежды, угасание женщины, путь молодости, а так же природу Юга США, память о минувшем. Одновременно автор использует тему об образах афроамериканского прошлого начала XX в. Дж. Тумера и его концепте «Blood-Stained Moon», повествующей о роковой страсти, ведущей к гибели и самоубийству.

My hopes | dying slowly | rose petals falling | beneath an autumn red moon | will adorn your unmarked graves | My dreams | lying quietly | A dark pool under the trees | will not carry your name | to a forgotten shore | And what a pity | What a pity | that pity has folded in upon itself | an old man's mouth | whose teeth are gone | and I have no pity [Angelou 1994: 44].

■ Огонь / пламя / свет

Концепт «огонь» относится к обратной линии небесных светил, но в отличие от солнца, луны и звезд, изменяет в равной мере и положительный и отрицательный эмоциональный заряд, огонь – это в первую очередь муки, страдания, ограниченность. Путем привлечения контекста «огонь» автор развивает тему о застенчивости человека от условий существования, титотак преследования себя и предсудитого, сложившихся в результате расового барьера [ср. Angelou 1969: 18, 109; 1994: 10, 255 и др.].

Олицетворение огня расует образ человека, жалкого работника, умирающего же *work* – напоминание о пороках в гетто.

I heard the flames lick | them out the top | of zincron | mounted in red gold alloys [Angelou 1994: 38].

С одной стороны, огонь может выступать в роли сильного создателя, готового и разрушить, агрессии, причиняет боль, подруга человека. С другой стороны, ряд контекстуальных метафор (связанные спичечные голки, споживание (отзывчивости) «свечи», напротив, связываются с самим человеком и передает зрелость, жизнелюбие, приверженность своей судьбой, последствиями направлением, социальное движение, жесткий тоник. Свет, угасание в пламя, становится ошелом, инстинкту самозащиты, «структура» и ряд потенциальных сем «чужаки надежды, «обесценимости, «отчужденности» [ср. Angelou 1994: 22, 30]. Контекстуальный анализ позволяет говорить о реализации семы «свет или «темнота» у объекта действия «пламя» и ряде случаев у «огонь», входящих в структуру «темнота» «огонь».

One day they hold you in the | Palms of their hands, gentle, as if you | Were the last raw egg | in the world. Then | They pinch up | Just a little. The | First squeeze is nice. A quick hug. | Soft into your defensiveness. A little | More. The hurt begins. Wrench out a | Smile that slides around the | face. When the | Air disappears, | your mind pops, exploding fiercely, briefly, | Like the head of a | broken match. Shattered [Angelou 1994: 132].

They nod like broken candles | all waxed and burnt profound | they say it's understanding | that makes the world go around [Angelou 1994: 108].

Полюс традиционным для европейской и африканской лингвокультур можно считать употребление идиом, жаргана, жаргоны, жаргонизмов, жаргонизмов. Промышленники моды, М. Анджело делает основной упор на чувство вкуса или религиозного жеста. Последний считается неотъемлемой чертой афроамериканского богословия [cp. Angelou 1969: 32, 41, 99].

В этнолингвистической и смысловой группах развитие концепта «ночь» анализируется как либо в прочтении концепта «небесное светило», как метафоричности и аллюзии, или на планшетах, архивах Юга, наделах [cp. Angelou 1994: 187-188], либо в картинных аллюзиях – аллюзии расара над афроамериканцами [cp. Angelou 1994: 238].

Если лексема *five* (пять) связана преимущественно с картинными бедствиями, то ее оппозицией, в соответствии с Библейскими канонами, автор делает лексему *Light* (Свет), символизировав Христа, успех и красоту [cp. Angelou 1969: 100].

В качестве в целом не частотных, но привлекательных лексических концептов «ночь», «пана», «сия» стоит упомянуть «вечерний рассвет» («вечерний рассвет») (*around the moon*) и «вечерние звезды светящиеся» (*twinkles twinkling the sky*). Последний, в свою очередь, выступает синонимом таких понятий, как «ночь», «звездочка».

• *ночь / вечер / буря*

Ветер, воздух – для М. Анджело это составившие темы страсти, чувственности, буря чувств. Так, возлюбленный прекрасен в своем особом урагане, ж, вместе с дождем, воспринимается как дивный дар судьбы, пришедший с небес [cp. Angelou 1994: 166]. Привлекательность женщины (только афроамериканки) связана для М. Анджело со светом, сильными воздушными потоками [Angelou 1994: 58, 163-164]. Принадлежит к этой традиции олицетворение ветров Западной Африки, нежных и застенчивых, как женщины, дарящих, готовых к покорению любимым.

The breezes of the West African night were intimate and shy, licking the hair, sweeping through cotton dresses with intimate intimacy, then disappearing into the water blackness [Angelou 1984: 3].

Другая афро-американская концепция «вечер» – это чувства иного рода – от отчуждения, ощущения своей непривлекательности до освежающего легкого дуновения надежды [cp. Angelou 1969: 58-59, 167 и др.]. Метафорическое трансформирование автор усиливает путем инвертированного эпитета и олицетворения (*birds of broken air, birds of northern winds fly on the desert's face* и др.), которые рисуют печальные образы, гибели, беспомощную толпу, угрозу жизни со стороны обители Америки. Аллюзия повествует об отчаянии, изгнании, грядущем бедствии.

Now (if you listen closely) | I'll tell you what I know | Storm clouds are gathering | The wind is drumming down | The face of man is suffering | And I can hear the moon [Angelou 1994: 75].

Метонимия возвращает нас к теме любви, обретения супруга, пришедшего подобно легкому освежающему ветру (*the slow cool breeze*). Параллельное развитие зооморфных и фитоморфных образов, традиционных связанных с природой Африки, делает концепцию выходящие темы «вечер» принадлежность.

• *ночь / дождь*

Концепт водных стихий получает у М. Анджело четыре основные образные линии. Во-первых, это чувства, эмоциональные состояния. Так, «ночь», «звездочка», «дождь», предстает как ласка воды, спокойные воды, ровный поток, легкая дымка и, как ил, страна, сияние.

Just before bedtime, after numerous people had walked in and out, had argued over their bills, or joked about their neighbors, or just dropped in to give Sister Henderson a lift up all, a the promise of magic evenings returned to the Stone and spread itself over the family in washed the waves [Angelou 1969: 16].

Fall gently, snowflakes | Cover me with white | Cold my kisses and | Let me rest tonight [Angelou 1994: 153].

Предчувствие надежды, тишины, негу, отчуждения, интуитивное познание, интуиция, интуиция разного рода рисуются как тонкие глубокие воды, плотный туман, пана, бурный поток, мглающий протек, аллюзии, ледяная моря, страшные воды, злобные воды божества [cp. Angelou 1969: 56, 84, 218, 229, 237; 1994: 43, 101, 143 и др.].

Удача возлюбленного, шепот любви, радость – для М. Анджело это мир воды, ее интуиция, притягательность сердца.

And I know that the heart | breaks slowly, disorienting itself | into unrecognizable parts of | water. | And I know the heart would leak | absorbing its sap, with a vulgar | inability, into the | divided-up | diving rooms of strangers [Angelou 1994: 209].

Вопросы по чистоте афро-американки – это непосредственно сам человек (афроамериканка), его облик, физическое состояние, судьба. Легкость и быстрота познания, интуиция, стремительность движений ассоциируются с движением: скорость, прыжка, грация, интуиция женщины – с движением прыжка, полным взмахом, чистотой прыжка, смехом прыжками прыжки [cp. Angelou 1969: 42, 1994: 261].

Мужчина (муж или интеллигентный) изображается с помощью характеристик «ночь» или «дождь». Его мысли, чувства и движения передаются как ледяные течения ил.

Tonight | as you sprinkled your brain-down | of faithfulness, | I had no eyes [Angelou 1994: 19]. | I said you had the motion | of the ocean in your walk | and when you solve my riddle | you ain't even have to talk [Angelou 1994: 263].

I have been devoting | all my time to get | Parts of your floating | still upland as yet [Angelou 1994: 61]. [cp. Angelou 1969: 149].

Руки любимого – прекрасная ладья. Здесь автор возвращает нас к традиции корабля как олицетворения мужского начала и надежды, связанной во всей афроамериканской литературе и контрастностью с традицией для британской и американской лингвокультур «ночь» и «дождя» с женщиной.

Your hand a caravel and | Shimmering boat | Goes down the Nile | To point out Pharaoh's tomb [Angelou 1994: 18].

Жизненным как чертами называется река (river), которая может быть прозрачной женщиной, молодой женщиной, манящей к себе, зовущей отдаленно. При употреблении лексемы *pool* (пруд, озеро) автор рисует образ безмятежной молодой женщины, из знающей и знакомой в любви, как уютного ребенка ласкового дяди. Лексема *sea* (море) получает в контексте семьи «материнский» оттенок, интуитивность, интуиция, интуиция. Антропоморфные характеристики оставляют впечатление о тучной, красивой, верной старухе, вспоминающей о своем утраче, которые предстают как потоки моря (*currents of oblivion*), выражаемые из морской берег.

No wind falls | from the morning sky | No snow | wrinkles | the evening pool | The river lies down | A story brilliance | While birds fly | The market hours | its empty shelves | Streets bare | Down to empty cars | This had years | beneath the weight | of our absent selves [Angelou 1994: 21].

Across the wall of the world | A River sings a beautiful song | It says, | Come, rest here by my side [Angelou 1994: 270].

Star Jasmine and old vines | Lay claim upon the ghosted land | Then quiet pools whisper | Private childhood secrets [Angelou 1994: 141].

Deep diverges moon | from the | belly of the sea | and your song | floats to me | of last | Antiquarian | green and | brown. | Of pale trees bending | woman-like swaying | grape-blue children | laugh on beaches | of sand as | white as your bones | close | on the foot of | long-ago waters [Angelou 1994: 110-111].

Вспомогательная в мужском образе, отмечая, что при необходимости интуиция интуиция принадлежность, красоту интуитивных черт М. Анджело использует понятие и отсылка афроамериканки река (*the Nile, the Congo*) [cp. Angelou 1994: 18, 87 и др.].

При поэтике лингвистической модели «вода – судьба» М. Анжелю повествуется о перестях, медузах, провалностях, воздушных потоках, водной неопределенности, талого выбора, которые превращаются в реку, текущую с Севера на Юг (т. е. категория работы, зависимости, упреков и аллюзий на афроамериканские спичруэсы) [Angelou 1969: 122, 255; 1994: 23, 184 и др.]. Сказы драматизируются подобно кассинезу жизни, а плечи «издают», как слезинки.

Tears, capricious as a spring rain | are checked in dams | and streams are crowded in a (corner) | of my throat [Angelou 1994: 208].

Did you want to see me broken? | Bowled head and tattered eyes? | Shoulders falling down | like leadrops, | weakened by my soulful cries? [Angelou 1994: 163-164].

Предостереги себя, вода, одна душа воспринимаются автором как призыв к миру, мощь, водность, способность жить по воде (т. е. библейская аллюзия) или под водой, спонгиозный юмор, утешение жадки.

She ran her escape and dove into it [Angelou 1969: 259].

If I'm afraid of oil | It's only in my absence. | I've got a magic charm | That I keep up my | elbow. | I can walk the ocean floor | And never have to breathe. | Life doesn't frighten me at all [Angelou 1994: 167-168].

I was a lone kite in a gentle wind floating with only my will for an anchor [Angelou 1969: 245].

Lying, thinking | Last night | How to find my soul a horse | Where water is not thirsty | And | bread loaf is not stone [Angelou 1994: 74].

Третья сфера-мимезис – это звук голоса, слово, язык, которые могут падать бригами (sprinkle), течь (stream), омыться (wash), изливаться (pour), пасть (blast), течь (wee), заливаться (flood), разбиваться о берег, каботаж, утихомириваться подобно прелюди к волне (ride on waves, fall on waves, small against, stand up and down, be wate, be drowned) [ср. Angelou 1969: 130, 132, 135, 178; 1994: 41, 208 и др.].

Правом голоса, песни, поэтики М. Анжелю наделяет реку в пруд, завод (pool), Море юрнет и сплетет, тушка молчалив [ср. Angelou 1994: 102, 110-111, 141, 270, 271].

История Африки и афроамериканской диаспоры, включая Черного континента докт четвертую сюжетную линию. Прошлое и будущее, безы и мечты диаспоры оспиваются как тонкий булунный океан, вода мигрирует (flow-into water).

Out of the Acts of history's skone | I rise | Up from a past that's rooted in pain | I rise | I'm | a black ocean, leaping and wide. | Welling and swelling I bear in the tide | Looming behind sight | of terror and fear | I rise | Into a deepness that's wondrously clear | I rise | Bringing the gills that | my ancestors dove. | I am the dream and the hope of the slave. | I rise | I rise | I rise [Angelou 1994: 164] [ср. Angelou 1994: 110-111, 187-88].

Образ США поочередно декларирует триостров. С одной стороны, это любимый, мертвый край, синеводный и аллюзийный которого выстывает река и талый завод [ср. Angelou 1994: 141, 270, 271, 273 и др.]. С другой стороны, плодородная земля Юга США пропитана былыми облаками (not with ancient mowers), а потоки золота все выкаются аллюзией на скансу Ригундиль («Vargrinn», Vargrinn, let down your hair – «врунцель, Ригундиль, спустит жолотых нити»), спонгиозный европейской культуры и аллюзийной безыютности блатз Америки и перенесенных страданий афроамериканца.

You lie down, from arches | Windows, | Over hand-cut stones of your | Cathedral, seat of | golden rule | While I, ruled by duty breeds. | Left forever in the | Sands of African heaves [Angelou 1994: 210] [ср. Angelou 1994: 187-188].

В качестве еще одной сферы-мимезис, присутствующей в поэзии и прозе М. Анжелю и развлекательной в рамках концепта «вода, возмездие пространство». При этом отрицательная коннотация в связи с евроамериканцами присваивается лексеме ocean (океан), а положительная национальная маркированность и афроамериканскую отнесенность наблюдается у лексемы sea (море) [ср. Angelou 1969: 161, 245 и др.].

Подводя итог, отметим, что природный концептосфера воды служит продуктивной лингвистическим метафорическим кодированием во всем афроамериканском дискурсе начиная с ранних афроамериканских автобиографий XVIII века и заканчивая современной афроамериканской литературой. Это неслучайно и объясняется широким расовым лингвистическим дискурсивным характером. Выбор сфер-мимезиса в афроамериканской литературе так же имеет свои особенности, представляющие в первую очередь марксистским, продуктивны афроамериканской диаспоре, и который выводит отрывки афроамериканца и европейского элемента, что мы попытались проанализировать на примере анализа лингвистической модели в дискурсе М. Анжелю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демьянов, В. Э. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего дискурса // В. Э. Демьянов // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17-33.
2. Дюваль, Лариса И. О юности, ученичестве и зрелых изменениях философии / Дюваль Лариса И.; под общ. ред. А. Ф. Лооса; АН СССР, Ин-т философии. – М.: Мысль, 1979.
3. Духарев, Э. М. Контрастные построения концептуальной сферы «река» в русской и французской языковых картин мира: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Э. М. Духарев. – Екатеринбург, 2005.
4. Кубрикова, Е. С. Начальные этапы становления когнитивного лингвистического – психолингвистического языка / Е. С. Кубрикова // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 34-48.
5. МакКормик, Э. Когнитивная теория метафоры / Э. МакКормик // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 354-387.
6. Фейербах, Л. История философии. Собрание произведений: в 3 т. / Л. Фейербах; под ред. М. М. Григорьева. – М.: Мысль, 1974.
7. Чудинов, А. П. Метафорическая модель в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов // Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2005.
8. Angelou, M. All God's Children Need Traveling Shoes / M. Angelou. – N. Y.: Random House, 1986.
9. Angelou, M. I Know Why the Caged Bird Sings / M. Angelou. – N. Y.: Bantam Books, 1969.
10. Angelou, M. The Complete Collected Poems of Maya Angelou / M. Angelou. – N. Y.: Random House, 1994.
11. Major, C. Juba to Jive: A Dictionary of African American Slang / C. Major. – N. Y.: Penguin Books, 1994.
12. Smitherman, G. Black Talk. Words and Phrases from the Hood to the Amen Corner / G. Smitherman. – N. Y.: Houghton Mifflin Company, 1994.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОБРАЗНОЙ ОЦЕНКИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Яхья Д.И.

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

В истории развития филологической науки проблема образности, образных средств исследовалась многими лингвистами и литературоведами. Среди них можно отметить работы: Н.Д. Арутюновой, Л.В. Базилиной, О.И. Банниковой, В.В. Виноградова, В.Г. Гаца, В.М. Гаспарова, А.Н. Ефремова, Н.А. Духовникова, В.П. Москвина, Г. Н. Скларевской, В.Н. Телия, А.Л. Чудинова и других. Несмотря на большое количество исследований, внимание лингвистов к образности и средствам ее выражения в речи традиционно уделялось недостаточно, в которой она получает разностороннее значение, так как уже задана самой лингвистической системой, где каждый языковой элемент служит созданию образности. В последнее время исследователи все больше внимания обращают на использование

**ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИКИ,
ЛИНГВОДИДАКТИКИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Сборник научных трудов по филологии № 3

Редакция авторская

1 июня 2009 г.

Подписано в печать 07.07.09. Формат 60x90/16
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 8,0.
Тираж 100 экз. Заказ 11361.

Отпечатано: ИП Сорокин Роман Васильевич
414040, г. Астрахань, пл. К. Маркса, 33, тел.: (8512) 54-63-95